

ZBIÓR
RAPORTÓW NAUKOWYCH

Współczesna nauka.
Nowe perspektywy

Bydgoszcz
30.01.2014 - 31.01.2014

Część 6

СБОРНИК
НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Современная наука.
Новые перспективы

БЫДГОЩ
30.01.2014 - 31.01.2014

Часть 6

УДК 930.1+32+159.9+316+101.1

ББК 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: Warszawa, ul. S. Kierbedzia, 4 lok.103

e-mail: info@conferenc.pl

Cena (zl.): bezpłatnie

Zbiór raportów naukowych.

Z 40 Zbiór raportów naukowych. „Współczesna nauka. Nowe perspektywy„.
(30.01.2014 - 31.01.2014) - Warszawa: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»,
2014. - 124 str.

ISBN: 978-83-64652-07-3 (t.6)

Zbiór raportów naukowych. Wykonane na materiałach Międzynarodowej Naukowi-
Praktycznej Konferencji 30.01.2014 - 31.01.2014 roku. Bydgoszcz.

Część 6.

УДК 930.1+32+159.9+316+101.1

ББК 94

Wszelkie prawa zastrzeżone.

Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora zakazany.

Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów.

Pisownia oryginalna jest zachowana.

Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach
należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour».

Obowiązkowa odniesienia do zbioru.

Warszawa 2014

ISBN: 978-83-64652-07-3 (t.6)

"Diamond trading tour" ©

SPIS /СОДЕРЖАНИЕ

SEKSCJA 9. NAUK HISTORYCZNYCH. (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)

1. Габдулина А.Ж.	5
КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М.АУЭЗОВА)	
2. Поліщук А. С.	9
ОХОРОНА МАТЕРИНСТВА І ДИТИНСТВА НА ПОДІЛІ В 1960-1980- ТІ РР. ХХ СТ.	
3. Лагодзинский В.В.	17
ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ МИХАИЛА ДРАГОМАНОВА В СФЕРЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ	
4. Мохір Л. В.	27
МУЗЕЙНА СПРАВА У КОНТЕКСТІ ДІЯЛЬНОСТІ ПІВДЕННО- ЗАХІДНОГО ВІДДІЛУ ІМПЕРАТОРСЬКОГО РОСІЙСЬКОГО ГЕОГРАФІЧНОГО ТОВАРИСТВА	
5. Ирзаев Б.	32
ИЗ ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ	
6. Жораева Г. Т.	38
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТАТАРСКИХ ДЖАДИДОВ	
7. Королева Л.А., Молькин А.Н.	43
ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	
8. Садырова М.Ю.	45
АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОСТИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)	
9. Кириллова А.И.	51
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИ- КИ (ДВР) НА КАМЧАТКЕ В 1920-1921 ГГ.	
10. Кружалина А.А.	56
ПРОЕКТЫ «ВСЕСЛАВЯНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ ДЕМОКРАТОВ XIX ВЕКА	
11. Лопаткин И.Н.	61
ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АСПЕКТА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКИХ СМИ В ПЕРИ- ОД ОТПЕПЕЛИ	
12. Миннибаев Б.И.	68
КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В СЕРЕДИ- НЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ. НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ АССР.	

SEKCJA 14. NAUK POLITYCZNYCH. (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

13. Акбари Э. Ш.	71
ИДЕИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ PR – КОММУНИКАЦИЙ	

14. Жарська О. В.	74
ЄВРОМАЙДАН ЯК ПРОЯВ КРИЗИ ІДЕНТИЧНОСТІ	

SEKCJA 15. NAUK PSYCHOLOGICZNYCH. (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

15. Кучманіч І. М.	77
ДО ПИТАННЯ ПРО ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ ТВОРЧИХ ЗДІБНОСТЕЙ ДИТИНИ ДОШКІЛЬНОГО ВІКУ	

16. Авдеенко В.В.	81
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ОДАРЕННОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА	

17. Сиренко А. С.	85
СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ АРХЕТИПА «СОЛНЦА»	

18. Стельмах Н. В., Берегова М. І.	88
ДЕВІАНТНА ПОВЕДІНКА ПІДЛІТКІВ	

19. Бугерко Я.Н.	92
ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ	

20. Antsibor A.	97
----------------------	----

**FRUSTRATION – IS A HARD STEP TOWARDS BECOMING AN OUTSIDER:
IS THERE A HOPE FOR A DIFFERENT OUTCOME?**

21. Роздольська М. І.	105
РОЗВИТОК ГЕНДЕРНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ В УКРАЇНІ ТА ЗА КОРДОНОМ	

SEKCJA 17. NAUKI SPOŁECZNE. (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

22. Гузенина С.В., Ложкин Р.А., Стрыгина Д.А.	109
К ВОПРОСУ О БОГАТСТВЕ, БЕДНОСТИ И ВЛАСТИ В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ	

SEKCJA 23. FILOZOFIA. (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

23. Левикова С.И.	115
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: КОНЦЕПЦИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	

24. Муляр В. І.	120
СВЯТИЙ ТОМА: ТИТАН СЕРЕДНЬОВІЧНОЇ ПОЛІТИЧНОЇ ФІЛОСОФІЇ	

Габдулина А.Ж.

К.и.н., ст. преподаватель кафедры истории Казахстана КАТУ

им.С.Сейфуллина

КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М.АУЭЗОВА)

«Мы сохраняем и развиваем многовековые традиции, язык и культуру казахского народа, обеспечивая при этом межнациональное и межкультурное согласие, прогресс единого народа Казахстана» – сказал Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. Продолжая это высказывание можно сказать, что сохраняя историю, традиции, язык и культуру мы обеспечиваем наше счастливое и светлое будущее.

Началом казахской литературы традиционно считаются произведения авторов, писавших на казахском языке в XV в. Однако, мы обращаемся к казахскому поэтическому творчеству, которое берет свое начало еще с тюркского периода.

С седой древности в истории Казахстана складываются известные древнейшие эпосы на тюркских языках – “Коркыт Ата” и “Огуз-наме”. Распространявшийся устно эпос “Коркыт Ата”, в VIII –X вв., был записан в XIV-XVI вв. в виде Книги деда Коркута. Коркут считается основоположником эпического жанра, искусства врачевания и музыкальных произведений для кобыза. Огуз-хан, обладавший сверхъестественной силой, – герой эпоса “Огуз-наме”, записанного в XIII в. Рашид ад Дин и позже, в XVIII в., Абулгазы.

На всем протяжении существования казахской поэтической традиции вплоть до XX в. ее обязательной фигурой был народный поэт-импровизатор акын, благодаря чему до нас дошли эпические произведения, сказки, песни, поэмы.

Наиболее ранние произведения устного народного творчества, чье авторство можно считать установленным, относятся к XV в. В XVI в. были хорошо известны сочинения легендарного Асан-Кайгы, акынов Доспамбета, Шалкииза, в XVII в. – акына Бухара-жырау Калкаманова. В XVIII –XIX вв. в творчестве акынов Махамбета Утемисова, Шернияза Жарылгасова, Суюнбая Аронова появляются новые темы – призывы к борьбе против баев и биев. В то же время акыны Дулат Бабатаев, Шортанбай Канаяев, Мурат Монкеев представляли собой консервативное направление, идеализируя патриархальное прошлое и восхваляя религию. Акыны 2-й половины XIX в. Биржан Кожагулов, Асет Найманбаев, поэтесса Сара Тастанбекова, Джамбул и др. использовали айтысы как форму выражения общественного мнения, отстаивая социальную справедливость. У истоков казахской письменной литературы стоят казахские просветители Шокан Уалиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев.

Начало XX в. стало периодом расцвета казахской литературы, впитавшей в себя черты казахской, восточной и европейской литератур.

В конце XIX – начале XX вв. огромную роль в развитие общественной мысли вложила группа литераторов, в которую входили Нуржан Наушабаев, Машур-Жусуп Копеев и др., проповедовала патриархальные взгляды и собирала фольклор. Вокруг газеты “Казах”, в первой половине XX века, группировались национал-

патриотические силы – А. Букейханов, М. Дулатов, М. Жумабаев, М. Тынышпаев и мн. др., после 1917 перешедшие в лагерь контрреволюции. Это наша память, история, на которой сегодня растет наша молодежь.

После Октябрьской революции в творчестве многих акынов, поэтов, писателей активно развиваются социальные мотивы и темы социалистического строительства.

Родоначальниками казахской советской литературы стали поэты Сакен Сейфуллин, Баймагамбет Изтолин, Ильяс Джансугуров, писатели Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Беимбет Майлин.

В середине 50-х гг. XX века выдающийся писатель Мухтар Ауэзов закончил получившую отклик в разных странах роман-эпопею «Путь Абая». Этот роман в казахской литературе является выдающимся произведением советской литературы. Он о жизни великого поэта-просветителя Абая Кунанбаева.

В романе показана сложная картина жизни казахского общества второй половины XIX века, когда рушился многовековой кочевой образ жизни казахов, однако именно здесь мы видим не только социальную, политическую историю казахского народа, но и культурное многообразие традиций, обычаев, обрядов, фольклора казахов, здесь мы насыщаемся духовной и материальной культурной составляющей романа.

В исторической эпопее очень ярко и живо освещены многие стороны народной жизни казахов, здесь важную роль играют не только использование автором исторических документов, материалов, но и использование личных воспоминаний автора. Роман становится еще более живым, глубоким, потому как здесь чувствуется непосредственное ощущение старины, которое поддерживалось в писателе воспоминаниями детства; его глубоким знанием патриархальной провинции, это сделало роман ярким, неповторимым.

М.О. Ауэзов с особой тщательностью подошел к литературному произведению, глубоко изучая архивные материалы, историческую литературу. Так, писатель во взаимоотношениях Абая с политическими ссыльными Семипалатинска, исследовал революционно-демократическое движение в России во второй половине XIX, делал выписки из специальной литературы, посвященной Н.Г. Чернышевскому, сподвижникам Н.В. Шелгунову, М.Л. Михайлову, А. Серно-Соловьевичу, и конечно, Е.П. Михаэлису. Именно Евгений Петрович окажет большое влияние на жизнь и творчество Абая.

Рассматривая на примере эпопеи «Путь Абая» сложные вопросы, которые затрагивают две важнейшие науки историю и литературу, необходимо полагаться на данные обеих наук. Это, прежде всего, исследование исторических фактов и претворение их в художественные образы.

Исторический период, охвативший роман, сам по себе является одним из важнейших в истории времен и связанного с этим обострения аграрного вопроса в конце XIX-начале XX вв., процесса углубления кризиса кочевого хозяйства во многом были усугублены реакционной аграрной политикой царского самодержавия, выразившийся в массовом расхищении казахских земель и усилении колониального гнета.

«Переселенческое движение в Казахстан в начале XX века рассматривалось царским правительством как приоткрытие предохранительного клапана и притупле-

ние аграрных противоречий в центре России, выразившихся в массовых аграрных движениях и нарастании революционной ситуации в стране. В 1903 году у казахов Семипалатинской области было изъято 235 300 десятин. А к 1906 году – 536 124 десятины».

Мухтар Ауэзов используя достоверные исторические, архивные факты, органично изображает в романе степную жизнь, природу. Мухтар Омарханович сам родом из Семипалатинской области, для него эта особая тема, тема его родной земли, седая, как старец, гора Шынгыс. С её склонов стекают горные речушки, чьи прозрачные, журчащие воды теряются в зарослях альпийских лугов. Эти исторические места связаны с именами: Абая, Шакарима, Мухтара Ауэзова. На памятнике, который находится в центре Абайского района, в Караулы, написаны такие слова:

Бессмертные слова ты оставляешь миру, -

Так можно ли сказать: “Ты превратился в тлен!”

Река и холмы Караулы были любимыми местами Абая. С ними связаны лучшие годы его жизни, полные и радостные, и печали. Недалеко отсюда, в местечке Тойеоркеш находилась зимовка аула Тогжан. Его первая юношеская любовь жила в нем до самой смерти, как ностальгия по светлому и романтичному образу прекрасной женщины.

В романе Мухтар Омарханович ярко, красиво описывает образ женщины, но одновременно, с красотой, любовью, красной нитью в романе проходит горе, бедствия, печаль, несправедливость и сила, дух женщины, матери, жены.

В условиях патриархально-феодалного быта права женщины были жестко ограничены. Женщина не имела права участвовать в общественной деятельности, не говоря уже государственной. В казахском обществе были узаконены «калым», «аменгерство», «многоженство»... В романе, на примере женских судеб показано, как выдавали замуж дочь, практически продавая ее, зачастую родители отдавали ее против воли, когда девушка становилась «жесир», она становилась собственностью не только мужа, но и всего рода.

Сохранялись средневековые обычаи при договорах о мире, заключались браки между двумя сторонами и подкреплялись брачным союзом или передавались дети на воспитание в семью недавнего врага. И меньше всего общество интересовало мнение жены, матери, у которой отнимали ее только родившее дите. Жертвой такого обычая была маленькая Камшат, дочь Кунанбая, переданная в семью Богаея, погубившего ее бесчеловечным обращением.

Нормой казахского обычного права считалось аменгерство. Девушку, выданную замуж и если за нее уже отдан калым, в случае смерти мужа, она переходила к его брату или ближайшему родственнику. В народе говорили: «Девушка, ушедшая от жениха, не может уйти от рода».

Жена Абая Айгерим, с детства была просватана за молодого человека из рода мамай. После смерти ее жениха, она, согласно аменгерству, переходила к старшему брату. Он был пожилым человеком, но Абаю удалось предотвратить этот брак, однако ему пришлось заплатить полный калым, выплаченный за нее, прежде чем Абай смог забрать ее.

Еще с давних пор в казахском обществе за проступок женщины наказание следовало наиболее жестоким, в отличие от мужчин. Женщина считалась собствен-

ностью рода и похищение ее приравнивалось к похищению имущества племени. За ним следовало страшное наказание не только двух людей, но и сопровождалось барымтой, ограблением целых аулов, убийствами.

В произведении изображены много женских образов, искалеченных женских судеб, принесенных в жертву патриархально-родовому казахскому обычному праву. Так, драма Абая и Тогжан, Коримбалы и Оралбая, Умитей и Амира и т.д.

Наряду с жестокостью и равнодушием к женщине, в романе Мухтар Омарханович Ауэзов глубоко отразил почтительное отношение к женщине. Воплощением уважения и почтения среди всего аула была бабушка Абая Зере. Исходя из жизненных наблюдений, автор также создает образ женщины из среды господствующего класса, которым, несмотря на молодость, благодаря сильному, независимому характеру удавалось порой занять видное положение в семье. Так, и это удается Манике – жене брата Абая Исхака, Нурганым – младшей жене Кунанбая.

М.О. Ауэзов раскрывает много исторически достоверных картин, характеризующих уклад патриархально-родовой знати. Для Мухтара Омархановича, как и для многих писателей советского времени, был закономерен интерес к воссозданию художественными средствами жизни народа, в крупные переломные моменты истории, дающие возможность раскрыть яркие и сильные истории национального характера, драматические события, в корне изменяющего жизнь, определить позиции разных социальных слоев общества в этот важный исторический отрезок времени, их место в истории.

Использованная литература:

1. Л. Ауэзова. История Казахстана в творчестве М. Ауэзова. – Алматы, 1997
2. М.О. Ауэзов. Роман-эпопея «Путь Абая».- Алматы, 1968

**ОХОРОНА МАТЕРИНСТВА І ДИТИНСТВА НА ПОДІЛЛІ
В 1960-1980- ТІ РР. ХХ СТ.**

Проблема соціального захисту материнства й дитинства залишалася актуальною в усі часи. За роки існування радянської влади вона набула значного розвитку. Основні завдання державної політики були спрямовані на захист прав дітей та безпеку життєдіяльності їх матерів. Цим дослідженням ми проаналізуємо заходи реалізації цієї політики на Поділлі в 60-80-ті роки ХХ ст.

Означена проблема була недостатньо висвітленою, тому що публікації за часів радянської влади з даної тематики були спрямовані на розгляд відповідних питань і постанов СРСР та УРСР. Значну кількість матеріалів, які можна використати, це – законодавчі акти, постанови уряду та партії, які містилися у відповідних збірниках. Джерельною базою наших досліджень слугували Державні архіви Вінницької та Хмельницької областей, а саме: фонди органів соціального захисту, статистичних управлінь, рад професійних спілок, управлінь охорони здоров'я.

Мета статті полягає в аналізі діяльності органів державної влади на Поділлі в 60-80-х рр. ХХ ст., щодо охорони здоров'я матері й дитини, через визначення шляхів удосконалення розвитку мережі дитячих і медичних закладів, баз відпочинку для школярів та дітей, позбавлених батьківського піклування, захист самотніх матерів, малозабезпечених родин і покинутих дітей.

Соціальний захист материнства й дитинства розглядався як один із найважливіших чинників економічного, соціального та культурного розвитку суспільства. Кількісні та якісні показники систем соціального захисту дитинства і материнства значною мірою визначали рівень економічного розвитку держави. Основні завдання державної системи радянської влади були спрямовані на: захист і зміцнення здоров'я матері та дитини, покращення демографічної ситуації, зниження материнської смертності та смертності немовлят, безпека праці вагітних жінок, а також надання їм державної допомоги у формі пільг та привілеїв для виховання та гармонійного розвитку підростаючого покоління. Конституція СРСР визначала охорону материнства й дитинства однією з найважливіших систем державної політики, гарантувала захист і створення оптимальних умов, які б сприяли народженню здорової нації [6, с.397].

З 1960-х років система охорони материнства й дитинства розвивалася та вдосконалювалася, приймалися важливі законодавчі акти, завдяки яким забезпечувалися інтереси найбільш незахищеного прошарку суспільства – вагітних жінок та їх дітей. Так, 19 грудня 1969 року був прийнятий Верховною Радою СРСР загальносоюзний закон, який визначав найважливіші положення, зміст і характер правового регулювання в галузі охорони здоров'я населення. У 5-му розділі відповідного закону велика увага приділялася питанню охорони здоров'я матері та дитини, визначалися шляхи подальшого поліпшення лікувально-профілактичного обслуговування жінок-матерів і дітей, покращення роботи педіатричної і акушерсько-гінекологічної служби [6, с.402].

Таблиця №1

Мережа лікувально-профілактичних установ для жінок у Вінницькій області [27, с. 58].

№		1960	1970	1980	1985
1	Кількість жіночих консультацій, дитячих поліклінік і амбулаторій	298	242	286	268
2	Кількість акушерських ліжок для вагітних та породіль	2492	2287	2146	2117

Для забезпечення належних соціальних-побутових умов сім'ї і становища жінки в радянському суспільстві, законодавство про працю передбачало гарантії та пільги, які створювали відповідні умови для поєднання щасливого материнства з усе більш активною і творчою участю жінок у суспільній праці і громадській діяльності [14, с.2].

Фундаментом здоров'я народу було здоров'я дітей. Тому діти в нашій області були оточені особливим піклуванням. Сформована струнка система диспансерного спостереження, забезпечувала постійний медичний нагляд за дітьми, починаючи з внутріутробного періоду і до закінчення школи. Яскравим свідченням величезної турботи радянської влади про здоров'я жінки-матері були успіхи в справі допомоги породіллям. З 1964 року в містах, і селах нашої області майже у всіх вагітних жінок пологи були прийняті в умовах стаціонару, тоді як приблизно тридцять років назад із 100 породіль тільки трьом надавалась акушерська допомога на дому [10, с.3].

Майбутні матері перебували під наглядом жіночих консультацій протягом усього періоду вагітності. Медичне спостереження за вагітними жінками здійснювали не лише жіночі консультації, а й дитячі поліклініки. Лікарі-педіатри та патронажні сестри повинні були проводити дородовий патронаж для того, щоб знати, який стан здоров'я вагітної. На жаль, не завжди так було на практиці. Так, у періодичній пресі того часу повідомлялося про незадовільне становище у Турбівській жіночій консультації, де майже половина вагітних бралася під нагляд лише у останні строки [19, с.2].

Радянські п'ятирічні плани розвитку включали в себе широкомасштабне будівництво пологових будинків, розширення кількості акушерських та гінекологічних ліжок. Загальні обсяги розвитку мережі медичних установ для жінок в 1960-1980-ті роки, можна простежити з таблиці №1.

Як свідчать дані вищенаведеної таблиці, кількість лікувально-профілактичних установ з надання допомоги матері та дитини упродовж 1960-80 рр. не лише не зросла, а навіть зменшилась на 10 – 20% .

Особливе місце в системі охорони дитинства займали дитячі дошкільні заклади. Догляд за дітьми під час професійної зайнятості батьків здійснювався дитячими яслами, сезонними дитячими закладами, групами та школами продовженого дня. Дошкільні установи розташовувалися у спеціально побудованих приміщеннях. Вони забезпечували догляд за дітьми, їх 3-4- разове харчування, здоровий сон, відпочинок на свіжому повітрі та фізичне виховання. Діти знаходилися у цих закладах 8-12 годин на день. Особливістю дитячих установ було те, що вони забезпечували рівні можливості для утримання всіх дітей, незалежно від матеріального становища родини [13, с.3].

Таблиця №2

Розгорнання мережі дитячих дошкільних закладів на Поділлі у середині 60 – 80-х рр. ХХ ст. [38, с.81; 39, арк.45].

Місце знаходження		Вінницька область				Хмельницька область			
		1960	1970	1980	1985	1960	1970	1980	1985
Загальна кількість	дитячих дошкільних закладів	161	431	903	976	105	271	691	709
	у них дітей	10018	40909	78944	83164	6300	26100	57700	63700
місто	дитячих дошкільних закладів	88	159	249	272	76	122	193	213
	у них дітей	6566	23987	49554	53600	5400	18000	37500	46200
село	дитячих дошкільних закладів	73	272	654	704	29	149	498	496
	у них дітей	3452	16922	29390	29564	900	8100	20200	17500

Кількість дошкільних установ та дітей, які в них виховувались на Поділлі у середині 1960-80-х рр., постійно зростала. Змістовну інформацію для цього дають матеріали розміщені в наступній таблиці №2.

Матеріали статистики свідчать, що за період 1960 – 1980 рр. ХХ ст. загальна кількість дитячих установ на Вінниччині зросла у 8, а на Хмельниччині у 10 разів. Майже синхронно зростала чисельність дітей, охоплених дитячими установами, як у місті, так і на селі. Спостерігається, також збільшення кількості дітей на одну дитячу установу. Так, якщо у 1965 р. на один дитячий заклад у Хмельницькій області припадало 60 дітей, а у Вінницькій – 62 дитини, то у 1985 р. – відповідно 90 та 85 дітей.

Незважаючи на те, що мережа дитячих дошкільних закладів щорічно зростала, проте загальна кількість дітей на 100 місць залишалася ще високою, і відставала від норми. Так, у 1974 р. забезпеченість дитячих дошкільних установ у місті була значно вища, ніж у сільських регіонах, а саме: у місті – 115, на селі – 90 [36, арк.8]. На початку 80-х рр.. ситуація дещо поліпшилась, дитячі заклади відвідувало близько 66% дітей дошкільного віку. Незважаючи на таке швидке зростання, бракувало відповідних приміщень і місць у дошкільних закладах, через це значний відсоток дітей залишався на домашньому вихованні.

У 1973 році Рада Міністрів СРСР прийняла постанову «Про заходи щодо подальшого розвитку мережі дитячих дошкільних закладів у колгоспах», у якій чітко було окреслено зміст виховної роботи для дітей сільських трудівників. За вказаний період по всій території було розгорнуто соціалістичне змагання за кращу організаційну роботу дитячих дошкільних закладів. Значно поліпшилась матеріальна база дошкільних установ Хмельницького регіону. Ясла-садки даного регіону відповідали державним стандартам області. Вони були розташовані у відповідних типових приміщеннях, переважна більшість яких була забезпечена спеціальними меблями, навчально-наочними посібниками, іграшками, мала упорядковані і обладнані

Таблиця № 3

Введення в дію загальноосвітніх шкіл у Вінницькій області (тис.) [27, с.72]

Роки	Всього по області	у тому числі:	
		в місті і селищах міського типу	в сільській місцевості
1966-1970 рр.	66,2	12,0	54,2
1971-1975 рр.	53,6	11,3	42,3
1976-1980 рр.	38,2	12,7	25,5
1981 – 1985 рр.	3,6	1,8	1,8

ігрові та спортивні майданчики [13, с.2]. Дошкільні заклади Вінниччини брали участь у Всесоюзному огляді за кращу організацію дошкільного виховання на селі. Першими в цьому змаганні вийшли Бершадський та Могилів-Подільський райони, друге місце зайняли – Ямпільський та Тростянецький. Значних успіхів домогся Ладижинський дошкільний заклад Тростянецького району. У ньому всі вихователі мали середню спеціальну педагогічну освіту, завідувача – вищу; ясла-садок був забезпечений необхідним інвентарем, технічними засобами навчання [8, с.2].

Державна влада забезпечувала також організацію відпочинку та оздоровлення дітей і підлітків влітку. У своїй діяльності місцеві органи влади розробляли заходи щодо збільшення оздоровчих закладів, у тому числі й санітарного типу, які охоплювали оздоровлення дітей-сиріт, напівсиріт, багатодітних сімей та патронуваних дітей. Відповідні заклади були забезпечені необхідним обладнанням, був встановлений систематичний контроль за своєчасним дотриманням у дитячих оздоровчих закладах високоякісних продуктів харчування в потрібному асортименті, проводилися масово-політична, виховна і культурна роботи [30, арк.34].

Не менш важливою ланкою була підготовка дітей до школи. Випускники дитячих установ не повинні були відчувати надто різкої зміни вимог, і для них розробляли певні правила поведінки, які були наближені до шкільних. Практикувалися періодично й домашні завдання дошкільникам: виготовити іграшку-саморобку, намалювати квіти, вирощені вдома, закладку для книги тощо [22, с.3].

З середини 1960-х років у Вінницькій області спостерігалось скорочення кількості збудованих шкільних закладів, про що свідчить таблиця № 3.

Як видно з вищенаведених матеріалів, кількість новозбудованих шкіл, що вводилися в експлуатацію впродовж 1965-85-х рр. скоротилася майже втричі. В основному це стосувалося сільської місцевості. Тенденцію до зменшення кількості загальноосвітніх навчальних закладів можна пояснити тим, що існувала достатня кількість раніше збудованих шкіл. Також було ліквідовано менші за розміром школи для будівництва великих шкільних закладів з більшою кількістю учнівських місць. Давався взнаки фактор скорочення асигнувань на будівництво закладів народної освіти.

Переважає більшість шкіл будувалася за рахунок колгоспів, радгоспів, державних та кооперативних підприємств та організацій. Працівники навчальних закладів глибоко усвідомлювали, що міцні знання потрібні не лише тому, що цього вимагав науково-технічний прогрес, а насамперед – для формування ідейних переконань молоді. Слід відзначити, що за даний період часу на Вінниччині у навчально-виховному і освітньому процесі було до-

сягнуто значних успіхів. Третина вчителів області протягом останніх років працювала без дургорічництва. На п'ятірки вчився кожен дванадцятий учень, а на п'ятірки та четвірки – кожен четвертий [25, с.15].

Значну увагу влада приділяла малозабезпеченим, багатодітним родинам та самотнім матерям. Відповідно до постанови ЦК КПРС і Ради Міністрів СРСР від 12 вересня 1974 р. «Про дальше збільшення матеріальної допомоги малозабезпеченим і багатодітним сім'ям та одиноким матерям», відзначався порядок призначення і виплати допомоги на дітей родинам, у яких сукупний середній дохід не перевищував 50 крб. на місяць. Допомога призначалася та виплачувалася у розмірі 12 крб. щомісячно на кожну дитину у разі досягнення нею 8-річного віку [29, арк. 56].

Багатодітні та одинокі матері знаходилися на обліку у виконкомках сільських, селищних, районних і міських Радах народних депутатів, у відділах соціального забезпечення та народної освіти, які проводили певну роботу за виконанням законодавства про охорону материнства й дитинства для отримання допомоги у вихованні дітей. Так, малозабезпеченим, багатодітним сім'ям надавалася матеріальна допомога, у вигляді: безкоштовного медичного обслуговування поза чергою, забезпеченням одягом та взуттям, матеріалами для будівництва і ремонту житла. В усіх медичних закладах як і в місті, так і на селі, проводилася безвідмовно госпіталізація дітей в разі необхідності, у школах та дитячих установах діти отримували безкоштовне харчування [33, арк. 75].

На Поділлі існувало кілька видів дитячих закладів з постійним, довготривалим перебуванням у них дітей – це будинки малюка, дитячі будинки та школи-інтернати. Будинок малюка був державним закладом, призначеним для виховання дітей круглих сиріт, дітей залишених матерями, дітей одиноких матерів або батьків, дітей з вадами розумового і фізичного розвитку. Будинки дитини знаходилися у віданні органів охорони здоров'я, в них виховувалися діти від народження до трирічного віку, а діти та підлітки у віці від трьох до шістнадцяти років, які не мали батьківського піклування, були під наглядом у дитячих будинках. А для дітей та підлітків шкільного віку, які не мали належних умов для виховання в родині, існували школи-інтернати [23, с.1].

У Хмельницькій області в 1966 р. нараховувалося три будинки малюка на 225 місць [35, арк.18]. На початку 1970-х років кількість будинків малюка збільшилась, і в 1971 р. їх було п'ять на 754 місць [34, арк.90]. Догляд за дітьми здійснювався лікарями та середнім медичним персоналом. В будинках дитини були передбачені посади лікаря-педіатра та логопеда. Огляд дітей проводили відповідні фахівці два рази на рік. Фінансування перебування дітей у даних закладах здійснювалося за рахунок держави, однак при бажанні батьків діти могли бути повернені у родину [14, с.3]. З кожним роком покращувалась матеріально-технічна база. Вказані установи забезпечувалися державою м'яким та твердим інвентарем, дитячим одягом, посудом, іграшками та навчальними матеріалами [37, арк. 73].

Що стосується загальноосвітніх шкіл-інтернатів для дітей-сиріт і дітей позбавлених батьківського піклування то на початку 1965 р. у Вінницькій області їх було 17, де виховувалося 6817 учнів. Більшість з них мали належні санітарно-гігієнічні та побутові умови, а самі вихованці – відмінний зовнішній вигляд [31, арк.256]. Однак, спостерігалася недостатність медичних та педагогічних кадрів. На Хмельниччині ситуація була дещо іншою. Так, у 1965-66 р. діяло 14 шкіл-інтернатів, де виховувалися 4591 учень. Заклади охорони здоров'я спільно з медичними працівниками інтернатних

установ двічі на рік безоплатно проводили медичні огляди всіх вихованців, здійснювали постійний медичний огляд і своєчасне лікування. Навчально-виховний процес організовувався відповідно до робочого навчального плану, що розроблявся інтернатним закладом. Вихованці інтернатних установ були забезпечені необхідними підручниками, зошитами та учнівським приладдям. Педагогічні кадри були повністю укомплектовані. Наприклад, у Ситковецькій школі-інтернаті працювало 14 осіб з вищою педагогічною освітою, 5 осіб з вищою не закінченою освітою та 23 особи з середньою спеціальною освітою [33, арк. 58].

На початку 1970-х рр.. надзвичайно погіршилося становище інтернатних установ та дитячих будинків. Загальна кількість їх з кожним роком зменшувалася. Матеріальне забезпечення їх залишалося незадовільним, через брак коштів для відбудови приміщень, а також нестачі індивідуальних приналежностей та речей домашнього вжитку [1, с.2].

Слід відзначити, що у порівнянні з попередніми роками у 1980 – 1985 рр. чисельність інтернатних закладів збільшилась на 30%. Значно поліпшилась матеріальна база дитячих будинків та шкіл-інтернатів, переважна більшість їх була забезпечена спеціальними меблями, мала упорядковані та відповідно обладнані ігрові та спортивні майданчики. Тогочасне керівництво забезпечувало дітей позбавлених батьківського піклування умовами для проживання, навчання, виховання та розвитку, наближених до сімейних. Вихованці отримували певний рівень освіти, професійну орієнтацію, соціальну адаптацію та підготовку до самостійного життя та праці. Наприклад, діти школи-інтернату одного із сіл Ямпільського району – були круглі сироти. Про таких дітей держава піклувалася особливо. Мали вони затишок і їжу, хороший одяг, іграшки, книжки і розваги. Поряд з ними були чуйні та добрі люди – вихователі та вчителі. Виростали вони вмiлими, працьовитими людьми, які можливо, більше від інших вмiли цінувати добре слово й товариську підтримку. І все ж таки школа-інтернат, навіть найкраща, не могла замінити єдиних, найдорожчих на світі людей – батька і матір [18, с.29; 24, с.2].

Отже, можна зробити висновки, що радянська влада у 1960-80-ті роки на Поділлі піклувалася про охорону здоров'я матері й дитини. Основні її сили були спрямовані на розвиток мережі дитячих дошкільних закладів, ясел-садків, оздоровчих закладів для дітей і підлітків та навчальних закладів. Значну увагу влада приділяла малозабезпеченим, багатодітним родинам та самотнім матерям. В той же час існувало ще багато суперечностей, які залишалися не вирішеними.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Андронік К. Як у рідному домі / К. Андронік // Сільські вісті. – 1979. – 17 липня.
2. Баран В.К. Україна в умовах системної кризи (1946-1980-і рр.) / В. К. Баран, В. М. Даниленко – Київ: Альтернативи, 1999. – 304 с. – (Україна крізь віки. – Т. 13).
3. Бойченко В. Кому потрібен дитячий садок? / В. Бойченко // Вінницька правда. – 1971. – 3 листопада.
4. Брік Я. На варті охорони здоров'я матері і дитини /в Шаргородському районі/ – В кн.: Брік Я. Нариси про сільських лікарів. Київ. – 1948. С. 54-58.
5. Гнатюк А. И., Гришко В.Г. Патронаж детей раннего возраста на селе. – Киев: Здоров'я, 1981. – 116 с.

6. Законодавство об охороні дитинства: Сб. нормативних актів. – Київ: Радянська школа, 1982. – 519 с.
7. Котляр А. Вінничани підтримують почин / А. Котляр // Дошкільне виховання. – 1982. – № 7 – С. 2-3.
8. Курило В. Кадрам дошкільних закладів – постійну увагу / В. Курило // Дошкільне виховання. – 1982. – №1 – С. 2-3.
9. Ларіна Т. Шлях до творчості / Т. Ларіна // Дошкільне виховання. – 1979. – № 1 – С. 16-17.
10. Лекареві Л. Профілактика – основа радянської здоровохорони / Л. Лекареві // Вінницька правда. – 1965. – 15 листопада.
11. Марущак М. З турботою про підростаюче покоління / М. Марущак // Сільські новини. – 1983. – 7 квітня.
12. Марченко В., Жевлакова Г. Добром нагріте серце / Г. Жевлакова, В. Марченко // Комсомольське плем'я. – 1974. – 27 червня.
13. Марченко В., Новицький В. З любов'ю до малечі / В. Марченко, В. Новицький // Радянська освіта. – 1974. – 5 жовтня.
14. Найвище щастя – материнство. // Вінницька правда. – 1984. – 22 листопада.
15. Новицький В. Старт у дорослість // Вінницька правда. – 1983. – 4 лютого.
16. Обухова А.В. Развитие акушерко-гинекологической помощи в Калининском районе – К., 1973. – С 133-136.
17. Проценко Г. Науку виховання – у кожному сім'ю / Г. Проценко // Дошкільне виховання. – 1983. – №12. – С. 16-17.
18. Попова К. Тільки не байдужість / К. Попова // Дошкільне виховання. – 1977. – №6. – С. 29-30.
19. Подільський Е. Усе для малечі / Е. Подільський // Сільські вісті. – 1985. – 14 серпня.
20. Соціальне забезпечення в РСР: Збірник нормативних актів. – М.: Юрид. літ., 1986. – 800 с.
21. Скульський А. Освітньо-виховний комплекс на селі. / А. Скульський // Колгоспні вісті. – 1984. – 21 серпня.
22. Тарасюк М. Турбота про наймолодших / М. Тарасюк // Вінницька правда. – 1 червня. – 1986. – № 126. – С. 3.
23. Тарасюк М. А буде син, і буде мати / М. Тарасюк // Вінницька правда. – 1984. – 7 квітня.
24. Черешнюк Г. Щоб згасла посмішка / Г. Черешнюк // Вінницька правда. – 1984. – 1 червня.
25. Шпигановська Н. Готуємо дітей до школи / Н. Шпигановська // Дошкільне виховання. – 1983. – №2. – С.15.
26. Охорона здоров'я і соціальне забезпечення в УРСР. Стат. зб. / від. за вик. Л.А. Вороновський – Київ: Центральне Статистичне управління при Раді Міністрів Української РСР. – 1973. – 131 с.
27. Народна освіта, наука і культура в УРСР. Статистический сборник – Вінниця: Центральное статистическое управления при Совете Министерства УССР. – 1973. – 315 с.
28. Державний архів Вінницької області (далі – ДАВіО) – Ф.Р – 151. – Оп. 9. – Спр. 2698. – 187 арк.

29. ДАВіО. – Ф.Р – 151. – Оп. 15. – Спр. 840. – 126 арк.
30. ДАВіО. – Ф.Р – 2700. – Оп. 17. – Спр. 1104. – 301 арк.
31. ДАВіО. – Ф.Р – 2700. – Оп. 17. – Спр. 679. – 336 арк.
32. ДАВіО. – Ф.Р – 151. – Оп. 15. – Спр. 1432. – 120 арк.
33. Державний архів Хмельницької області (далі – ДАХмО) – Ф.Р – 908. – Оп. 4. – Спр. 45. – 94 арк.
34. ДАХмО. – Ф.Р – 908. – Оп. 4. – Спр. 48. – 118 арк.
35. ДАХмО. – Ф.Р – 908. – Оп. 4. – Спр. 433. – 22 арк.
36. ДАХмО. – Ф.Р – 1285. – Оп. 17. – Спр. 1350. – 19 арк.
37. ДАХмО. – Ф.Р – 908. – Оп. 3. – Спр. 795. – 150 арк.
38. ДАХмО. – Ф.Р – 908. – Оп. 33. – Спр. 510. – 286 арк.
39. ДАХмО. – Ф.Р-1285. – Оп. 17. – Спр. 82. – 77 арк.

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ МИХАИЛА ДРАГОМАНОВА В СФЕРЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

В статье рассматриваются малоизученные вопросы деятельности М. Драгоманова как историка, исследователя античной греко-римской цивилизации. Делается вывод, что истоки антиковедческих занятий следует искать в гимназическом прошлом Драгоманова. Детство и отрочество будущего историка прошли под знаком интенсивного чтения Гомера, классических авторов, специальных трудов европейских ученых, исторических романов и античных мифов. Необходимой составляющей обучения в Полтавской гимназии была и латынь, которую Драгоманов изучал под руководством К. Полевича. Важным фактором в пробуждении интереса к античной истории была и общая гуманитарная атмосфера в тогдашнем обществе, классическая составляющая гимназического образования.

Ключевые слова/Keywords: М. Драгоманов/М. Dragomanov, К. Полевич/К. Polevich, А. Стронин/А. Stronin, античность/Ancient, антиковедение/antiquity studies, классические студии/classic studies, гимназическое образование/gymnasium education.

Михаил Петрович Драгоманов известен в исторической науке прежде всего как фольклорист и литературовед, основоположник украинского социализма, конституционалист, выразитель идей федерализма и даже космополитизма. Украиноведческие работы и общественно-политическая деятельность Драгоманова настолько значимы, что в их тени остается, как правило, его деятельность преподавательская – в университете Св. Владимира, где он занимался, глиняным образом, античной, греко-римской историей.

Вместе с тем, основательность антиковедческих студий Драгоманова, тот факт, что они приходятся на начальный этап его научной деятельности – все это позволяет говорить о значительном влиянии, которое изучение античности оказало на определение мировоззренческих ориентиров молодого ученого, его кругозора. «Внешние условия жизни, – как очень точно заметил Б. Кистяковский в своем предисловии к политическим произведениям Драгоманова, – заставили его стать в положение политического агитатора. Но агитатором в точном смысле слова он никогда не был. Даже в чисто агитационные издания свои он вносил свою обширную научную эрудицию и всю глубину своей мысли. Все его политические сочинения свидетельствуют о богатстве его знаний по политической истории передовых народов и о законченной продуманности его основных предпосылок» [14, с. XI-XII; о влиянии занятий античной историей на становление общенаучных взглядов и методов Драгоманова см. особенно: [32, с. 46-54].

Для нас, таким образом, задача этой статьи состоит в том, чтобы исследовать сам процесс становления Драгоманова как антиковеда в его гимназический период.

Для формирования личности чрезвычайно важны условия этого формирования, и, несмотря на всю общность утверждения Джеймса Локка о том, что нет врожденных идей (no innate principles), и человек – это продукт окружающей среды [см. сомнения Плеханова по поводу этого тезиса Локка и его развития у французских материалистов, хотя и в более широком контексте: 26, с. 13], мы его, в целом, принимаем. И в самом деле, «среда детства» [см. особенно: 34, с. 16 со ссылками на: 13; 20] очень часто бывает определяющей для формирования личности, и весь жизненный путь человека начинается с его первой «тропинки за окном»... Особенно характерно это для второй половины XIX в., когда гуманитарная составляющая в системе образования и воспитания привилегированных слоев общества в Российской империи все более усиливалась. Михаил Петрович Драгоманов, безусловно, также принадлежал к этим слоям. Не вдаваясь в детальный анализ его биографии [о ней см. особенно: 22, с. 38-64; 2, с. 61-66; 7, с. 65-69], охарактеризуем первые вехи, которые могут быть важными для раскрытия нашей темы.

Родился М. П. Драгоманов 18 сентября 1841 г. в Гадяче. Род Драгомановых восходил к казацкой старшине. Один из его предков, грек по происхождению, был переводчиком, драгоманом в войске Богдана Хмельницкого [22, с. 38-64; 33, с. 70.], а один из дядьев, Я. А. Драгоманов, принимал участие в декабристском восстании, писал стихи [12, с. 4-5; ср.: 11, с. 182-183], посвящая их «... моему гению – Греции» [детально о нем см.: 1, с. 561-570]. Отец же, закончив привилегированное училище правопедения в Петербурге, по неизвестным причинам перебрался в Гадяч [13, с. 8; 23, с. 401-407; 7, с. 65-69].

Несколько противоречивыми кажутся годы учебы в Гадячском уездном училище: с одной стороны отмечается неприметность последнего [21, с. 607], с другой – что там у него были хорошие педагоги [31, с. 11].

Еще более противоречивыми кажутся годы его учебы в Полтавской гимназии (1853-1859 гг.), с ее, как отмечается, «в целом рутинными порядками» [21, с. 607], которые, однако, не помешали гимназисту приобрести надлежащее образование: «... Полтавская гимназия, – считает Олена Пчилка, – дала юноше много (хотя и была она школой тех давних времен, далекой от идеала и по методам обучения, и по обычаям педагогическим вообще)» [22, с. 428]. Такой вывод делается, очевидно, из-за известного инцидента, едва не обернувшегося для Драгоманова исключением его из гимназии [см. особенно: 22, с. 430-435; 7, 65-69].

Однако у самого Михаила Петровича впечатления о гимназических годах были сложнее. Едва ли не заметнее всего это проявляется в его автобиографическом очерке «Два учителя», где он в качестве пролога пишет: «Уже несколько лет назад написал я для «Народа» эти воспоминания, но колебался посылать их в редакцию, не видя в них достаточно «политического» материала, особенно в первом. И вот недавно разговаривал я с одним украинцем о текущем состоянии гимназий в России и услышал от него, какие совсем холодные и даже часто враждебные там теперь отношения между учениками и учителями, и вспомнились мне образы моих двух учителей, из которых первый служил даже в «николаевские» времена, а умел так гуманно, так тепло жить с учениками и поднимать их интеллект и мораль. Контраст между

моими воспоминаниями о двух учителях и рассказами недавнего знакомого поддали мне «политических» мотивов послать мои воспоминания в редакцию «Народа» [15, с. 575]. И далее: «Не для того только я должен их вспомнить, что сам я лично благодарен им более, чем кому-либо из всех людей, кроме отца моего, за то добро, которое они сделали для моей души. Нет, это люди, что каждый по-своему послужили к нравственному воспитанию целого ряда поколений в Полтавщине, а через то и всей нашей стране» [15, с. 575].

Первый из этих двух учителей был Казимир Осипович Полевич, о котором Драгоманов вспоминает с чрезвычайной теплотой. Поляк по происхождению, аскет по образу жизни, блестящий педагог, он всю свою жизнь, по мнению Драгоманова, положил «на учеников, на то, чтобы научить их латыни». Его педагогическая деятельность в Полтавской гимназии обусловила надлежащую филологическую подготовку выпускников, становились студентами лучших университетов Российской империи, в том числе и слависта, этнографа, мифолога, фольклориста и библиофила – Александра Александровича Котляревского, «украинца по происхождению, который ассоциируется обычно исключительно с русской культурой» [19, с. 58-59]. Последний закончил Полтавскую гимназию в 1853 году – году, в котором в нее поступил Михаил Драгоманов.

Интересной представляется оценка уже поздним Драгомановым, с точки зрения пройденного им пути, преподавания классических языков в гимназиях времен его детства: «В те времена, – вспоминает он, – не было в России теперешнего классицизма». В примечаниях Мищука и Шандры к этим словам Драгоманова его комментаторы пишут: «Здесь речь идет об изменениях в гимназическом образовании, когда по решению нового министра народного просвещения Д. Толстого «мужиконенависника» (Драгоманов) «Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения» (1874) начал отводить 45% учебного времени на греческий и латинский языки. Министр утверждал: «Еще шесть лет латыни – и вы увидите, как утомится ваша молодежь» [21, с. 576; детальнее о гимназическом образовании в России см. особенно: 3; 17; 28; 35]. Ученики до 4-го класса не знали ни греков, ни латинян, а с 4-го делились: одни плыли на классицизм, другие – на законоведение. После 1848 г. до царя Николая дошел слух, что в Западной Европе консерваторы жалуются, что классические студии ведут к республиканизму и социализму (об этом есть курьезный трактат Бастия «Le Vascchalaureat et le socialisme»), и он изгнал греку почти из всех гимназий, заменив ее натуральной историей. Полтавская гимназия осталась при одной только латыни, вместо которой, как сказано, ученики могли выбирать законоведение. Законоведам, в конце концов, не трудно было добраться до университета, потому что их принимали туда с обязанностью через год держать экзамен по латыни, очень легкий» [15, с. 576].

В этих условиях Полевич, хоть и любил больше древнегреческий язык и даже в частном порядке читал его в Полтаве для всех желающих, преподавал исключительно язык латинский. Читал он его блестяще, по собственной методике, как не читали ее в дальнейшем даже в Киевском университете: «все шло во славу латыни, – вспоминает Драгоманов непринужденное общение гимназистов со своим учителем, – которую наши «полтавчане» в университетах, при профессорах-схоластах из немецких «гуманистов» 3-го сорта, только забывали после гимназии. О себе скажу, что, поступив в

университет киевский, я пошел несколько раз на лекции профессора латыни Деллена, который написал по-своему неплохой труд «Beitraege zur Kritik der Satyren des Juvenalis» [35], я увидел, что мне там после Полевича абсолютно нечему учиться [ср. к этому иную оценку Деллена: 4, с. 97], и когда в конце моего курса взялся за римскую историю, то просто пошел дальше от того, что делал с Полевичем, и не раз, и не два приходили мне на выручку воспоминания «латинских чаев» в Полтаве» [15, с. 578].

Собственная методика Полевича заключалась, как это можно понять из воспоминаний Драгоманова, в «не-схоластическом» изучении грамматики – т. е. в чтении и комментировании классических авторов, при четырех лекциях в неделю с четвертого по седьмой классы гимназии включительно, с приглашением лучших учеников на квартиру, на уже упоминавшиеся «латинские чаи».

Результатом такого обучения было то, что, по воспоминаниям Драгоманова, уже в первый год обучения читали и переводили Корнелия Непота, Саллюстия и Овидия, а под конец курса «... в 7 классе 2-4 человека читали Тацита, большинство Горация, меньшинство Ливия. И читали не какие-то кусочки, а целые книги, часто целые произведения, читали не для самого упражнения в грамматике, а для текста, смаковали картины, идеи. Помню, например, как энтузирировался я, читая у Саллюстия кандидатскую речь Кая Мария, а в ней слова: *fortissimum quemque generosissimum* и т. д. Хорошо, – иронизирует далее Драгоманов, – что царь Николай не знал о моем экстазе, а то б и латынь выгнал из гимназий!» [15, с. 578].

Приведенные слова Гай Марий (*homo novus*, «человек новый», «выскачка» с точки зрения римской знати) произносит перед солдатами, обвиняя римскую аристократическую элиту в коррупции, низости и подлости: «*Contemnunt novitatem meam; ego illorum ignaviam: mihi fortuna, illis probra obiectantur. Quamquam ego naturam unam et communem omnium existimo sed fortissimum quemque generosissimum*» – «Мне бросают в лицо мое происхождение, я им – их подлости. Впрочем, я полагаю, что все люди – одинакового происхождения, но **все храбрейшие – они и самые благородные**» (Sall. de Bell. Jugurt. – LXXXV, 10-15).

Этот пример, упомянутый Драгомановым, и в самом деле яркий. Он хорошо иллюстрирует моральные и социально-политические предпочтения юноши, общую атмосферу, которая должна была господствовать на уроках латинского языка у Полевича.

Забегая вперед, заметим, что Полевич приобщится к обучению своего ученика и в Киеве, где он будет помогать «полтавцам» осваивать древнегреческий язык: «Полевич, – вспоминает Драгоманов, – взялся учить нас греческому языку, который преподавался у нас в университете еще ничтожнее, чем латинский, профессором-немцем и его адъюнктом-украинцем, большим полиглотом, который, однако, услышал от меня с удивлением, что литовский язык, который он выучил, арийский (*incredibile memoratu*). Мы, студенты-филологи, конечно, подпрыгнули от радости, когда Полевич предложил нам учиться у него греческому языку, и Полевич, повторив с нами элементы грамматики, посадил нас за Гомера, а затем за Софокла, вырабатывая для нас специальные лексиконы тех пьес, что мы читали с ним. Каждый из нас старался получить особое издание читаемого автора с комментариями, отчего наши лекции получали специальный интерес, а после лекций за чаем ... шли разговоры классические и не классические» [15, с. 579].

Можем, таким образом, с уверенностью сказать, что занятия латынью в Полтавской гимназии не только сделали возможным в дальнейшем становление Драгоманова как антиковеда, но и значительно повлияли на формирование его мировоззрения, его общественно-политических убеждений.

Другим учителем – героем воспоминаний Драгоманова – стал учитель истории Александр Иванович Стронин (1826-1889 гг.). В отличие от Полевича, который записывал свои методические советы к латинским текстам, раздавал их своим ученикам и даже намеревался свои труды опубликовать [15, с. 579-580], Стронин стал известным не только как учитель видных деятелей украинской культуры (кроме Драгоманова, у него учились Н. Лысенко и М. Старицкий), но и как историк, просветитель, общественный деятель, автор «Народной энциклопедии», социолог и даже политолог [4, с. 96]. Благодаря последним характеристикам Стронин и сегодня остается в числе постоянно исследуемых личностей второй половины XIX в. [см., напр.: 21; 31].

Сам Драгоманов в своих воспоминаниях связывает свое «историелюбство» с влиянием отца, «который любил читать исторические книги» [15; 22, с. 42]. Еще обучаясь в Гадячском училище, М. Драгоманов «прочитал немало исторических книг, в том числе дважды «Историю государства Российского» Карамзина» [15, с. 580].

Следует, однако, заметить, что уже потом, работая над курсами по всемирной истории в университете Святого Владимира, он будет сетовать над ограниченностью выбора исторической литературы. Еще хуже была ситуация в его детские и гимназические годы [15, с. 580]. Сошлемся здесь на оценки современника – автора «Петербургских очерков», немецкого писателя Эдуарда Пельца, один из которых напечатал в русском переводе и прокомментировал А. И. Рейтблат [25, с. 58-86], а также на исследование самого А. Рейтבלата о круге чтения в Российской империи девятнадцатого века [27, с. 30-35]. В своем обзрении книг по истории, которые были напечатаны в Российской империи за 1835-1837 гг., Э. Пельц констатирует: «... тот, кому хотелось бы найти в этих книгах критический взгляд на историю или философичность и даже лишь подлинную правду, поистине предъявил бы к их авторам совершенно несправедливые требования, ибо цензура и прочие обстоятельства устанавливают им слишком узкие пределы, не позволяющие подобной свободы мыслей. Престол по праву требует осмотрительности в тех или иных вопросах; национальная спесь не терпит хулы, а национальные предрассудки надобно в конце концов щадить! Стало быть, если случайно обнаруживаются сносные хроники и хронисты, к числу коих, пожалуй, можно отнести Карамзина, то следует вполне удовлетвориться этим» [25, с. 59].

В Полтавской гимназии Драгоманова постигло разочарование: его «историелюбство» не нашло отклика в учителя Сорокина, который учил истории древнего Востока «по методу ... «отселе и доселе» без всяких разговоров» [15, с. 569].

Справедливости ради следует здесь все же сказать, что обучение истории в третьем классе гимназии, несмотря на довольно ироническое его восприятие самим Драгомановым, несомненно повлияло на его «историелюбство» хотя бы тем, что не возбудило отвращения к истории вообще и к древней истории в том числе. Напротив, как будет вспоминать он в своих воспоминаниях, «... репутация историка была причиной того, что товарищи возложили на меня обязанность написать хронологии для кафедры, а иногда и для рукавного употребления. Благодаря этому я отвечал Со-

рокину без ошибки о всяких Априасах и Циаскарах ...» [15, с. 563]. Усваивая должным образом весь, по крайней мере, фактический материал, – добавим мы.

В третьем же классе Драгоманов получил надлежащий фундамент для развития своих исторических знаний и на последующие курсы. «Как наступили экзамены, – вспоминает он, – я должен был приготовить несколько хронологий по всему курсу; ученики брали их в рукава или вкладывали в программы на тот стол, возле которого садились «обдумывать» вызванные, пока один отвечал около учительского стола. Слух о такой функции моей прошел по пансиону, и я получил приказ изготовить такие хронологии и для старших класс. То я делал охотно: раз – из-за того, что получил себе протекцию и немножко даже уважение «старших», которые тогда били «маленьких» ни за что, а второе – из-за того, что это заполнило мое свободное время, которого у меня было много, потому что большую часть науки своего класса я знал еще из уездного училища. Такая функция фабриканта хронологий осталась со мной года три, до «новой эры» в наших гимназиях, и поэтому я заранее изучил все учебники Кайданова (по которому еще учились старшие классы), а затем Смарагдова, особенно вызубрил хронологию так, что старшие иногда играли со мной в такую игру: «Скажи германских императоров с конца через одного» с тем, что за каждую ошибку получишь по кулаку в спину, а как хорошо скажешь, то легонькую, а иногда и нелегонькую «шлепку» по затылку с похвалой: «Молодец, историк!» [15, с. 566].

Nonen est omen, «В имени – судьба!» Шутливое прозвище Драгоманова определяло, даже если он сам того не сознавал, его модель поведения в гимназии, определило весь его жизненный путь. Одобрение гимназическим окружением «исторических функций» Драгоманова утвердило его в своих наклонностях.

Особенно важным для Драгоманова было общение с учеником седьмого класса Бекманом, который впоследствии, уже готовясь к магистерской экзамену по римской истории в университете Святого Владимира, будет сослан в Самарскую губернию в связи с прохождением по «Делу о распространении малороссийской пропаганды» [9, с. 169]. «... Бекман, – вспоминает Драгоманов, – давал мне иногда читать книги, которые брал из учительской библиотеки, между прочим романы Вальтера Скотта, «Илиаду» и «Историю Греции» Джиллиса в русском переводе» [15, с. 562].

По поводу этого, в общем неплохого перевода Джиллиса [8] (кстати говоря, вовсе не немецкого, как ошибочно полагают указанные выше комментаторы Драгоманова [15, прим. 13], а видного английского историка) следует вновь привести оценку Эдуарда Пельца, который, сравнивая состояние издания исторической литературы с юридической, замечает: «Несравненно богаче выглядит отдел истории, который вкуче с географическими штудиями насчитывает 141 сочинение. Выражение “богаче”, однако, здесь уместно лишь отчасти, скорее надлежало бы употребить слово “многочисленнее”; ведь при внимательном рассмотрении оказывается, что именно в отделе истории весьма мало значительных работ. Конечно, среди семнадцати переводов блистают имена таких авторов, как Герен, Гиллис, Капфиг и Мишо; однако ж о том, как обошлись с творениями сих мужей, дабы только получить возможность представить их перед цензурой, и сколь безжалостно выхолостила их затем эта последняя, может судить лишь читатель, способный сравнить переводы с оригиналами. Но совершенно очевидно, как сильно страдает в итоге ценность подобных сочинений!» [25, с. 59].

На Драгоманова, однако, этот перевод произвел сильное впечатление, о чем он сам вспоминает: «В. Скотт тогда не очень меня заинтересовал (это произошло позже), а от Гомера и Джиллиса я совершенно погречился в конечном счете больше на военный лад: делал себе из бумаги шлемы, коня из палок, которые «метал» на взгляд богоравных Пелидов и Атридов» [15, с. 566].

Основой же изучения древней истории в гимназии оставались учебники Кайданова и Смарагдова, по которым учили и Сорокин, и учитель старших классов Михаил Павлович Стеблин-Каменский – сын одного из горячих поборников украинской культуры и друга И. П. Котляревского, на могиле которого он на собственные средства воздвиг памятник [6, с. 461].

Учебник Смарагдова [29] на долгие годы стал базовым для всех средних учебных заведений Российской империи, получил ряд правительственных наград и одновременно, хотя и с критическими оговорками, одобрения не только специалистов, но и широкой общественности. Для иллюстрации последнего характерной кажется оценка этого учебника В. Г. Белинским, который в своей рецензии так его характеризует: «Вот книга, заслуживающая полного внимания публики, утомленной эфемерными явлениями нашей литературы. Это почти первый учебник истории, составленный добросовестно, отчетливо, умно, с знанием дела» [5, с. 429], «Автор очень счастливо осуществил руководившую его мысль и составил очень дельный учебник для средних классов. Смело можем сказать, что труд г. Смарагдова превосходит все, с такою же целью составленные у нас учебники истории» [5, с. 429], и, наконец: «История Греции и Рима, занимающая, как и должно быть, большую часть учебника, составлена очень хорошо, и без всякого сравнения, как уже и было сказано, со всеми существующими у нас руководствами к преподаванию истории» [5, с. 431].

И хотя влияние этих учителей на Драгоманова оказались, как это следует из воспоминаний последнего, минимальными, его увлечение античностью в гимназии вполне раскрылось:

«В конце концов, – вспоминает Драгоманов, – все более Мих. Павлович и ходить в классы стал совсем редко. А я, не имея никакого совета, взял заново перечитывать Джиллиса и вовсе «сошел с ума на греках», приобшив даже до своего «сумасшествия» и некоторых товарищей, с которыми я много попортил палочек в «перилах» на лестнице и на пансионских окнах, употребляя их как «метательные копья». Кончилось тем, что инспектор (немец) перед каникулами поставил все недостающие палочки на мой счет и потребовал от моего отца что-то рублей 3 – 5, объяснив ему, что это за «метательные копья» – *a la grecque*. Отец, услышав от меня, что виноваты здесь Гомер Гнедича и Джиллис, только рассмеялся. На каникулах отец дал мне какую-то римскую историю, но в каком-то таком переводе, что я ее не мог читать, то остался при Гомере, с которым скрывался в сарае, там, забравшись в коляску и набив себе карманы сухими сливами и вишнями, закусывал себе ими Пелидов и Атридов. Это было тогда мое высшее «блаженство» [15, с. 580].

Исключение Драгоманова из гимназии стало одновременно и началом университетского периода в процессе становления Драгоманова как личности и ученого. Именно в университете Святого Владимира в полной мере раскроется и склонность юноши к занятиям всемирной историей и ее древним, античным разделом в особенности. Однако сделали возможным такие занятия, как это следует из

проведенного здесь исследования, его воспитание в родительском доме и обучение в Полтавской гимназии.

Список литературы

1. Айзеншток И. Поэтическая деятельность Я. А. Драгоманова / И. Айзеншток // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 561-570
2. Айзеншток І. З юнацьких літ М. Драгоманова / І. Айзеншток // Україна, 1929. № 3-4. С. 61-66.
3. Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII-XIX вв.) / И Алешинцев. СПб.: Издательство О. Богдановой, 1912. 346 с.
4. Бевз Т. А. Олександр Стронін та його роль у становленні політичної науки в Україні // Український історичний журнал, 2007. № 5. С. 97.
5. Белинский В. Г. Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым, учителем истории и географии при Сиротском институте императорского Гатчинского воспитательного дома. Напечатано иждивением С.-Петербургского воспитательного дома. СПб.: Тип. 3-го департамента Министерства государственных имуществ. 1840. 497 с., VII и VIII с. // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. Подготовка текста В. Э. Бограда. М.: Художественная литература, 1976. С. 429.
6. Биографический указатель уроженцев Полтавской губернии (Памятная книжка Полтавской губ. на 1865 и 1866 гг. С. 461.
7. Бужинський М. До гімназійальних літ М. П. Драгоманова / М. Бужинський // Україна, 1926. № 2-3. С. 65-69.
8. Гиллис. История древней Греции, поселений и завоеваний оной, от первобытного состояния сей страны, до разделения Македонского государства, содержащая в себе историю словесных наук, философии, изящных художеств: в 8 ч. / Гиллис; пер. с англ. А. Огинского. СПб., 1830-1831;
9. Гуревич П. Дело о распространении малороссийской пропаганды // Былое: Журнал посвященный истории освободительного движения. Петербург, 1907. № 7 (19). С. 169-175.
10. До гімназійальних літ М. П. Драгоманова. (Архівні доповнення до споминів О. Пчілки) // Україна. Науковий двохисячник українознавства. 1926 Кн. 2-3. С. 65-69.
11. Драгоманов М. Автобиография М. П. Драгоманова // Былое», 1906, № 6. С. 182-183.
12. Драгоманов М. Австро-руські спомини (1867-1877). Львів, 1889. 456 с.
13. Драгоманов М. П. Автожитетпис. К.: Либідь, 2009. 444 с.
14. Драгоманов М. П. Политическіе сочиненія. Т. 1. Центр и окраины / М. П. Драгоманов; под ред. И. М. Гревса, Б. А. Кистяковского. Москва.: Типографія Т – ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой дом, 1908. С. XI-XII.
15. Драгоманов М. П. Два учителя // Вибране («...мії задум зложити очерк історії цивілізації на Україні») / Упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису Р. С. Міщук; приміт. Р. С. Міщука, В. С. Шандри. К.: Либідь, 1991. С. 575-604.
16. Зеньковский В. В. Психология детства. – Лейпциг, 1924 (переизд.: М., 1996);
17. Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: РГГУ, 2000. 240 с.

18. Кухар В. М. Основні чинники формування світогляду Михайла Драгоманова у дитячому та шкільному віці / В. М. Кухар. // Ювілейний збірник на пошану Степана Гелея / Відп. редактор Іван Копич, заступник відп. редактора Андрій Сова. Львів, 2011 (Вісник Львівської комерційної академії. Серія – гуманітарні науки. Вип. 10 / Львівська комерційна академія). С. 141-148.
19. Любовець Н. І. Олександр Олександрович Котляревський: матеріали до біобібліографії // Українська біографістика = Biographistica ukrainica: зб. наук. праць. Вип. 6 / Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського; редкол. Т. І. Ківшар (гол. ред.) та ін. К., 2010. С. 58-59.
20. Маркова А. В. Философия политики А. И. Стронина. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03. М., 1994. 23 с.
21. Міщук Р.С. Сторінки великого життя / Драгоманов М.П. Вибране («...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні») / Упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису Р.С. Міщук; Приміт. Р.С. Міщука, В.С. Шандри. К.: Либідь, 1991. 688 с.
22. Олена Пчілка [Косач Ольга]. Спогади про Михайла Драгоманова / Олена Пчілка [Ольга Косач] // Україна. 1926. № 2-3. С. 38-64.
23. Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: Складний світ Агатангела Кримського. 2-е вид. К.: Основи, 2001. 328 с.
24. Павловский И. Ф., Полтавцы: Иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители: Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава, 1914 С. 156-157).
25. Пельц Э. Литература и литераторы (Перевод главы из книги Э. Пельца (Т. Вельпа) «Petersburger Skizzen», изданной в Лейпциге в 1842 г.) // Новое литературное обозрение. М., 1999. С. 58-86.
26. Плеханов Г. В. (Н. Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 13.
27. Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи // Новое литературное обозрение. М., 2001. С. 30-35.
28. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802-1902 гг./ С В Рождественский. СПб.: Изд-во МНП, 1902. 785 с.
29. Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым, учителем истории и географии при Сиротском институте императорского Гатчинского воспитательного дома. Напечатано иждивением С.-Петербургского воспитательного дома. СПб.: Тип. 3-го департамента Министерства государственных имуществ. 1840. 497 с., VII и VIII с.
30. Симонова Е. В. Социологическая концепция А. И. Стронина: Автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. СПб., 2006. 22 с.;
31. Сич О. І. Громадсько-культурна та педагогічна діяльність М.П. Драгоманова. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. К., 2010.
32. Ставнюк В. В. Роль античних студій у формуванні історико-філософських поглядів Михайла Драгоманова // Український історичний журнал. 1998. № 6. С. 46-54.

33. Терентьева Наталія, Балабанов Костянтин. Греки в Україні: історія та сучасність. Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. К.: Аквілон-Плюс, 2008. Ч. I.
34. Ульяновський В., Панчук О. Микола Петров: портрет у часовій перспективі та різних інтер'єрах // Петров Микола. Скрижалі пам'яті / Упоряд. В. Ульяновський, І. Карсим. К.: Либідь, 2003. С. 5-67.
35. Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des D. Jun. Juvenalis / von Alex. Ludw. Dölln / Kiew: Universitäts-Druckerei, 1846. – 426 + VIII s.

Мохір Ліна Володимирівна

Пошукувач кафедри етнології та краєзнавчо-туристичної роботи

Чернігівського національного педагогічного університету

імені Т. Г. Шевченка

м. Чернігів

МУЗЕЙНА СПРАВА У КОНТЕКСТІ ДІЯЛЬНОСТІ ПІВДЕННО-ЗАХІДНОГО ВІДДІЛУ ІМПЕРАТОРСЬКОГО РОСІЙСЬКОГО ГЕОГРАФІЧНОГО ТОВАРИСТВА

Анотація: в статті аналізується матеріал відносно розвитку музейної справи у контексті діяльності представників Південно-Західного Відділу Імператорського Російського Географічного Товариства.

Ключові слова: музейна справа, фонд, експонат, етнографічні матеріали, Південно-Західний Відділ.

Становлення музейної справи в Україні відбулося у руслі національного та культурного піднесення другої половини ХІХ ст., котре характеризується прискореним формуванням національної самосвідомості, посиленням інтересу до власного історичного минулого [1, с. 66]. Розвиток музейної справи, у зазначеній період, тісно пов'язаний з діяльністю Південно-Західного Відділу Імператорського Російського Географічного Товариства. Організація офіційно була відкрита у 1873 р. і одразу заявила про себе як про потужний науковий центр. Свою діяльність Відділ скерував у напрямку етнографія, географія, звичаєве право, статистика та ін.. Відповідно до них, діячі Відділу написали програми, за якими проводили дослідження, експедиції, збирали відповідний матеріал.

За короткий час, Південно-Західний Відділ зумів накопичити численну кількість етнографічного та археологічного матеріалу. Це дозволило представникам Відділу розпочати важливу справу по відкриттю власного музею та бібліотеки. Ці заклади мали стати науковими установами, які здійснювали комплектування, експонування пам'яток матеріальної та духовної культури українського суспільства. В майбутньому планувалося реорганізувати музей в потужний регіональний центр краєзнавства, пам'ятко-охоронного, культурно-національного значення.

На засіданні від 12 квітня 1873 р. подали клопотання до Комітету, який мав створити спеціальну програму для збору свідчень про південно-західний край. Також склали детальне оголошення про збір матеріалу для етнографічного музею. При розробці відповідних документів діячі Відділу спиралися на оголошення Імператорського Російського Географічного Товариства [2, с. 17]. Для пожертвування та дарування музею різних предметів, Відділ надрукував та видав спеціальне оголошення на восьми сторінках. Його складала спеціальна комісія, до якої входили представники Відділу, котрі розробляли етнографічну програму. Тираж оголошень становив 1200 примірників, які були розіслані по губерніям південно-західного краю. Також список матеріалів, який хотів мати Відділ у своєму розпорядженні був опублікований на шпальтах газети „Киевлянин” [6, с. 41].

На одному із перших засідань Відділу, представники обговорювали питання відносно приміщень для музею та бібліотеки. Було вирішено, що оскільки на початкову етапі роботи, Відділ, мав важке матеріальне положення, прийняти пропозицію голови Відділу Г. Галагана про використання його квартири, як приміщення для зберігання відповідної літератури та етнографічних експонатів [2, с. 11]. До цього етапу, матеріали зберігалися у О. Русова. Він збираючись їхати за кордон на початку липня 1873 р. запитував Г. Галагана: „Что мне делать с библиотекой Отдела, которая занимает у меня уже чуть не половину комнаты, так как в последнее время я чуть не каждый день получал посылки из разных мест, к которым мы обратились...” Так само, О. Русов писав про музейні експонати: „... что делать с Музеем? Позвольте ли Вы мне отправиться в Ваш дом и сделать ему опись” [3, арк. 2].

Крім матеріалу, який передавали місцеві жителі, представники Відділу власноруч поповнювали фонди музею. Одразу після відкриття музею, дійсні члени організації, а саме С. Алфер'єв, Ф. Волков, Ф. Ліндфорс, С. Ліндфорс, М. Левченко, О. Русов пожертвували свої літературні зібрані, колекції предметів побуту населення до музею. Загальна кількість музейних об'єктів на 1873 р. становило 888 експонатів [2, с. 33].

Першими подарунками для етнографічного музею стали: моделі вітряків, ткацького верстату, плуг, рало, борони, вози, сані, їх надав у користування інженер механік В.П. Гарін, моделі чобіт і ножа-чепелика надійшли від М. Семиренко. П. Чубинський надав у користування музею рушник, сім етнографічних картин тушшю і фарбами, які демонстрували деякі риси побуту населення Полісся [6, с. 41].

С. Русова віддала у користування музею 34 малюнка етнографічних будівель, які намальовані були власної рукою з ескізів Ф. Волкова. Він у свою чергу робив малюнки з натуральних предметів. І. Кордиш пожертвував фото з життя та побуту людей. Діячі, Чернігівської губернії, активно долучилися до роботи комплектування музею та бібліотеки. Зокрема С. Ліндфорс надіслала у користування Відділу збірник пісень у кількості 50 штук, три історичні думи, прислів'я та приказки, які були власноруч записані літом 1873 р. у с. Олешня Городнянського уїзду. Короткий статистичний, етнографічний та економічний опис с. Олешня, який був складений на основі даних зібраних літом 1873 р. за певно визначеним планом, що надав у користування С. Ліндфорс Відділу [2, с. 38]. Ці матеріали становили вагомий внесок у розвиток музейних фондів.

За короткий час музей поповнювався великою кількістю матеріалів, що не вистачало місця для їх розташування. Тому на одному із засідань Відділу підняли питання про те, що б голова Відділу просив надати спеціальне приміщення не тільки для того, щоб розташувати матеріали, а й для здійснення експонування, пропагування екземплярів матеріальної культури.

Відділ мріяв організувати та відкрити музей подібний до існуючого музею у невеличкому містечку Чехії С-Мартоні. Музей містився у спеціально збудованому трьох поверховому будинку [6, с. 41]. На кожному поверсі були представлені експонати, етнографічні матеріали, які характеризували особливості життя народу. Реалізувати цей задум було достатньо важко, Відділ не мав свого власного приміщення, навіть для проведення чергових та позачергових засідань. Не дивлячись на те, що музей і бібліотека за короткий час функціонування містили велику кількість

матеріалів, приміщення спеціального для них не було виділено, тому на 1874 р. вони не могли бути представлені не тільки для широко кола громадськості, а й для самих представників Відділу.

Музей Відділу складався із предметів подібних до звичайних музеїв південно-західного краю. Подальший розвиток музейної справи полягав у збереженні для майбутніх поколінь пам'яток культури та у популяризації збірок колекцій, що характеризували регіон в етнографічному та географічному відношеннях.

Відділ звернувся до жителів краю з проханням пожертвувати у користування різні предмети побуту, одягу, прикрас, елементів житла, тощо. Проте зазначалося, що Відділ не має змоги купувати предмети, тому бажано дарувати. Згідно з восьмим пунктом Статуту, Відділ користувався правом пересилки та оплачував пересилки вагою до одного пуда. Для цього необхідно було вказати на пересилці – „посылка в Юго-Западный Отдел от такого-то представителя”. Люди, які не були кореспондентами, співробітниками, дійсними членами організації, їм Відділ обіцяв по-можливості повертати кошти за пересилки. Речі природні, або їх моделі: різні типи ґрунту, рослин, будівельний матеріал, макети тварин, мали супроводжуватися списком народних назв, свідчень місця знаходження [4, с. 1].

Після тривалої та кропіткої праці Південно-Західний Відділ зумів відкрити музей, котрий складався із двох частин: географічної та етнографічної. Перше відділення вміщувало колекції мінералогічних та геологічних порід з точними даними місця їх знаходження. До цього додавалися свідчення про народні назви та їх використання серед місцевого люду. Зразки води, які взяті із місцевих річок та криниць. Ботанічні колекції із засушених рослин, або зразків дерев'яних порід. Зоологічні колекції – засушені комахи, риби, раковини (ці предмети мали присилати до музею в скляній посудині, яка наповнювалась спиртовим розчином або горілкою). Також можна було надсилати малюнки, фотографії обличчя людей, їхніх будівель, різних побутових речей [4, с. 1].

Друге відділення – етнографічне, за обсягом матеріалу було більше за попереднє. До фондів цього відділення входили елементи житла, будівлі (хати мазанки, землянки, курені, садиби з усім приладдям). Малюнки окремих частин будинків (дах, сволока двері – їх розташування, димар та його параметри) [4, с. 1]. Малюнки або фотографії зразки різьби, живопису, які використовувалися в народній архітектурі і орнаментах. Макети або фрагменти будівель заводів, фабрик, господарських будинків. Також мали надсилати одяг (чоловічий, жіночий, дитячий) святковий та повсякденний. Могли бути костюми або їх фрагменти. Наприклад, сорочка чоловіча та жіноча, спідниця, плахта, візерунки, якими прикрашали рукава сорочок. Верхній одяг кожної місцевості, оскільки певні елементи костюму відрізнялися один від одного. Головні убори, взуття, додаткові елементи до костюму. Також етнографічне відділення містило домашнє начиння, до якого входили ікони, рушники, квіти, дзеркало, постільна білизна, меблі кімнат, посуд і страви святкові та буденні, продукти харчування. Інструменти, речі для різного використання та призначення: верстатні станки, гребінці для волосся, для чесання шерсті, дитячі іграшки, фігурки із дерева, кістки, глини. Інструменти, які використовувалися для сільського господарства, обробки землі. Останню частину предметів становили речі, що пов'язані з рибальством та судноплавством, це різні види човнів, весел, тощо [4, с. 2].

За даними І. Житецького, на 1873 р. музейне зібрання налічувало 888 [1, с. 33] музейних зібрань, а в 1875 р. – 3 тис. одиниць зберігання, у числі яких були предмети побуту, домашнє начиння, одяг, вишиванки, писанки, музичні інструменти, також були документальні матеріали, фотографії, рукописи, зразки флори та фауни з різних українських регіонів.

Після закриття Південно-Західного Відділу Імператорського Російського Географічного Товариства у 1876 р. майно та фінансову частину передали у користування Київській археографічній комісії. Деякий музичні експонати, в якості музичних інструментів успадкував Київський відділ Російського музичного товариства, деяку частину музейних колекцій забрали на приватне користування колишні представники Відділу, більшість одиниць музейних зібрань потрапили до Церковно-археологічного музею при Київській духовній академії. Бібліотечні зібрання після довгих поневірянь потрапила до приватних осіб, частина зникла у невідомому напрямку. Лише 1911 р. рештки, що залишилися до цього часу перейшли у користування Київському комерційного інституту. Як свідчить С. Русова, у своїх матеріалах щодо роботи Відділу, залишилася записка Д. Горенко, в якій зазначалося, що 22 травня 1877 р. він отримав гроші за перевезення музею та бібліотеки [5, с. 37].

На жаль, все що зумів зібрати Відділ майже нічого не збереглося. Частина музею та бібліотеки були втрачені під час закриття Відділу, частина потрапила до приватних осіб, деякі фрагменти етнографічних експонатів відійшли у користування Російському Географічному Товариству. Проте, більша частина матеріалів, які збереглися на початок ХХ ст. згоріли під час революційних подій 1917-1920-х років ХХ ст..

Безперечно, розпочата справа по організації музею мала важливе значення не тільки для роботи Відділу, а й для збереження та популяризації українського етнографічного матеріалу взагалі. Він мав би створити цілісну картину етнографічних, антропологічних, географічних особливостей жителів південно-західного краю.

Таким чином, діячі Південно-Західного Відділу розпочали надзвичайно важливу справу. Відділ намагався створити не просто музей у вигляді місцевого закладу, а наукову установу регіонального значення. Відповідно до поставленої мети, почали створювати спеціальні фонди музейних колекцій. І хоча робота не увінчалася успіхом внаслідок політики державної влади, заслуга діячів Відділу полягала в тому, що вони привернули увагу на важливу історичну цінність музейних колекцій українського національного змісту. Зібрання яких мало репрезентувати матеріал, який відображав культурні особливості мешканців південно-західного краю. Музей, як наукова установа мала об'єднати навколо себе провідних науковців, які прагнули відкрито займатися науковою діяльністю, популяризувати свої відкриття, підвищувати рівень освіченості в українців.

Список використаних джерел та літератури:

1. Житецький І. Південно-Західний Відділ Географічного Товариства у Києві (з приводу 50-річчя його закриття в 1876 р.) / І. Житецький // Україна. – 1927. – Книга 5. – С. 31-36.
2. Записки Юго-Западного Отдела Императорского Российского Географического Общества за 1874 г. – К.: Типография М. П. Фрица. – Т. 2. – 1875. – 601 с.
3. ІР НБУ ім. В.Вернадського Ф. ІІІ. Спр. 362. О. Русов. – Арк. 2.

4. От Юго-Западного Отдела о собирании предметов для этнографического музея Отдела // Киевлянин. – К., 1873. – № 67. – С. 1-2.
 5. Русова С. К 40-летнему юбилею Юго-Западного Отдела Императорского Российского Географического Общества / С. Русова // Украинская жизнь. – 1913. – № 11. – С. 28-39.
 6. Савченко Ф. Заборона українства, 1876 р. Південно-Західний Відділ Рос. Географ. Товариства в Києві. До історії громадських рухів на Україні 1860-1870-х рр. Емський указ. / Ф. Савченко. – Харків-Київ, 1930. – 415 с.
 7. Українське науково-культурне самовизначення 1850-1876 рр. / Ф. Савченко // Україна. – 1929. – Книга 32. – С. 15-22.
 8. Хатченко А. Юрий Юрьевич Цветковский, как общественный деятель / А. Хатченко // Украинская жизнь. – 1913. – № 7-8. – С. 92-111.
 9. Мохир Л.В. Музейное дело в контексте работы Юго-Западного Отдела Императорского Российского Географического Общества.
 10. Стаття посвящена характеристиці організації краєведчого музею, етнографічних експонатів юго-западного краю представителями Юго-Западного Отдела Императорского Российского Географического Общества.
 11. Ключевые слова: музей, фонд, экспонат, этнографические материалы, Юго-Западный Отдел.
 12. Mokhir L.V.
 13. The article is devoted to the characteristics organize Museum of local lore, ethnography exhibit south-west region members South-West department of Emperor's Russian Geographical Society.
- Key words:** museum, South-West department, exhibit, found, ethnography material.

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Первое музыкальное училище на основе европейских образовательных стандартов в Центральной Азии открылось в 1918 году как отдел Туркестанского народного университета. В 1918 году он был переименован в Туркестанскую народную консерваторию. Работники данного учебного заведения были в основном представителями европейской музыки. Благодаря усилиям местных просветителей 28 марта 1919 года торжественно открылся отдел Консерватории в старом городе [1]. В результате появился новый центр по изучению и пропаганде национального музыкального наследия. В нем начали свою деятельность музыканты, играющие на национальных музыкальных инструментах – Карим Абдуллаев, Махсут Зияуддинов, Мирзо Дуст-мухаммедов, И.Лутфиллаев. Как вспоминает О.С.Поликарпов, здесь не было никаких удобств, не хватало национальных музыкальных инструментов; узкие и сырые коридоры, холодные и темные комнаты. Местная молодёжь с большим интересом и упорством училась, несмотря на все неудобства [2, 106.]. Среди этих студентов были и такие известные деятели искусства, как Ю.Раджаби, Р.Раджаби, Иномжон Икромов, С.Калонов, П.Рахимов. Затем такие школы начали создаваться и в других регионах – в 1919 году в Самарканде и Фергане. В 1920 году по инициативе Фитрата в Бухаре открылась Восточная музыкальная школа. В 1924 году Туркестанская народная консерватория получила название Ташкентского музыкального техникума. После создания специальных школ-интернатов имени Р.Глиэр в 1925 и имени В.Успенского в 1939 гг. в Узбекистане было полностью налажено непрерывное музыкальное образование, охватывающее среднюю школу, средне-специальное заведение и высшее образование.

В 1928 году в Самарканде, открылся Научно-исследовательский институт музыки и хореографии. Её основная цель заключалась в научном исследовании национального музыкального наследия, сохранению её в нотах для передачи будущему поколению. С этой целью в научный коллектив были приглашены великие представители искусства со всех регионов Узбекистана. Среди них были десятки знатоков “макома” – классической музыки, такие как, например, председатель “рикоб” – совета певцов при бухарском эмире Ота Жалол Носиров (1845-1928) [3, 15], Хожи Абдулазиз Абдурасулов(1855-1936) [4], Содирхон хофиз [5, 25], Ота Гиёс, Левича хофиз, Домла Халим Ибодов, Хожи Абдурахмон, Абдукодир Исмоилов, М.Харратов и др. Они одновременно и преподавали в этом институте, чем внесли свой вклад в воспитание целой плеяды талантливых узбекских композиторов – М.Ашрафи, М.Бурхонов, Д.Зокиров [6, 47].. К 1936 году с открытием Ташкентской государственной консерватории завершилась работа над формированием музыкального образования. Бесспорно, в первое время правления советской власти, благодаря упорному стремлению местных просветителей и правительства, была проделана большая работа в сфере музыкального образования. Однако установленная административно-буржуазная система и поли-

тика сталинской репрессии оказали серьёзное влияние и на музыкальное образование. Это влияние нашло своё отражение в политическом давлении на музыкальное наследие нашего народа, исключении из оркестра национальных музыкальных инструментов, отдалении народных исполнителей от учебных заведений. Долгое время в музыкальном преподавании не учитывались специфические особенности региона, что привело к снижению заинтересованности местного населения к советской музыкальной науке. У узбеков, издревле любителей искусства, из-за непутевой образовательной системы формировалось пренебрежительное отношение к музыкальной культуре. Такого ещё никогда не было в истории узбекского народа. Причины тому были достаточны, но самая главная причина заключалась в том, что, несмотря на то, что основное население составляли узбеки, среди педагогов музыкального образования было очень мало узбеков. У местной молодёжи был очень велик интерес к национальным музыкальным инструментам, тогда как в преподавании преобладали направления европейских музыкальных инструментов. В результате, в последнее время музыкальное образование пришло в упадок.

К 80-м годам прошлого столетия в музыкальном образовании Узбекистана действовали свыше 200 семилетних музыкальных школ, две 11-летние специализированные музыкальные школы, 20 музыкальных учебных заведений [7, 23]. Однако в них не хватало специалистов с высшим образованием. Данное обстоятельство резко повлияло на качество образования в школах. К примеру, в Ургенчском учебном заведении – регионе, где раньше процветало искусство музыки, в 1981 году по направлению пианино на 10 мест поступило всего лишь 6 заявлений. Уровень знаний у этих претендентов был очень низок. Экзамены проводились лишь для галочки, что свидетельствует о плачевном состоянии музыкальной культуры того времени [8, 8-9]. К тому же, из года в год ухудшалась материально-техническая база учебных заведений, обострялась проблема нехватки педагогических кадров по специальностям а также проблемы экономического характера. В целях предотвращения данной ситуации в музыкальных учебных заведениях открывались новые направления. Этим не удалось исправить ситуацию, наоборот, из года в год сокращалось количество поступающих, там, где были преподаватели, не было желающих. В направлениях национальных музыкальных инструментов, где было огромное количество желающих, почти во всех музыкальных школах не хватало учителей. Мы изучили данную ситуацию на примере деятельности отдельных музыкальных школ. В одном из древнейших и крупнейших музыкальных учебных заведений республики – Наманганском государственном музыкальном училище в 1980 году открылись новые направления “Художественный дизайнер” и “Артист народно-хореографического ансамбля” [9, 5], а само учебное заведение превращено в училище искусства. Учебное заведение 1982-1983 учебный год начал с 528 учениками, а в конце учебного года осталось всего лишь 399 [9, 14]. Данная проблема существовала почти во всех музыкальных школах республики, что объяснялась неспособностью многих учеников усвоить программу, переездами и другого рода причинами. Выяснилось, что основную часть педагогов и преподавателей всех музыкальных школ республики составляли представители европейских национальностей. Гулистанское государственное музыкальное училище вело обучение по 8 направлениям, основная часть и преподавателей, и учеников были представители европейских национальностей [10, 15]. В 1982/83 учебном году

обучались свыше 200 учеников, закончили учебное заведение лишь 34 [10, 100]. Бухарское музыкальное училище в 1982/83 учебном году также превращено в училище искусства. В школе было 90 вакансий преподавателя, а работали всего лишь 59 [11, 3]. Ташкентское государственное музыкальное училище имени Хамзы был одним из ведущих учебных заведений республики. В 1982/83 учебном году учебное заведение закончили 56 выпускников [12, 4]. В 4 курсах 176 студентов обучались по направлению Фортепиано, тогда как всего лишь 81 студент – по направлениям узбекских музыкальных инструментов. В национальном составе учеников узбеки составляли более 30 процентов [13, 24]. В целом, можно заключить, что в начале 80-ых гг. основная часть как учеников, так и преподавателей в музыкальных учебных заведениях республики были представители европейских национальностей. С увеличением молодого поколения национальных народов, проблемы начались увеличиваться. Поскольку, они в основном сдавали документы по направлениям национальных музыкальных инструментов, тогда как в них не хватало национальных инструментов и преподавателей, обучающих играть на них. В Гулистанском государственном музыкальном училище в 1983/84 учебном году открылось направление “Народный танец”, а количество направлений достигло 9 [13, 20-23]. В Бухарском музыкальном училище в 1983/84 учебном году требовались 98 преподавателей, а работали всего лишь 66. Только по направлению фортепиано не хватало 8, по направлению национальные музыкальные инструменты 9 учителей [14, 2-3]. После 1985 года, в эпоху, вошедшую в советскую историю под названием “Перестройка”, в социальной жизни наступил кризис, который оставил глубокий след в культурной жизни общества. Особо пострадали от этого образ жизни и условия труда творческой интеллигенции. Обратимся к примерам, в Бухарском государственном училище в 1986/87 учебном году организовано новое направление “Актер кукольного театра”, а количество направлений достигло десяти. В условиях резкого сокращения контингента учащихся стало достаточно наличие 66 учителей [15, 3]. Из-за отсутствия спроса по направлениям Фортепиано, Дирижёр хора, Художественный дизайн, в новом учебном году по этим направлениям приема не было вообще, резко увеличилось количество желающих обучаться по направлению «Национальные музыкальные инструменты» [15, 11]. В Наманганском государственном училище искусства в 1986/87 учебном году окончили учебу 108 студентов, тогда как количество поступающих составило лишь 60 [16,15]. В Джиззакском государственном училище искусства в 1986/87 учебном году поступили 60 учеников, а в 1987/88 учебном году учебный контингент едва составил 44 учащихся. Последние были набраны по направлению национальных музыкальных инструментов. По направлениям струнных инструментов, дирижёра хора, теории музыки набора не было вообще [17, 17]. В 1986/87 учебном году в Гулистанском государственном училище искусства существовала проблема нехватки педагогических кадров [18, 23]. Несмотря на регулярную агитационную работу, резко сокращалось количество интересующихся учебой по этим направлениям. В I курс поступили 65 учеников, всего лишь 14 из них были представители узбекской национальности [18, 29]. По направлениям Фортепиано и Теория музыки приём учащихся не осуществлялся [18, 30]. В Каршинском государственном училище искусства в 1987/88 учебном году 63 преподавателя обучали 185 учеников. Несмотря на широкую пропаганду в новом учебном году на учебу приняты 34 учащихся по 4 направлениям. Последние подали заявления

по направлению национальных музыкальных инструментов, и ни одного заявления не поступило по направлению баяна [19, 10]. В Гулистанском государственном училище искусства в 1988/89 учебном году было много интересующихся по направлению “национальные музыкальные инструменты”, тогда как чувствовался острый дефицит учителей по этому направлению. Количество новых учеников составляло 51, 27 из них были представители узбекской национальности, в училище из года в год увеличивалось количество учащихся-узбеков [20, 35]. К последним годам советского режима дошло до того, что не только учащиеся обычных, но даже специальных музыкальных школ не могли нормально играть на музыкальных инструментах. Преподаватели музыкальных училищ посещали музыкальные школы городов и их окраин, и готовили учеников для учебы в музыкальном училище. Даже при этом многие ученики отказывались продолжать учебу по музыкальному направлению. К тому же открытие новых направлений имел чрезвычайный характер. Подготовка кадров осуществлялась в условиях нехватки учителей и необходимой литературы. В сельских школах были нарасхват даже эти полуграмотные кадры – выходцы училищ. Были и такие случаи, когда в отдельных училищах искусства открылись “танцевальные направления”, тогда как не было ни специальных танцевальных залов с зеркалами, ни специалистов-преподавателей, ни станков, ни звуковых устройств. В этих условиях подготавливали “танцоров”.

Особо следует отметить роль конкурсов в подготовке специалистов в области музыки. Один из таких конкурсов – “Республиканский конкурс молодых музыкантов и исполнителей средних специальных учебных заведений искусства”. Конкурс основан в 1971 году и проводился регулярно каждые два года. В 1984 году конкурс проводился VIII раз в городах Ургенч, Фергана, Бухара и Наманган. 68 конкурсантов из 172 были представители города Ташкента и Ташкентской области, 47 – из Ферганской долины, из Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей участвовали всего лишь 5 конкурсантов [21, 44]. Это наглядно демонстрирует неравномерную подготовку специалистов в различных регионах республики. Разница между столицей и регионами увеличивалась из года в год. Это было особо заметно в IX Республиканском конкурсе 1986 года. Ещё один конкурс это – “Республиканский конкурс молодых музыкантов национальных музыкальных инструментов и баянистов”. Из года в год понижался уровень этого чрезвычайно важного конкурса. Например, если в I Республиканском конкурсе молодых музыкантов национальных музыкальных инструментов и баянистов 1971 года участвовали 101 конкурсантов, то во II, в 1974 году – 96, а в III, в 1980 году – всего лишь 90 [22, 6-8]. В очередном IV конкурсе, прошедшего в Ташкенте в феврале 1984 года, участвовали 87 музыкантов, 12 из которых не пришли на жеребьёвку. На V Республиканском конкурсе 1988 года участвовали 57 молодых исполнителей. 38 участников были студенты Ташкентской государственной консерватории, 7 – ученики школы имени Р.Глиэра, представителей регионов не было вообще. В том году, впервые в истории, никто из конкурсантов не удостоился I призового места [23, 38]. Это было доказательством бедствующего состояния музыкального образования в регионах. В 1989 году VIII Республиканский конкурс пианистов и VI Республиканский конкурс музыкантов струнных инструментов также отличались скудным количеством конкурсантов. Эти конкурсы проводились среди около 40 исполнителей. Никто из исполнителей на альте не дошел до III тура. В конкурсе

в основном участвовали студенты музыкальных учреждений столицы и сотрудники музыкальных коллективов, что конечно оказало существенное влияние и на уровень конкурса [24, 18].

И в заключение можно сказать, что советское правительство в первое время захвата власти в регионе, проделала серьёзную работу по “развитию национальной культуры”. Основная цель – сформировать собственный резерв кадров и с помощью музыкальных произведений на основе национальных мотивов запечатлеть в сознании широких народных масс советскую идеологию. В 20-е годы прошлого столетия под лозунгом борьбы против неграмотности советская власть осуществляла беспощадную борьбу против многовековой истории народа и его национальных ценностей. Культура узбекского народа была на очень высоком уровне, наш народ особо глубоко чувствовал музыкальное искусство. Однако, отказ от арабской письменности, переход к латинице, а затем к кириллице стало причиной отделения молодого поколения от наследия предков, истории от будущего и привела к истинной неграмотности. В результате, неповторимое национальное музыкальное наследие и музыкальные традиции народа долгое время оставались без должного внимания и подвергались притеснению. Долгое время не открывались учебные заведения для дальнейшего развития данной сферы и для того, чтобы учащиеся могли свободно заниматься этими видами искусства. Благодаря увеличению интереса к музыкальному наследию Востока, лишь в 1972 году в Ташкентской государственной консерватории открылась кафедра “Восточная музыка”. Приём осуществлялся для около 7-8 слушателей, кафедра в основном служила для зарубежных исследователей. Система образования, организованная на основе идей евроцентризма не оправдала надежды. Образование было далеко от национальных корней. Во всех образовательных учреждениях в учебные планы отделов национальных инструментов были включены произведения европейских композиторов на скрипке, альте, виолончели.

Литература

1. Наша газета. 28 марта, 1919 года.
2. История узбекской советской музыки. I том. Т.: Ф.Фулум, 1972.
3. Бухоро маком мактаби // Нафосат, № 7-8, 1992.
4. И.Исматий // Маориф ва ўқитувчи, № 7-8, 1927.
5. Ш.Сокин, Содирхон ҳофиз // Совет Ўзбекистони санъати, № 6, 1983.
6. О.Хусанов. Самарқанд булбули, Т.: Ф.Фулум”, 1970 й.
7. Б.Гуйғун, Ф.Умарова. Шахснинг мусиқий маданияти // Совет Ўзбекистони санъати, № 5, 1986.
8. С.Зокиров, Мактаблар талаб даражасидами? // Совет Ўзбекистони санъати, № 8, 1983 й.
9. Ўз МДА, Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6051.
10. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6049.
11. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6048.
12. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6060.
13. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6205.
14. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6204.
15. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6644.
16. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6648.

17. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6745.
18. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6645.
19. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6747.
20. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6843.
21. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6145.
22. Р.Неъматов, Қ.Исломов. Созлар соз бўлсин // Совет Ўзбекистони санъати. № 4, 1984.
23. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6725.
24. Ўз МДА., Фонд 2487. Опис 3. Йиғ. Жилд. 6810.

Жораева Гулжамал Тулегеновна
к.и.н., и.о. доцент Международного
казахско-турецкого университета
им. Х.А.Ясави г. Туркестан

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТАТАРСКИХ ДЖАДИДОВ

Резюме: В конце XIX – начале XX вв. в Поволжья и Урала образовалось новое просветительские взгляды татарских джадидов. Джадиды выступали за развитие национального искусства и литературы, равноправие женщин, реорганизацию деятельности духовенства, преподавание в школах на национальном языке, во время Революции 1905-07 – за реформы политического устройства страны.

Ключевые слова: Мусульман, медресе, образование, история, метод.

В XIX веке среди российских мусульман - преимущественно среди поволжских и крымских татар, башкир и других народов, придерживающихся ханафитского мазхаба - развернулось общественно-политическое и интеллектуальное движение, которое получило название джадидизм. Джадиды действовали путем воспитания и просвещения, пытались показать муллам и всем верующим преимущества современной цивилизации. Они подчеркивали необходимость открытия «врат иджитхада» для разрешения задач, которые ставила перед мусульманами европейская цивилизация. В более широком смысле джадидизм был движением за распространение просвещения, развитие тюркских языков и литературы, изучение светских дисциплин, использование достижений науки, равноправие женщин. Идеологами джадидизма были просветители Шихабуддин Марджани и Хусаин Фаизханов и т.д.

Шихабуддин Марджани – религиозный деятель, просветитель, философ, историк. Вышеперечисленные определения не охватывают все стороны его многогранной деятельности. Марджани также и этнограф, и археолог, и востоковед, и педагог. Энциклопедичность его знаний можно сравнить с энциклопедизмом французских просветителей XVIII века – Дидро и Руссо.

Шихабуддин Марджани родился 16 января 1818 года Ябынчи нынешнего Атнинского района Татарстана. Предки Марджани со стороны отца и матери принадлежали к фамилиям известных имамов-мударрисов. Первые сведения по истории Шихабуддин получил от своего деда Субхана б. Абд аль-Карима, который владел арабским и персидским языками. Дед Марджани со стороны матери, Абд ан-Насир, обучал его Кор'ану, Сунне, фикху (мусульманскому праву). Отец Марджани Бахааддин получил образование в Бухаре и был там одним из уважаемых людей, которого на свои меджлисы (собрания) приглашал эмир Бухары Хайдар Масум. С отцом он занимался арабским языком, логикой, каламом (раздел теологической науки). В пятилетнем возрасте Марджани лишился матери, а потом воспитывался мачехой в довольно суровой обстановке. Начальное образование он получил в медресе, где преподавал его отец, в Ташкичу [1, с.19]. Юный Шихабуддин не ограничивался изучением предметов, преподаваемых там, а занимался самостоятельно в домашней библиотеке. Уже с семнадцати лет он начинает преподавать в этом медресе и, будучи неудовлетворенным учебником морфологии персидского языка, составляет свой. Оба его деда и отец, будучи людьми образованными, обладая обширными познаниями по восточной истории, философии, религии, сумели привить юному Шихабуддину стремление к учению, знанию. Полученное образование не удовлетворяет Марджани, постоянно стремившегося к получению новых знаний. В 1838 году он отправляется в Бухару для продолжения образования. В Бухаре неудовлетворенный системой обучения в медресе он, в основном самостоятельно, занимается в богатых ценными рукописями местных библиотеках. Деньги на жизнь зарабатывает обучением детей состоятельных людей. В 1843 году Марджани отправляется в Самарканд – один из древних очагов культуры Средней Азии. Там он обучается в медресе «Ширдар», знакомится с известным историком кади Абу Саидом ас-Самарканди, который, как пишет Марджани, стал первопричиной того, что он «начал интересоваться исторической наукой и приступил к исследованию исторических книг». В Самарканде, уже обладая определенными знаниями, Марджани испытывает потребность глубже познать взгляды своего предшественника и соотечественника Абу Насра аль-Курсави (1776-1812). В 1845 году Марджани возвращается в бухарское медресе «Мир-Араб». Именно там Марджани начинает серьезное изучение культуры, истории, философии Востока. Первые свои произведения он посвятил истории тюркских народов Средней Азии [2, с.370]. В 1848 году, после одиннадцатилетнего отсутствия, с новым багажом знаний Марджани возвращается на родину и в марте 1850 года назначается имамом-мударрисом 1-й Казанской мечети. В 1867-68 годах Духовное собрание мусульман Поволжья и Приуралья назначило Марджани на должность ахунда и мухтасиба Казани (одна из самых почетных религиозных должностей региона), что явилось несомненным признанием его деятельности со стороны руководства мусульман. С официальными светскими властями у Марджани также устанавливаются позитивные контакты. Он выполняет отдельные поручения казанской губернской власти: следит за изданием текста Кор'ана в казанской типографии организует сбор денег для кавказских народов, пострадавших от землетрясения, составляет отчеты о рождении, бракосочетании, смерти мусульман для государственных учреждений, участвует в судебных заседаниях при произнесении клятв мусульманами.

Со временем имя Марджани становится известным далеко за пределами Казани: в 1870 году выходит в свет его книга «Назратуль-хакк», своими новыми для своего времени и среды религиозно-реформаторскими идеями, принесшая автору широкую известность не только на родине, но и на мусульманском Востоке [3, с.12-13]. Он становится видным идеологом религиозного реформаторства, продолжившим и углубившим в новых исторических условиях традиции своих предшественников А. Курсави и А. Утыз-Имяни. Педагогическая работа Марджани – еще одна страница его просветительской деятельности в широком смысле этого слова. 13 сентября 1876 года в Казани открылась Татарская учительская школа с восьмилетним обучением. Школа готовила учителей начальных классов из татар. Преподавание велось на русском языке, исключая урок шариата. Марджани первым из татарского мусульманского духовенства согласился на предложение инспектора школы В. Радлова преподавать в ней вероучение. На открытии школы он выступил с приветственной речью, в которой призывал татар к обучению в этой школе. В течение девяти лет Марджани преподавал в Татарской учительской школе, входил в педагогический совет. Однако в результате разногласий с инспектором и некоторыми учителями вынужден был оставить преподавание. За эту деятельность консервативные круги мусульманского духовенства называли Марджани миссионером, еретиком, вероотступником. В своем медресе Марджани многие занятия ведет по собственной программе. В 80-х годах XIX века радикально расширяется собственно научная деятельность Марджани, на передний план выходят занятия философскими и историческими дисциплинами. В этот период Марджани работает над рукописным биографическим словарем «Вафиятуль-асляф ва тахийятуль-ахляф» («Подробное о предшественниках и их приветствиях потомкам»), который включает 6057 биографий ученых, писателей, философов и общественно-политических деятелей мусульманского Востока [4, с.235]. К «Вафиятуль-асляф» Марджани написал введение – «Мукаддима», которое тоже было издано. В нем ученый описывает историю зарождения наук на Востоке, дает их классификацию, подкрепляя ее ссылками на высказывания видных деятелей мусульманской культуры, рассматривает основные религиозные школы, направления в Исламе. По сути, это не только исторический, но и мировоззренческий труд, посвященный различным аспектам и проблемам духовной культуры Востока.

В этот период издаются наиболее значительные произведения Марджани, среди которых: «Хаккуль-ма'рифа ва хуснуль-идрак» (“Истина познания и красота постижения”), 1880 г. — сочинение о мусульманском праве (фикхе), в котором ученый, в частности, излагает свои социально-политические взгляды; «Мустафадуль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (“Кладезь сведений о делах Казани и Булгара”), 1885 г., 1 том — исторический труд о Волжской Булгарии и Казанском ханстве; «Китабуль-хикма аль-балига аль-джанийя фи шархиль-акаид аль-ханафийя» (“Книга о зрелой философии, помогающей объяснить учения ханафитов”), 1888 г. — сочинение, в котором Марджани излагает свои религиозные взгляды. Умственный просветительский потенциал Марджани многократно увеличили его путешествия 80-х годов по России и странам Ближнего и Среднего Востока. В поисках материала для исторических исследований Марджани посещал древние развалины Булгара, татарские, русские, чувашские, мордовские села. 31 августа 1880 года он из Казани

отправляется в паломничество, в ходе которого посещает Стамбул, Измир, Александрию, Каир, Суэц и другие центры мусульманской культуры.

В Стамбуле он знакомится с автором сборника «Чагатайские и османские языки» Кудратуллой аль-Кандузи и с известным ученым Ахмадом Джаудат-пашой, снимает копии с надписей купола мечети султана Салима. В Каире навещает ученого Махмуд-бека аль-Фаллаки, снимает копии с надписей стен мечети Мухаммада Али-паши. Просветительские идеи Марджани охватывают в 70 – 80 годы XIX века самые различные стороны обновления общественной жизни татарского народа, включая в себя мысли о необходимости получения татарским населением светского образования, усвоения прогрессивного наследия прошлого и настоящего (русской и западноевропейской культур). Ученого заботят и вопросы воспитания национального самосознания татарского народа, беспокоят его благосостояние, социально-экономическое и политическое положение. Считая просвещение самым мощным орудием прогресса, ученый пытался выволить свой народ из «спячки». Марджани – предвестник джадидского движения в России, и именно он заложил его основы – реформу преподавания в медресе, усвоение татарским народом передовых достижений мировой культуры и науки. Марджани написал более 30 произведений, большая часть которых была издана в основном на арабском языке. Только некоторые сочинения написаны на татарском языке арабским шрифтом. Не все произведения, написанные ученым, еще обнаружены. Например, «Рисалютун фи масаилин-нахв» («Трактат о вопросах грамматики»), «Ат-тахрират аль-муфрада» («Отдельные редактирования»). Идеино-философские взгляды Марджани, его деятельность в качестве педагога, историка, просветителя, философа останутся заметным явлением в истории.

Хусаин Фаизханов – выдающийся татарский общественный деятель, педагог, историк, востоковед, археограф, каллиграф. Сыграл значительную роль в развитии духовной культуры татарского общества второй половины XIX века. Хусаин Фаизханов родился в 1823 году в семье крестьянина, в деревне Сабачай, Курмышского уезда, Симбирской губернии. Почти всю свою жизнь по официальному статусу Фаизханов принадлежал к ведомству Алатырской удельной конторы Симбирской губернии как государственный крестьянин, также как и все остальные жители Сабачая, и лишь в 1861 году был переведен на службу по учебному ведомству. Получил традиционное религиозное образование в родной деревне, потом в деревне Бараска, в Заказанье – и в Казани. В 1850–1854 гг. Фаизханов был учеником у видного татарского улема Шигабутдина Марджани, который в 1848 году вернулся из Средней Азии. С его помощью Фаизханов установил контакты с преподавателями и учеными Казанского университета (А. К. Казембеком, И. Н. Березиным и др.). В связи с предстоявшим переездом восточного разряда Казанского университета в Петербург, Фаизханов в 1854 году уезжает из Казани [5, с.53].

2 ноября 1855 года попечитель Петербургского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин ходатайствует перед министром просвещения относительно принятия Фаизханова на работу. 24 ноября 1857 года министр просвещения дает разрешение Х. Фаизханову на преподавание тюрко-татарских и арабского языков на факультете восточных языков Петербургского университета. Только спустя 5 лет, в 1862 году указом Сената Фаизханов утверждён в должности лектора факультета восточных языков. В 1858 г. Фаизханов изучил дипломатические грамоты крымских ханов из архива

МИД России в Москве; по результатам этой поездки Академия наук ходатайствовала об избрании Фаизханова членом Общества археологии, действительным членом которого он становится в 1860 г. В 1858 г. Хусаин совершил несколько научных командировок в Оренбургский край, по результатам которых написал статью «Три подробных булгарских надписи» в «Известиях Российского археологического общества» и выступил с одноименным докладом перед учеными Общества археологии. Статья ознаменовала новый этап в исследовании булгарской эпиграфики. Одним из первых Фаизханов разработал метод расшифровки булгарских надписей второго стиля. Фаизханову принадлежит значительная роль в изучении эпиграфики Касимовского ханства. В 1860 г. он снял точные копии с татарских надгробных памятников Касимова. Им же была открыта надгробная плита Ураз-Мухаммед-хана, убитого в 1610 г. Лжедмитрием II. Данные материалы были использованы известным востоковедом В.В. Вельяминовым-Зерновым в его капитальном труде «Исследование о касимовских царях и царевичах». Вклад Фаизханова в востоковедение еще до конца не исследован. При жизни ученого увидела свет лишь одна его монография – «Краткая грамматика татарского языка», изданная литографическим способом в 1862 г.; в приложении к которой он поместил собственный перевод на татарский язык отрывка известного памятника «Калила и Димна», текст грамоты хана Джанибек-Гирея (XVII в.), отрывок из «Маджалис ан-нафаис» Алишера Навои. Переводами ученого пользовались такие петербургские востоковеды, такие как В.В. Вельяминов-Зернов, Д.А. Хвольсон и Л.З. Будагов. Фаизханов первым из татарских просветителей, убедившись в преимуществе европейской системы обучения, пришел к мысли о необходимости перенесения европейских методов образования на татарскую почву [6, с.61].

Своим проектом Хусаин Фаизханов подготовил почву для джадидского метода, стал предшественником новометодного образования, получившего название «усуль-джадид» (джадидизм). Материальная неустроенность, годы мытарств в Петербурге, неподходящий климат северной столицы сказались на здоровье Фаизханова, и он после тяжелой болезни умирает в 1866 г.

Литературы

1. Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению.- Казань.: Иман, 1997. – 19 с.
2. История Татарской АССР. -т.1. -Казань, 1955. -с.370.
3. Гайнуллин М. Просветительское движение среди татар. – Казань, 1956. -с.12-13.
4. История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). -Казань, 1968.-с.235
5. Батыев С.Г. Татарский джадидизм и его эволюция //История СССР, 1964, №4. -с.53.
6. Р.М.Мухаметшин. Ислам в татарской общественной мысли начала XX века Казань: Иман, 2000. с.61

Королева Л.А.

Доктор исторических наук, профессор,
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Молькин А.Н.

Студент группы МО-41,
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Ключевые слова: Россия, христианство, ислам

В Российской империи ислам не являлся равноправной с православием религией. К.П. Победоносцев подчеркивал: «Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь, исключительно покровительствует и поддерживает к предосуждению всех остальных церквей и исповеданий» [1, с. 428-429]. Несмотря на разностатусность православия и ислама в стране, в результате многовекового сосуществования христианской и мусульманской культур мусульмане России достаточно глубоко интегрировались в российское общество, стали неотъемлемой частью его исторического развития. Тем не менее, некоторые специалисты считают преувеличенным значение мусульмано-христианского взаимодействия: «С XIV в. ислам и православие существуют в России как бы параллельно, не пересекаясь...» [2, с. 4]. Рассматривая данную проблему, следует иметь в виду, что отношения православных и мусульман в России, по справедливому замечанию Уорхолы Дж., носят асимметричный характер, поскольку «православные в России – это в основном русские;.. мусульмане же имеют весьма многообразную этническую самоидентификацию...» [3, с. 127].

В России как полиэтничном и поликонфессиональном государстве потребность в диалоге между наиболее многочисленной религией – православием и исламом особо актуальна. В СССР проблема межрелигиозных отношений как таковая отсутствовала, поскольку религия в атеистическом государстве в принципе не имела права на существование. Либерализация режима с конца 1980-х гг. обусловила ренессанс религии в стране. В настоящее время отношения между православными и мусульманами в России характеризуются терпимостью, иногда индифферентностью. Но, складывается впечатление, что данный консенсус – достаточно хрупкий и неустойчивый. Некоторые исламские радикальные идеологи, в частности, Г. Джемаль, убеждены, что преодоление общего кризиса России возможно только путем ее исламизации [4, с. 196].

Необходимо учитывать и тот момент, что в нынешней ситуации Русская Православная церковь явно претендует на особое место в государстве – быть «первой среди равных» религий, и существует заметное расхождение между конституционной характеристикой Российской Федерации как светского государства и фактическим состоянием дел, которое свидетельствует о складывании иерархии конфессий, характерной для дореволюционного российского периода, и обретение РПЦ фактического статуса государственной церкви. Мусульманское

духовенство со второй половины 1990-х гг. начинает выступать с резкой критикой сложившейся практики.

Несмотря на наличие определенного рода разногласий в целом отношения между служителями культов в России отличаются терпимостью и стремлением к сотрудничеству. Православное и мусульманское духовенство на современном этапе во многом ориентируется на интересы светской власти. Государство в своей политике учитывает разногласия внутри православного и мусульманского духовенства, в некоторой степени «использует внутриисламские противоречия, поддерживая ту группировку священнослужителей, которая проявляет по отношению к власти больше лояльности и готова идти на уступки. Иногда создается впечатление, что государство сознательно подогревает напряженность внутри мусульманской духовной элиты, чтобы не допустить консолидацию российских мусульман» [5, с. 20]. Тем не менее, российские власти стремятся хотя бы к внешнему равновесию в национальных и конфессиональных отношениях. Так, по Конституции РФ государственным языком на всей территории России провозглашается русский, в то же время в Федеральном законе декларируется, что государство способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия, республиканским законодателям предоставлено право самостоятельно принимать решения о правовом положении языков народов, проживающих на их территории. Республики РФ могут устанавливать статус государственного языка республики в составе РФ.

Таким образом, православие и ислам в России имеют длительный и плодотворный опыт сосуществования, результаты которого необходимо использовать для перспективного многогранного сотрудничества.

Источники:

1. Никольский Н.М. История Русской Церкви. М., 1983.
2. Ислам в СНГ. М., 1998.
3. Верховский А.М. Публичные отношения православных и мусульманских организаций на федеральном уровне // Ислам в России: Взгляд из регионов. М., 2007.
4. Джемаль Г. Освобождение ислама. М., 2004.
5. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

Садырова М.Ю.

кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»,
кафедра «Кадастр недвижимости и право»

АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОСТИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

***Аннотация.** На материале различных источников рассмотрены религиозные настроения крестьян Среднего Поволжья накануне первой русской революции.*

Ключевые слова/Keywords: крестьянство/peasantry, православие/orthodoxy, церковь/church, религиозные представления/religious representations

На рубеже XIX–XX вв. ускорился распад патриархального быта деревни, под угрозой исчезновения оказались и религиозные представления крестьянства, в которых причудливым образом сочетались остатки языческих верований и христианство. Наиболее ярким проявлением секуляризации крестьянского сознания в это время можно считать уклонение крестьян от исполнения Святых Тайн (в первую очередь, – исповеди и причастия). Несоблюдение верующими православных обрядов является свидетельством религиозной индифферентности крестьян, так как в православии обряд – самое главное для верующих.

По общероссийским данным, удельный вес прихожан, не исполнивших Святых Тайн «по нерадению», в середине XIX столетия составлял 8–10% [1, с. 16–18]. Причём за десять лет (1842–1852 гг.) изменения составили 1,4%. Можно предположить, что к концу столетия данный показатель возрастёт ещё более значительно. Однако аргументов в подтверждение подобной динамики мы не найдём. Так, по данным Б.Н. Миронова, и в конце XIX в. к исповеди на Пасху приходило 85–90% православного населения старше 7 лет [2, с. 543]. Исповедь по уважительным причинам, к которым относились болезнь и временное отсутствие, пропускали всего 2–3% от общего числа прихожан [3, с. 326].

Можно ли подтвердить это данными региональных источников. В частности, в отчётах по Пензенской епархии за 1877 г. нами зафиксировано указание на охотное и регулярное принятие св. таинств в 45,3% случаев. Это самая высокочастотная категория высказываний. Так, по свидетельству приходского священника, в селе Николаевка Пензенского уезда многие крестьяне приходили к исповеди по 2–3 раза в год, а таких, которые не исповедовались бы «по нерадению» не было вовсе [4]. В 1874 г., по словам Н. Смирнова, в селе Архангельском «исповедавались и причащались все прихожане, конечно – за исключением малолетних. Весьма многие исповедываются и причащаются не один, а два, три, четыре раза ежегодно в посты, особенно, Великий и Успенский. Исповедываются и причащаются – далее в случаях более или менее опасных для жизни. Так, почти повсеместно принимают св. тайны беременные женщины за несколько дней до разрешения от бремени. Что же касается больных, то из них весьма редкий умирает без покаяния и причащения» [Цит. по: 5, с. 55]. Одна-

ко такое положение дел было характерно не для всех приходо́в. По меньшей мере, в трёх сёлах Горо́дищенского уезда священники отмечали нарастание тревожных тенденций: «Многие из молодёжи не исповедуются» (с. Канаевка); «...только старики и старухи ходят в храм, а 6–15 лет совсем не ходят, дескать, ещё успеют намолиться» (из 854 жителей с. Архангельское-Куракино в этом году пришли на исповедь лишь 88); «Страшное нерадение в исполнении Св. Таинств» (в с. Верхний Шкафт не было на исповеди «по опущению» 862 человека, в том числе и «около сотни раскольников»; исповедовалось и причастилось только 321 человек) [4]. Если верить исповедным ведомостям прихода пригородной слободы Городка Пензенской губернии, в 1890-е гг. число не явившихся к исповеди составляло 50% от всего количества прихожан. Из них большинство пропускало исповедь по причинам, считавшихся уважительными – «по малолетству» и «по отлучке» (34%). По имеющимся данным отмечается увеличение численности верующих, не исполнявших Святых Таин «по нерадению» с 18% в 1893 г. до 20% в 1899 г. [6]

В 90-е гг. XIX столетия официальная статистика фиксирует факты массового отказа от такого церковного таинства, как брак. Абсолютное сокращение числа церковных браков, приходившихся на долю православного населения, учитывая темпы демографического прироста, с 1880 по 1890 г. составило 100 тыс. человек [7, с. 93]. Согласно результатам, полученным на основе переписи населения 1897 г., в 1896–1897 гг. общий коэффициент брачности на тысячу человек православного сельского населения Европейской России составил 9, тогда как в период 1801–1860 гг. – 10,2 [2, с. 159]. В последующие годы коэффициент брачности только снижался: в 1902 г. – 8,6 [8, с. 50], в 1909–1913 гг. – 8,2 [2, с. 159].

Одним из важнейших, сущностных показателей народной религиозности можно рассматривать количественный рост числа раскольников. Так, в 1872 г. в Пензенской губернии по официальным данным насчитывалось 6298 человек, отклонившихся от ортодоксального христианства, к 1884 г. этот показатель возрос на 182,4%, а к 1906 г. – на 354,5%, составив 22 326 человек [5, с. 203]. В вопросе о численности русских сектантов в конце XIX в. современники-исследователи расходятся в цифрах. Так, по подсчётам И. Юзова («Русские диссиденты», 1881) число раскольников в России составило 13–14 млн. Н. Субботин («Сущность и значение раскола в России») сокращает количество раскольников до 3 млн. К. Петрушевский («Руководство для сельских пастырей», 1887, № 22) примиряет противоречие между Юзовым и Субботиным, определяя общую численность раскольников в 8 млн. Если брать последнюю цифру, то и это было весьма внушительно в сравнении с 60 млн. православных христиан в России в конце XIX в. (один сектант на 7,5 православных) [5, с. 76].

Проявлением упадка религиозно-нравственного состояния народа можно считать и ставшие уже привычными для крестьян семейные разделы. В результате таких дележей имущества подрывались устои семьи – со стороны молодых членов крестьянских семей утрачивались почтение и уважение к своим родителям, что нередко переходило в многолетнюю вражду когда-то близких между собой людей. Но сделать здесь что-либо было уже невозможно: стремление вырваться из-под опеки старших и почувствовать себя полноправными хозяевами было настолько сильным, что процесс дробления крестьянских хозяйств с каждым годом только нарастал, подрывая крепость и родственных связей, и всей крестьянской общины в целом [9, с. 186].

Падение церковного авторитета в начале XX в. объяснялось, прежде всего, тем, что церковная жизнь отделилась от общинной. В «благополучном» прошлом всеми делами прихода руководило старшее население села, так называемые «старики». Они издавали свои правила и требовали неукоснительного подчинения этим правилам всех членов прихода и общины. В изменившемся настоящем мирские доходы приходских церквей перестали контролироваться общинными институтами, да и последние в свою очередь оказались под жёсткой опекой усложнившегося государственного управления. Таким образом, церковь постепенно утрачивала свои позиции средоточия общественной жизни и всё больше превращалась в государственный институт [10, с. 486–487].

Огромное значение для отхода от церкви и её обрядов имели отхожие промыслы, работа на фабриках и заводах. В городах крестьяне знакомились с новыми веяниями. Возвратившись домой, они с меньшим усердием посещали храм, не соблюдали постов и т.п. [11, с. 20]. Другая важнейшая причина заключалась в небывалом расширении деятельности леворадикальных партий. В частности, в одном из своих отчётов царю обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев писал: «В православно-русском народе пробудилась пытливость. Новые лжеучения в современном безбожном и противоцерковном духе стремятся сбить православно-русский народ с истинного его пути. Особенно этому содействует распространение в народе разных книг, проповедующих неверие и социализм» [Цит. по: 12, с. 90]. Об успехе социалистической пропаганды свидетельствуют рапорты уездных исправников 1902–1903 гг. в канцелярию пензенского губернатора: «Появление прокламаций и брошюр произвело... сильное впечатление... К этому присоединилось ещё недовольство и враждебное отношение к местному духовенству... за усиленные поборы за требоисправление и притеснения по совершению браков и т.п. ...Вследствие этого духовенство потеряло своё влияние на прихожан» [13, л. 8]. В рапортах также сообщается, что вследствие распространения запрещённых книг совершались поджоги и грабежи домов приходских священников [14, лл. 1, 3, 20].

По данным С.М. Дубровского, за период 1905–1907 гг. в России произошло 33 антицерковных выступления крестьянства или 0,5% от общего их числа [15, с. 64]. А вместе с тем, Л.И. Емелях отмечает массовый характер крестьянских требований конфискации земельной собственности у монастырей и церквей. По данным исследователя такие требования зафиксированы более чем в 350 приговорах, направленных в Государственную Думу и другие правительственные учреждения [16, с. 19].

На фоне роста погромных настроений в средневожской деревне церковные земли лишались иммунитета, который, казалось, обеспечивался религиозным чувством крестьянства, и поступали в общий передел. Яркая картина такого явления в деревне дана крестьянином с. Сологда Александровской волости Саратовской губернии: «Под влиянием матросов переизбрали комитет. Беднота настаивала отобрать земли у крестьян-богачей, у духовенства и церквей. Поп... начал говорить, что отнять землю... нельзя, раз сама власть разрешила пользоваться духовенству и церкви землёй. Большинство крестьян заявило, что нечего слушать попа, а землю его порешили отобрать. Поп их стал проклинать и застрашивать адом и грехом, но этим ещё хуже усилил злобу против богачей и духовенства. Крестьяне хотели его уничтожить, но он улизнул. Землю отобрали» [Цит. по: 17, с. 169]. В

августе–сентябре 1905 г. подобные случаи произошли в Бугурусланском и Бузулукском уездах Самарской губернии [16, с. 134]. В это же время крестьяне с. Терновки Пензенской губернии захватили рыбные ловли Пензенского женского монастыря, заявив, что они не признают прав монастыря на эти угодья. Игуменья начала судебную тяжбу против крестьян [18, с. 113]. Крестьяне с. Тюнярь Городищенского уезда той же губернии 7 июля 1905 г. захватили 33 десятины пашни церковного причта. На сходе они заявили священнику: «Вся земля, которой пользуется причт, принадлежит нам, крестьянам». Епископ сообщал губернатору, что крестьяне отобрали у причта и приусадебную землю [19, с. 184–185].

Все указанные виды выступлений влетали в общий контекст крестьянской борьбы за землю. Однако крестьянское антиклерикальное движение имело и свои собственные, только ему присущие формы. Так, в 1905 г. в с. Пронькине Бузулукского уезда Самарской губернии прихожане составили приговор о взимании причтами платы за требоисправления «в таком низком размере, что причту не представлялось бы возможным содержаться на эти средства» [16, с. 134]. Составителям приговора сельского схода с. Старого Тукшума Сенгилеевского уезда Симбирской губернии от 29 ноября 1905 г. церковная реформа представлялась как «уничтожение платы за требы и таинства и постановление священнослужителям жалования, также удаления несправедливого священника сходом» [20, с. 56].

И всё же, воюя с духовенством, крестьяне сохраняли искреннюю веру в «божий промысел», с которым соизмеряли и в котором искали оправдания своим требованиям. Идеи всеобщего равенства и ликвидации частной собственности на землю в крестьянских приговорах интерпретировались нередко как угодные богу, а, значит, узаконенные в последней инстанции. В приговоре сельского схода крестьян с. Вырыпаевки Карсунского уезда Симбирской губернии, составленного в декабре 1905 г., подчёркивалось: «Всех людей создал бог по образу и подобию своему, зачем же одного человека возвеличивать, а другого унижать». Здесь же читаем: «люди все божьи и земля божья, зачем же у нас так ведётся, что у одного человека бывает земли больше, чем в другом месте у 1000 человек. Нехорошо это, не по-божески» [20, с. 72–73]. Крестьяне села Владимирское Самарского уезда Самарской губернии писали в приговоре в июне 1906 г.: «Нам кажется, что нужно изменить земельный порядок теперь же и так, чтобы земля была доступна всем, кто желает работать сам и совсем бы была отобрана от того, кто наймом обрабатывает или же сдаёт землю в аренду. Земля – дар божий, а не создание рук человеческих, и потому она вся должна принадлежать всему народу и не составлять собственности небольшого числа лиц» [Цит. по: 1, с. 70]. Широкое распространение в селениях Саратовской губернии в 1905 г. получили приговоры следующего содержания: «...Бог творил нас равными. Земля तो вся Божья, никто, поэтому не может сказать, что это, мол, моя земля, так как люди все дети одного Бога, значит, и земля принадлежит всем, всех общая. Бог сказал: «Живи трудом рук своих» и мы хотим жить по-божески...» [21, л. 286].

Следует отметить, что, даже находясь в условиях глубокого кризиса, церковь сохраняла большую притягательную силу. Играли свою роль темнота и забитость народных масс, сказывалась историческая традиция. Православная церковь была «привычной». И поэтому отход от церкви совершался так медленно и сложно, не всегда осознанно и чаще всего неформленно.

Литература (источники)

1. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М.: Мысль. – 1988. – 237 с.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 2-е изд. исправл. в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 1. – 550 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 2-е изд. исправл. в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 2. – 568 с.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 2256.
5. Садырова М.Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX–первой трети XX вв. (По материалам Среднего Поволжья). – М.: ФГБОУ ВПО «РГУИТП», 2012. – 208 с.
6. ГАПО. – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 2332а.
7. Андреева Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 90–100.
8. Население России в XX веке. В 3-х т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – Т. I. – 463 с.
9. Дворжанский А.И. История Пензенской епархии. Книга первая: Исторический очерк. – Пенза: Тип. Пензенская правда, 1999. – 512 с.
10. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М.: РОССПЭН, 2008. – 679 с.
11. Емелях Л.И. Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне (Секуляризация деревни накануне Великого Октября) // Актуальные проблемы истории религии и атеизма. Сборник научных трудов. Вып. 1. – Л.: Министерство культуры РСФСР, 1975. – 152 с.
12. Садырова М.Ю. Основные тенденции эволюции религиозной жизни крестьянства на рубеже XIX–XX вв. (По материалам Пензенской губернии) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – № 2 (2) (93). – Самара, 2012. – С. 88–93.
13. ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 7333.
14. ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 7421.
15. Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 168 с.
16. Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. – М.; Л.: Наука, 1965. – 203 с.
17. Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX–начало XX в.). – М.: Наука, 1969. – 174 с.
18. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. – 220 с.
19. Кузьмин А.З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. – Пенза, 1955. – 248 с.

20. Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905–1907 годов. Документы и материалы. – Ульяновск: «Ульяновская правда», 1955. – 261 с.
21. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. 53. – Оп. 1. – Д. 243. – Т. III.

Кириллова А.И.

ассистент кафедры истории России и зарубежных стран,
Камчатский государственный
университет имени Витуса Беринга

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ (ДВР) НА КАМЧАТКЕ В 1920-1921 ГГ.

Данная статья посвящена одному из аспектов развития Дальневосточной республики (ДВР), существовавшей в 1920-1921 гг. В статье автор показывает основные направления и описывает запланированные правительством ДВР мероприятия в сфере национальной политики.

Ключевые слова: национальная политика, ДВР, туземный вопрос, право национального самоопределения.

FAR EASTERN REPUBLIC NATIONAL POLICY IN KAMCHATKA IN 1920-1921

The article is devoted to national policy of Far Eastern Republic as one of the aspects of the state development. This state existed in 1920-1921 to overcome Japanese intervention. The author describes planned actions of the Government.

Key words: national policy, Far Eastern Republic, aboriginal problem, the national independence right.

Период революций и становления советской власти – один из самых сложных и противоречивых для экономики региона и жителей всей Камчатки. Традиционные торговые пути и договоренности были нарушены, новые в силу частой смены правительств в начале 1920-х гг. образовывались с трудом, а население постоянно нуждалось в продовольствии и ряде промышленных товаров. В 1920-1921 гг. на Дальнем Востоке существовало независимое государство – Дальневосточная Республика (далее в тексте – ДВР). Согласно определению, данному в советский период на основе трудов В.И. Ленина, ее называют «буферное государство». Этот термин был призван подчеркнуть временность и непродолжительность существования республики, ее переходный характер.

Основной причиной создания буферного государства на Дальнем Востоке России в начале 1920–х гг. являлась слабость РСФСР и невозможность нового государства вести войну с Японией. Еще в 1918 г. Япония под предлогом убийства двух своих подданных на территории РСФСР начала боевые действия против советского государства [4]. В. И. Ленин так объяснил причины образования ДВР: «...обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики... вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее...» [1, с. 93]. По этой причине при изучении процесса советизации Камчатки следует включать период нахождения ее в составе ДВР. В начале января 1920 года началась подготовка создания временного буферного государства в Восточной Сибири, а

19 января 1920 года в Томске было решено организовать буфер с границами по линии Оки и Ангары. Для решения партийных вопросов буферного строительства ЦКРКП (б) создал 3 марта 1920 года Дальбюро, куда вошли: Н. К. Гончаров, А. М. Краснощекков, А. А. Ширямов, И. Г. Кушнарев, С. Г. Лазо, П. М. Никифоров. Таким образом, согласно плану Советского правительства, в состав буферного государства вошли значительные территории: Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская и Сахалинская области, а также зона отчуждения Китайской восточной железной дороги (далее – КВЖД).

Новое государство окончательно было сформировано 29 октября 1920 г. на Читинской конференции. Все законы государства должно было выработать Учредительное Собрание. Несмотря на то, что ДВР была создана под эгидой Советов, в некоторых аспектах она значительно отличалась от РСФСР. Так, там продолжали существовать различные политические партии, не только марксистские, но и буржуазные, действовали Учредительное Собрание и коалиционное правительство, и была реализована политика военного коммунизма. Также ДВР была формально независима от Советской России, принимала участие в международных конвенциях и конференциях как независимое государство.

В начале 1920-х гг. Камчатка входила в состав ДВР и РСФСР, однако частью Дальневосточной республики она была недолго. После подписания договора о границе между ДВР и РСФСР в конце 1920 г. [2] Камчатка отошла под юрисдикцию РСФСР, хотя 15 ноября 1920 г. Камчатский областной исполнительный комитет выразил полное доверие созданному в Чите объединенному Дальневосточному Правительству и признал вхождение Камчатки в состав ДВР [3].

На Камчатке, как и в ДВР в целом, коренные народы (в документах называемые «инородцами» или «туземцами») составляли значительную часть населения. По этой причине в ДВР особое внимание уделялось национальному вопросу. Так, ему посвящен V Отдел Конституции «О национальных самоуправлениях»: «всем туземным народностям и национальным меньшинствам на территории Республики предоставляется право на широкое самоопределение» [5]. В то же время автономия не была полной, органы национального самоуправления обязаны были прежде всего руководствоваться законами республики, а для контроля руководства и деятельности органов самоуправления учреждалось Министерство по национальным делам. Кроме того, существовал институт эмиссаров (представителей). Согласно временным положениям и Конституции ДВР «национальные самоуправления являются органами публично-правовыми, и сфера их компетенции ограничивается областью культурной жизни нации» [6]. Автономия допускалась и в вопросе о языке: разрешалось вести делопроизводство и документацию на языке автономии. Государство также выделяло определенную часть бюджета на удовлетворение культурных потребностей населения автономий. В целом правительство ДВР понимало важность удержания в своем составе территорий, населенных нерусскими населением: коренными народами и национальными меньшинствами (в основном китайцы, корейцы и японцы). По этой причине национальным меньшинствам и коренным народам предоставлялась культурная автономия.

Важным аспектом национальной политики ДВР являлось построение отношений с туземным (коренным) населением, поднятие его культурного уровня. Од-

нако, без детального изучения образа жизни этих этносов налаживание взаимодействия было проблематичным. Для этих целей при Министерстве по национальным делам был создан туземный отдел, который координировал работу таких отделов на местах. Для работы с туземным населением было предложено создать 3 отдела: административно-правовой, культурно-экономический и научно-этнографический [7]. Каждый из отделов имел собственные задачи.

Так административно-правовой отдел обязан был:

1) созвать собрания туземцев и организовать их административное переустройство, сообразуясь с нормами обычного права и укладом жизни в настоящее время;

2) урегулировать вопросы и споры при взимании повинностей и податей;

3) упорядочить земельные и промысловые взаимоотношения различных туземных племен друг с другом, с органами государства и оседлым населением;

4) организовать вопросы опеки над несовершеннолетними и пожилыми людьми;

5) создать туземные суды в духе законов ДВР и обычного права этих племен;

6) вести пропаганду идей оседлой жизни;

7) улучшать и развивать медицинскую и ветеринарную помощь в туземных районах.

Культурно-экономический отдел обязан был:

1) составлять посемейные опросные карточки;

2) провести подсчет количества оленей, собак и других животных, которые были в хозяйствах туземных племен;

3) составить опись движимого и недвижимого имущества туземцев;

4) создать сеть факторий для ведения обменной торговли туземного населения с купцами и государством, а также складов и баз продовольственных и промышленных товаров в местах проживания туземцев;

5) обследовать оленьи пастбища, выявить степень их истощения и попытаться создать оптимальные маршруты кочевий;

6) обследовать зоны пушного и рыбного промыслов;

7) исследовать возможности применения новых рациональных способов заготовки и переработки рыбы;

8) изыскать новые пути для перевозок продовольственных и промышленных товаров водным и гужевым способом;

9) обследовать существовавшие туземные школы, открывать новые, приглашать подходящий педагогический состав, составить карту туземных школ;

10) организовать культурно-просветительские пункты и иные культурно-просветительские организации (для взрослого населения);

11) изыскать средства для культурно-бытового обслуживания населения;

12) собрать статистические данные о населении туземных районов.

Перед научно-этнографическим отделом также стоял ряд задач:

1) составление словарей слов, главным образом орочей, тунгусов и прочих;

2) запись сказок, преданий и эпоса;

3) изучение религии и верования;

4) производство археологических исследований;

- 5) сбор этнографических и археологических коллекций;
- 6) производство метеорологических наблюдений и ряд других задач.

Таким образом, при реализации национальной политики правительство ДВР придерживалось комплексного подхода. Понимая, что состав населения республики был достаточно разнообразным, взаимодействие с коренными народами и освоение территорий, населенных туземными племенами, являлись важными задачами для развития государства. Правительство было готово пойти на ряд уступок и создание культурных автономий. В то же время преобразования охватывали все сферы жизни коренных народов, предполагая распространение нового, оседлого, образа жизни и изменения в административно-территориальном устройстве, быту и внедрение новых технологий.

Наиболее реализованным в годы существования ДВР оказалось именно научно-этнографическое направление: осуществлялись выезды уполномоченных в национальные (туземные) районы, проводилось обследование жизни коренного населения, в том числе и Камчатки. Уполномоченные составляли отчеты о жизни населения регионов, которые включали статистические и этнографические данные. Особое внимание уделялось вопросу взаимодействия этносов между собой, а также с оседлым русским населением. Составлялись планы по улучшению жизни туземцев, предотвращению хищнической эксплуатации природных ресурсов и обмана коренных племен иностранными купцами. Однако, большинство из этих планов оказались не реализованы в силу мятежа «белых» в 1921 г. и активных боевых действий против японских войск. Составленные планы и ряд предложений были позже использованы властями РСФСР при реализации государственной политики на национальных окраинах.

Преобразования, проводимые правительством ДВР, были схожими с реформами в РСФСР, так как изначально республика создавалась под патронатом советского государства, в составе правительства было значительное количество коммунистов того или иного толка. РСФСР всегда была в курсе событий, происходивших в буферной республике. В ДВР отправлялись законы, постановления и циркуляры, принятые в советском государстве. Эти нормативно-правовые документы служили основой для принятия постановлений и Конституции Дальневосточной республики. Кроме того, в 1920–1921 гг., выполняя союзнические обязательства по отношению к РСФСР, правительство ДВР, находившееся в эмиграции в г. Шанхай (после захвата меркуловцами Владивостока), совместно с советским правительством на Дальнем Востоке отправляло на Камчатку продовольственно-гуманитарную экспедицию во главе с И. П. Кларком. Целью данной экспедиции было снабжение камчатского населения продовольствием, пропаганда социализма и борьба за утверждение власти Советов [8]. Сам ее руководитель, И. П. Кларк, входил в состав Временного Правительства ДВР на начальном этапе его формирования. Экспедиция была осложнена недостатком денежных средств: зафрахтованный пароход был обстрелян сторонниками меркуловского правительства и возвратился в Шанхай. Повторный старт экспедиции также оказался неудачным. Однако, предпринимаемые попытки демонстрировали высокую заинтересованность правительства РСФСР и ДВР в утверждении на Камчатке социалистической власти.

В годы существования ДВР значительных преобразований в жизни коренных народов Камчатки не произошло. Однако, правительством ДВР был составлен

план изучения коренных народов, введен институт уполномоченных, сформированы первые профильные учреждения, занимавшиеся вопросами изучения и улучшения быта местного нерусского населения. Ряд предложенных мер был использован советскими властями: созданы туземные отделы и подотделы, сформирован институт уполномоченных, проведены комплексные исследования экономического уклада и уровня жизни коренного населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42, М., 1970, – 471 с.
2. РГИА ДВ ф.Р-1382 оп.1 д.19 л.195
3. РГИА ДВ ф.Р-1382 оп.1 д.19 л.28
4. РГИА ДВ ф.Р-919 оп.1 д.33 л.7
5. РГИА ДВ ф.Р-737 оп.1 д.39 л.231
6. РГИА ДВ ф.Р-737 оп.1 д.39 л.231об.
7. РГИА ДВ ф.Р-2422 оп.1 д.1173 л.4-5
8. РГИА ДВ ф.Р-919 оп.1 д.15 л.2

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

1. ВЦИК – Всесоюзный Центральный исполнительный комитет
2. ДВР – Дальневосточная республика
3. КВЖД – Китайская Восточная железная дорога
4. РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
5. РИК – райисполком – районный исполнительный комитет
6. РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
7. ЦК РКП (б) – Центральный Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)

**ПРОЕКТЫ «ВСЕСЛАВЯНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ ДЕМОКРАТОВ XIX ВЕКА**

Ключевые слова / Keywords: история России / history of Russia, XIX век / XIX century, национальный вопрос / national question, демократы / democrats.

XIX век в России отличается существенным обострением противоречий: социальных, политических, национальных. Как вспоминал, после посещения России в 1839г., Астольф де Кюстин: «Россия – котёл с кипящей водой, котёл крепко закрытый, но поставленный на огонь, разгорающийся всё сильнее и сильнее. Я боюсь взрыва. И не я один его боюсь» [1, С. 510].

Среди монолитного комплекса предрасутков и устоявшихся парадигм по решению «национального вопроса» в России, провозвестниками которых были реакционные круги Российского общества, встречаем тусклый, но постоянно усиливающийся свет идей демократической общественности, в основе которых уважение прав и свобод представителей отличных этнических групп, стремление разрешить назревшие вопросы мирным путём.

Тот же Астольф де Кюстин вспоминал: «Русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства... Самый воздух здесь принадлежит государю, и каждый дышит лишь постольку, поскольку ему это дозволено: у истинного царедворца легкие так же подвижны, как и его спина... Российская империя – это огромный театральный зал, в котором из всех лож следят лишь за тем, что происходит за кулисами... Россия – страна фасадов. Прочтите этикетки – у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей... Это страна, в которой правительство говорит, что хочет, потому что оно одно имеет право говорить...» [1, С. 432-639]. Именно в такой обстановке в Россию проникали и находили своих последователей некоторые наиболее распространённые национальные теории Запада. А так же рождались и крепились выдающиеся российские мыслители современности.

На протяжении всего XIX столетия, «славянский вопрос» для России был актуален как никогда. Это было обусловлено рядом вполне очевидных предпосылок. Во-первых, так исторически сложилось, что в конце XVIII века, в результате трёх разделов Речи Посполитой России «достались» обширные территории современных Польши, Украины и Белоруссии. Во-вторых, волнения, прокатившиеся по Восточнославянским землям, имели в основе своей национальный характер, и не могли не стимулировать российскую общественность к обсуждению данной проблемы.

Среди большого количества разработок и идей особую группу составляют разного рода проекты «Всеславянских федераций», основной идеей которых было единение славянского мира под эгидой могущественной сильной государственности.

«Единство» в данном контексте рассматривалось как, с одной стороны, разрешение и усмирение воинственных противоречий между братьями славянами; с другой, как идеологическое и законодательное подтверждение превосходства России над прочими славянскими государственными образованиями, потому как практически все авторы подобного рода проектов предусматривали сохранение роли лидера за Россией.

Пожалуй, первый интересный и значимый проект подобного рода был создан членами «Общества соединенных славян» братьями П.И. и А.И. Борисовыми. Однако их взгляды не нашли четкого выражения в конкретном документе и так и остались абстрактным проектом. В них П.И. заявляет, что «цель Соединенных Славян состояла в том, дабы соединить славянские поколения федеративным союзом», однако, далее признавал, что «верных средств они к тому не имели». По предложению братьев в Славянскую федерацию должны были войти «восемь славянских колен» в виде объединения населенными ими государств и земель – России, Польши, Молдавии, Сербии, Валахии, Богимии, Моравии, Трансильвании, Кроации, Далмации и Венгрии. Каждый из народов, по мнению авторов проекта, должен был иметь свою конституцию, основанную на демократических принципах, с учётом национальных особенностей этого народа. Кроме того, каждое государство должно было само определять своё внутреннее государственное устройство. И как сообщал ещё один член Общества соединённых славян И.И. Горбачевский, их целью было «освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом» [2, С. 36-37].

В 1840-е годы широкую известность в демократических кругах получила политическая программа «Кирилло-Мефодиевского братства» – общества, созданного Н.И.Костомаровым. Членами общества являлись Н. Костомаров, Т. Шевченко, А. Навроцкий, Гулак, Маркевич и другие. В основе программы общества лежала идея об «общеславянской взаимности». «Николай I не допускал никаких веяний сепаратизма и подавлял их быстро и решительно железною рукою. К числу таких круто подавленных дел относится и известное дело Н. Костомарова и Т. Шевченко, которые были привлечены к дознанию и административно осуждены за идеи и деятельность в направлении украинского сепаратизма» [3, С. 355-356.].

В программе общества предполагалось создание федерации славянских народов на основании полной свободы и автономии народностей, для чего славянские народы должны были примкнуть к России и образовать с ней Федерацию: «Россия должна была разбиться на части или штаты: северный, северо-восточный, юго-восточный, два поволжских – верхний и нижний, два малороссийских, один средний, два южных, два сибирских, один казачий. Белоруссия составляла отдельный штат, также Польша, Чехия с Моравией, Сербия, Болгария, часть Галиции присоединялась к Польше, другая к западному малороссийскому штату и т.п. Такое деление не признавалось окончательным и могло быть перестроено, сообразно экономическим и другим потребностям». Киев же не должен был принадлежать никакому штату, а назначался центральным городом собрания общего сейма; так же предполагалось иметь небольшое количество регулярных войск для общей защиты, «так как в каждом штате была бы своя милиция, и все учились бы военному искусству на случай общего ополчения» [4].

В целом же, предполагаемая программа преобразований не решала национальных проблем ни в России, ни в какой другой стране, а являлась одним из наиболее кардинальных откликов на популярную теорию всеславянского единства. Однако сам факт существования данного общества и его программы являет собой особый период в развитии русской демократической мысли: в сороковые годы XIX века либеральные идеи становятся достоянием более «зрелых» слоев общественности.

Еще одна весомая заслуга общества и Н. Костомарова лично состоит в том, что впервые довольно полно была высказана идея малороссийской автономности. Однако Костомаров отстаивал «украинскую исключительность» в противовес польской или русской, а свободную и независимую Украину в рамках свободной и равноправной славянской федерации. Малороссия мыслилась членами «Братства» не просто как «равная среди равных» независимых славянских стран, но даже как некий лидер федерации, подтверждением чему служит идея о центральном городе федерации – Киеве. По меткому замечанию Б.Б. Глинского, «идея автономии Польши, автономии Финляндии пришла навстречу в сороковые годы и идея украинской автономии, после чего, уже много позже, были поставлены вопросы о разного рода других автономиях, например, Грузии, литовцев, латышей и др. ...» [5, С. 361].

Во многом всему выше обозначенному способствовали реалии эпохи, а так же тот политический режим, который почти три десятилетия определял темп и ритм жизни Российского общества, и жестко контролировал и пресекал распространение всех новых, пусть самых безобидных, идей. «Мы видим правительство Николая Павловича, стоящим на страже политических идей, бродящих в русском обществе, и строго карающим людей не только за их деяния, но и за идеи, хотя бы таковые не заключали в себе ничего оскорбительного для властей, а содержали всего один лишь элемент доктринёрства и теоретического построения» [5, С. 362].

Одной из первых революционно-демократических организаций, использующих идеи социализма, было общество, созданное М.В. Буташкевичем-Петрашевским. Как заметил Б.Б. Глинский, «недостатков русской жизни он [Буташевич-Петрашевский], конечно, постоянно касался, но какого-нибудь обстоятельного политического плана её реформирования, как это мы видели, например, у декабристов или даже в проекте Костомарова, он не выставил. Практических вопросов Петрашевский как бы касался вскользь, и большая часть его разговоров и речей скорее вращалась в кругу критических и философских рассуждений» [5, С. 364].

Названное общество не имело своей политической программы и тактики, но большинство наиболее активных его участников неоднократно высказывались о проектах будущего устройства России, где решение «национального вопроса» занимало не последнее место. «Таких кружков, несколько меньших размеров по своему составу и более даже бледных по краскам, в них переливавшимся, было несколько, как например Кашкина, Момбели, Дебу и др. Большая часть членов этих кружков были между собою знакомы и вливались в главный кружок, представлявший собою именно «либеральные Жур-фиксы Буташевича» [5, С. 366].

Дальнейшее развитие революционно-демократического общественного движения в России привело не только к созданию множества организаций, стремившихся изменить существующий в России строй, но и к возникновению большого количества теорий, программ, требований и подходов, стремящихся к решению проблемы

национальных отношений в России. Наиболее активные участники многочисленных народнических организации, студенческих обществ, националистических объединений, авторы распространенных революционно-демократических изданий и отдельных воззваний и прокламаций, впоследствии сосланные за радикализм в Сибирь, неоднократно высказывали свое отношение по возможным решениям национального вопроса в России.

Подхватив уже высказанную до них декабристами и некоторыми государственными деятелями идею российского федерализма, революционеры середины XIX в. развили и подкрепили ее новыми программами. Петрашевцы высказывались за федеративное устройство будущей России, при котором народам будет дана широкая автономия. Анархист М.А.Бакунин предлагал создать Всеславянскую Федерацию, где союз должен сочетаться с независимостью каждого народа. Федерацию должны были составить народы России, Украины, Белоруссии, Чухонско-Латышского края, Курляндии, возможно и Литвы, и Польши, а так же славянские племена, населяющие Австрию и Турцию. Бакунин вполне обоснованно считал, действенный и долгосрочный союз может основываться только на добровольном желании каждого из участников [6, С.270-282]. Такой же позиции придерживался автор прокламации «Молодая Россия», народник-революционер П.Г. Заичневский. Он требовал предоставления всем областям возможности решать, желают ли они войти в состав федеративной республики русской. Н.А. Момбели предлагал Конституцию для каждой национальности под общим руководством Российской. Историк-демократ А.П.Щапов будущее России видел в добровольной, самим народом созданной союзности, федерации областных общин, основанной на договоре, на любви и единении.

Стремясь к улучшению жизни народов, представители демократического движения в России XIX в. расходились не во многом, главное их разногласие в том, что одни придавали большее значение «договору» и «соединению», а другие стремились к полной «свободе» и «равенству» всех национальностей. Объединяло же их, бесспорно, отрицание централизации, захватничества и русификации. Анализируя всё выше описанное важно отметить, что все они исходили из признания самобытности и необходимости самостоятельного развития «национальных окраин» Российской Империи; приоритет отдавался автономизации отдельных регионов (Украины, Сибири), причём многими признавалась возможность их сохранения в составе России [7, С. 69]; кроме того, в своих концепциях представители общественной мысли во многом опирались на исторические разработки, призванные обосновать их притязания существующими традициями, начиная со времен Древней Руси. Однако, что зачастую признавали и сами мыслители, практическая реализация рассмотренных проектов в условиях окружающей их действительности была невозможной, и получила обоснованный шанс на существование лишь после крушения империи.

Литература:

1. Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. Глазами иностранцев. – СПб.: Лениздат. 1991.
2. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3т. – М., 1951. Т.1.
3. Глинский Б.Б. Борьба за конституцию (1612-1861гг.). – СПб., 1908.

4. Семевский В.И. Николай Иванович Костомаров // Русская старина. – 1886. №1.
5. Глинский Б.Б. Борьба за конституцию (1612-1861гг.). – СПб., 1908.
6. Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987.
7. Бахлов И.В. Российский федерализм: теоретические основы, специфика становления и политико-правовой организации. – Саранск, 2008.

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АСПЕКТА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКИХ СМИ В ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ

Ключевые слова/Keywords: политика «народной дипломатии»/ “people’s diplomacy” policy; политика «мягкой силы»/ “soft force” policy; советско-американские отношения/ Soviet-American relations; советские СМИ/ Soviet media; пропаганда/ advocacy; идеология/ ideology; политические штампы/ political rubber-stamps.

В рассматриваемый нами период произошел ряд изменений в советско-американских отношениях. Это было вызвано переходом СССР к политике «народной дипломатии», для которой характерно непосредственное обращение к гражданам зарубежного государства (а не к государственным структурам) через СМИ или различные негосударственные организации, с целью повлиять на общественное мнение внутри данного государства и добиться нужных политических решений. В современной России данная форма дипломатии носит название «политика мягкой силы». В.В. Путин 9 июня 2012 г. на встрече с представителями МИД заявил, что сейчас разрабатывается новая внешнеполитическая доктрина, базирующаяся именно на «политике мягкой силы» [27].

Подобные изменения существенно отразились на политическом аспекте советско-американских отношений. Наиболее ярко это можно проследить, обратившись к советской прессе, поскольку именно СМИ являются мощным орудием пропаганды, посредством которой у граждан формируются представления о политической обстановке в современный период.

В период оттепели в советской пропаганде произошел отказ от параллелей между США и фашистской Германией, который не так давно имели место в советских СМИ. Ярким примером подобных сравнений являлся вышедший в 1951 г. альбом Кукрыниксов «Бредовые англо-американизаторы», в котором американские политики изображались с фашистской символикой [9]. В рассматриваемый нами период в отношении США подобные параллели не применялись, зато с фашистским режимом стала ассоциироваться ФРГ. Так в газете «Правда» от первого января 1959 г. была опубликована карикатура Кукрыниксов на боннскую политику под названием «Новогодний план Бонна», на которой присутствовала нацистская символика [10, с.3]. Н.С. Хрущев, отвечая на вопросы английского журналиста, сказал: «Сейчас в западноберлинском Бундесвере уже 400 тыс. солдат... Ими командуют нацистские генералы» [17, с.1].

Теперь критике стали подвержены конкретные американские политические деятели и представители крупных монополий. В опубликованном в «Правде» за 1 января 1960 г. стихотворении С. Маршака «Барометр показывает «ясно» фигурируют президент США Трумэн, госсекретарь Ачесон и генерал Норстэд, которые

не хотят мириться с «потеплением» отношений [11, с.2]. В январе 1959 г. в «Правде» было опубликовано стихотворение С. Михалкова «Был под новый год», в которой критике подвергся директор ЦРУ Аллен Далес: «Что ж поделать, Мистер Далес/Людам радость – вам беда» [12, с.3]. В статье Ильи Эренбурга «Накануне» говорится о том, что некоторые политики США «потеряв голову, начали прославлять водородные боеголовки» [31, с.2]. Среди них отмечен Ричард Никсон. Эренбург отмечает, что «атомную катастрофу может вызвать и случай. Психические заболевания не такая уж редкость» [31, с.2]. В «Правде» за 19 января 1961 г. была опубликована статья «Завещание банкрота», в которой рассказывается о выступлении Эйзенхауэра с итоговой речью, где он обобщил все проведенные мероприятия. В статье подчеркивалось, что Америка не должна надеяться на скорое окончание «холодной войны», «а наоборот должна готовиться к новым жертвам» [6, с.3]. Он призывал к проведению политики с позиции силы. «Наше оружие должно быть мощным, готовым к немедленным действиям» [6, с.3]. В статье «Солнце свободы над Кубой» виновниками контрреволюции является небольшая группа политиков, которые «все еще делают ставку на ничтожные группы изменников...» [1, с.3]. Другой американский политик – посол США в Конго – Клэр Тимберлэйк в статье от 19 января 1961 г. под названием «Конголезцы не склонят головы» обвиняется в развязывании гражданской войны в Конго [8, с.4]. В статье «Будущее за нами» президент В. Вильсон и американский дипломат Фрэнсис обвиняются в стремлении свергнуть советскую власть [28, с.2]. Вообще в советской прессе периода оттепели четко прослеживается деление американских политиков на «хороших» (А. Линкольн, Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди) и «плохих» (В. Вильсон, А. Даллес, Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр, Р. Никсон).

В советской прессе США в тот период фигурировали очень часто. В газетных статьях появлялись отсылки на положительные (с точки зрения СССР) моменты в политике Штатов, которые имели место как на современном этапе, так и в прошлом. Часто доходило до того, что подобные замечания проскальзывали в статьях, в тематику которых они явно не вписывались. Например, в статье Н. Тихонова «Широкие замыслы, большие надежды», в которой автор рассказывает о развитии советского искусства, буквально в двух абзацах о подписании заключительной Декларации об освобождении рабов [29, с.2]. Эта отсылка к истории США явно не имела никакого отношения к обозначенной в статье тематике и в дальнейшем по ходу статьи никак не была задействована. Подобными отсылками к отдельным мероприятиям, осуществляемым в США в тот период, или событиям и фактам из истории Штатов, делалась попытка со стороны советской пропаганды подчеркнуть, что и в рамках иного «общественно-политического строя» возможны положительные подвижки, поскольку, как мы уже отметили выше, в советских СМИ в тот период пропагандировалась идея о том, что большую роль в американской политике (как отрицательную, так и положительную) играют отдельные политические деятели, управляющие «миролюбивым» американским народом. Иного подхода в рамках «публичной дипломатии» быть не могло, поскольку одним из важнейших принципов данной политики, является необходимость прямого обращения к народу того или иного государства для достижения определенных политических целей. А поскольку непосредственным адресатом политических посланий является именно народ, то он априори должен изображаться с положительных сторон, иначе подобная политика обречена на про-

вал.

Отсюда вытекает очередная особенность рассматриваемой нами темы: в целом положительная характеристика советской пропагандой рядовых американских граждан. В статье К. Непомнящего «Праздничные огни, добрые вести» рассказывается, что «простые люди Америки сердечно приветствовали Н.С. Хрущева...» [13, с.1]. В этой же статье особо подчеркнуто дружественное отношение к американским гражданам: описывается новогодний праздник, на котором советский и американский мальчишки Алеша и Пол должны сохранить вечную дружбу «победив силы зла» [13, с.1]. А сотрудничество с американскими гражданами свидетельствует переписка Хрущева с американским фермером и общественным деятелем Р. Гарстом, который пишет, что «постоянные контакты между нашими двумя странами в огромной мере уменьшат неправильные представления и недоверие между нашими странами...» [14, с.3]. И. Эрэнбург в статье «Накануне» пишет: «Мы видим какие сдвиги происходят в Америке... Вместе со всеми народами мы добьемся разоружения...» [31, с.2]. Отвечая на вопросы английской газеты «Дейли экспресс», Н.С. Хрущев подчеркнул, что тесное и дружеское сотрудничество времен «великого президента Ф. Рузвельта... было бы в интересах народов не только СССР и США, но также Англии и других стран» [17, с.1]. Также в советских СМИ подчеркивалось, что американский народ не разделяет многие правительственные мероприятия США. В статье «Пойманы сличным» рассказывается о скептическом отношении американских граждан к ЦРУ [21, с.6]. Вообще для советских СМИ было характерно критическое отношение к отдельным американским госструктурам, в частности, к ЦРУ. Сотрудники ЦРУ обвинялись в бездействии и сотрудничестве с контрреволюционерами на Кубе [2, с.3], в многочисленных военных провокациях. Выше уже отмечалось отрицательное отношение советской пропаганды к главе ЦРУ Алену Даллесу [24, с.3].

Очередной особенностью освещения политического аспекта советско-американских отношений в советских СМИ в рассматриваемый период был курс отечественной пропаганды на политику сокращения гонки ядерных вооружений. Во время визит в США в 1959 г. Н.С. Хрущев «поставил... вопрос о мирном существовании стран с различными экономическими и политическими системами, о прекращении гонки вооружений и всеобщем и полном разоружении» [19, с.1]. В новогодних поздравлениях в газете «Правда» среди поставленных задач на будущей год постоянно отмечались вопросы «сосуществования различных общественных систем» и «прекращения гонки вооружений» [26, с.1]. Дело дошло до того, что Н.С. Хрущев в случае принятия советских предложений о сдерживании гонки вооружений предлагал «в любое время распустить нашу армию» [5, с.1]. В «Правде» за 1 января 1963 сообщалось о «торжестве ленинской политики мирного сосуществования, победе сил разума над силами войны» [30, с.1]. Это было опубликовано даже, несмотря на то, что В. Ленин никогда не был сторонником подобной политики, так как разделял идею мировой революции, которая явно противоречила принципу сосуществования «государств с различными общественно-политическими системами». Подобная «ревизия» взглядов В.Ленина свидетельствует о чрезвычайной популярности подобных идей в рассматриваемый период.

Возникает вопрос: если СССР взял курс на мирное урегулирование острых политических вопросов, сокращение гонки вооружений и начал применять относитель-

тельно США политику «публичной дипломатии», означает ли это исчезновение из печати таких политических штампов, как «империализм», «монополизм», «колониализм» и т.д., применяемых ранее к западным странам? Ответ однозначен: нет. Но изменился характер их применения. Так в «Правде» за 1 января 1963 г. Н.С. Хрущев, отвечая на вопросы английского корреспондента, в целом положительно отзывается как о США, так и об Англии. На первый взгляд кажется, что подобная оценка вступает в противоречие с его ответом на вопрос о надеждах СССР на будущий год: «Я твердо уверен, что 1963 год будет... годом новых успехов в укреплении независимых государств, возникших на развалинах колониальных империй, успехов в деле окончательной ликвидации колониализма» [17, с.2]. Казалось бы, это прямой укол в адрес Англии и США: Англия длительное время являлась колониальной империей с самыми обширными колониями, а США в рассматриваемый период критиковались из-за их «колониальной» политики по отношению к Пуэрто-Рико [7, с.3]. Но на самом деле подобные высказывания четко вписываются в политику «народной дипломатии», поскольку этим подчеркивается, что подобная политика этих государств в прошлом и что она была вызвана «происками» отдельных политиков, которые осуществляли свою деятельность в угоду «капиталистам-монополистам», в разрез с мнением здравомыслящих «миролюбивых» политиков и с интересами граждан западных стран. Но теперь все это в прошлом, и СССР выступает за развитие «хороших и, если возможно, дружественных отношений между СССР и США...» [17, с.2] и «за развитие таких же хороших, дружественных отношений и с Англией [17, с.2]».

Мы обязательно должны отметить очередную особенность: несмотря на провозглашение политики «народной дипломатии», отказ от политических штампов и курс на «мирное сосуществование государств с различным общественно-политическим строем», США по-прежнему оставались для СССР врагом. В статье «Человек и природа» говорится, что над людьми капиталистических стран господствуют стихийные, неуправляемые силы капиталистического общества. «Даже великие достижения науки и техники в капиталистическом обществе превращаются в опасные силы, родящие эксплуатацию людей и народов, опасность массовой истребительной войны» [25, с.2]. В статье Понамарева Б. «Система капитализма подвержена кризисам» приводится высказывание американского публициста Липмана: «мы уже не похожи на решительную и уверенную в себе страну. Мы оттолкнули от себя широкие массы... реакционным духом, которым... была пропитана наша дипломатия» [22, с.4]. Однако следует отметить, что критика в адрес США стала значительно мягче. В контексте этого вопроса особый интерес представляет опубликованная в «Правде» 10 апреля нота советского правительства правительству США, в которой СССР выступает против плана НАТО о создании многосторонних ядерных сил. Несмотря на то, что нота адресована США, вся критика в попытке развязывания ядерной войны обрушена на ФРГ: «Правительство ФРГ... продемонстрировало..., что интересы мира и безопасности глубоко чужды их политике» [16, с.1]. Главным зачинщиком подобного плана является опять же ФРГ. В адрес США критика значительно мягче (это не смотря на недавние Карибский и Берлинский кризисы). Американское правительство обвиняется, скорее, не в намеренных действиях, а в заблуждении: «... а сейчас [ФРГ] подталкивает правительство США и Англии на расширение «многосторонних» атомных вооружений в НАТО и размещение их не только на море, но и на суше» [16,

с.1]. Да и сами претензии излагаются скорее в назидательной форме, а не в ультимативной: «Пусть никто не ищет угрозы в этом заявлении советского правительства. Все это почти прописная истина... Расширение площади, с которой могло бы быть произведено ядерное нападение, естественно раздвинуло бы географическую сферу применения неизбежных в таких случаях ответных мер» [16, с.1].

Но все вышесказанное не означает, что критика в адрес США, в том числе и жесткая, полностью исчезла из советских СМИ. Имелся ряд противоречий: политических и идеологических. В выступлении члена Политбюро ЦК ВСРП Иштвана Сирмаи отмечалось, что «мирное сосуществование... не означает вообще идейного примирения и не дает основания к образованию какого-либо идеологического единства с буржуазным демократизмом...» [3, с.4]. Из этого выступления, опубликованного в «Правде», мы выводим следующую особенность советской пропаганды относительно США: вся наиболее острая критика в адрес Штатов исходила из статей и высказываний зарубежных авторов, опубликованных в советской прессе. Это очень продуманный маневр советской пропаганды, поскольку таким образом не нарушаются принципы «публичной дипломатии» и, в то же время, приводятся весомые аргументы агрессивной и «империалистической» внешней и несостоятельной внутренней политики США, исходящие из различных источников, и поэтому носящие объективный характер. Достоверность данных аргументов подчеркивается «нейтральностью» СССР, поскольку авторы подобных статей принадлежат к другим странам, в том числе и к западным. В «Правде» от 19 января 1961 г. был напечатан ряд статей под заголовками: «Обуздать империалистов!», «В единстве сила», «Массовые митинги», «Сборище марионеток» [15, с.4]. В этих статьях приводились обвинения со стороны правительства Вьетнама в адрес США в поддержке реакционеров Лаоса и Тайланда. В статье, опубликованной в «Правде» от 10 февраля 1961 года под названием «Отпор контрреволюционерам» имеется намек на возможную причастность США к антиправительственным демонстрациям на Кубе [18, с.4]. В послании президента ГДР Вильгельма Пика под названием «Все силы делу мира» говорится, что «германские милитаристы совместно с иностранными империалистическими кругами, и прежде всего с США, превратили Западный Берлин... в опорный пункт их агрессивной реваншистской политики» [23, с.4]. Приводились данные из иностранной прессы о попытках США и правительства Западного Берлина договориться о размещении на территории ФРГ «баз для американских подводных лодок» [16, с.1]. Публиковались обвинения, выдвинутые азиатскими и африканскими странами-членами ООН в адрес США, в которых разоблачалась «колониальная» политика Штатов [7, с.3]. Особенно острым был вопрос относительно Кубы, в котором обе стороны избегали резких открытых обвинений. Советская пропаганда нашла интересный способ, как жестко обвинить США в агрессивной, антикубинской политике, но в тоже время сохранить «нейтралитет». В «Правде» за 1 января 1963 г. была опубликована статья «Друзья кубы сплачивают свои силы», в которой корреспондент ведет рассказ о конгрессе в Рио-де-Жанейро, посвященном обстановке на Кубе. Этот корреспондент не приводит никаких личных суждений, а только описывает обстановку, с нужных для СССР сторон: «В здании профсоюза моряков на одной из дверей были надписи: «Агрессивная политика США и ОАГ как ее орудие» [4, с.3]. Далее автор как бы случайно «через приоткрытую дверь...» слышит «звонкий голос» оратора, который вещает о ложной пропаганде США [4, с.3]. Оратор из Колумбии говорит о необходимости создания кон-

тинентального совета по защите Кубы. В этой статье четко прослеживается попытка подчеркнуть объективность обвинений в адрес США, поскольку критика исходит от участников конгресса, представляющих разные страны, а не от представителя газеты, задача которого «непредвзято» осветить обстановку на конгрессе.

Теперь перечислим выделенные нами особенности освещения политического аспекта советско-американских отношений в советских СМИ в период оттепели:

1. произошел отказ от параллелей между США и фашистской Германией;
2. теперь критике стали подвержены конкретные американские политические деятели и представители крупных монополий.
3. в целом положительная характеристика советской пропагандой рядовых американских граждан;
4. был провозглашен курс отечественной пропаганды на политику сокращения гонки ядерных вооружений;
5. США по-прежнему оставались для СССР врагом, но критика со стороны советских СМИ стала существенно мягче;
6. вся наиболее острая критика в адрес Штатов исходила из статей и высказываний зарубежных авторов, опубликованных в советской прессе;
7. советско-американские отношения освещались в СМИ в рамках политики «публичной дипломатии».

Литература.

1. Боровский В. Солнце свободы над Кубой//Правда. №1, 1961. С.3.
2. Вишневецкий С. От ответственности не уйти//Правда. №91, 1963. С.3.
3. Выступление Иштвана Сирмаи//Правда. №91, 1963. С.4.
4. Друзья кубы сплачивают свои силы//Правда. №1, 1963. С.3.
5. За мир и дружбу между народами//Правда, №2, 1960. С.1.
6. Завещание банкрота//Правда. №19, 1961. С.3.
7. Колония, а не свободное государство//Правда, №91, 1963. С.3.
8. Конголезцы не склонят головы//Правда. №19, 1961. С.4.
9. Костарева О.А. Образ врага в отечественной политической культуре периода Холодной войны Опыт анализа визуального источника. <http://psyfactor.org/lib/propaganda17.htm>
10. Кукрыниксы. Новогодний план Бонна//Правда. №1, 1959 г. С.3.
11. Маршак С. Барометр показывает «ясно»//Правда. №1, 1960. С.2.
12. Михалков С. Быль под новый год//Правда. №1, 1959. С.3.
13. Непомнящий К. «Праздничные огни, добрые вести»//Правда, №1, 1960. С.1.
14. Обмен письмами между Председателем Совета Министров Н.С. Хрущевым и Р. Гарстом// Правда, №5, 1960. С.3.
15. Обуздать империалистов!, В единстве сила, Массовые митинги, «Сборище марионеток»//Правда, №19, 1961. С.4.
16. Остановить распространение ядерного оружия. Нота советского правительства правительству США//Правда. №100, 1963. С.1.
17. Ответ Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева на вопросы «Дейли экспресс»//Правда. №1, 1963 г. С. 1-2.
18. Отпор контрреволюционерам//Правда, №19, 1961. С.4.

19. Петров. Ф. Великая мечта//Правда. №1, 1960. С.1.
20. Письмо Н.С. Хрущева господину Гарсту Р.//Правда, №5, 1960 г. С.3.
21. Пойман с поличным//Правда. №18, 1961. С.6.
22. Понамарев Б. Система капитализма подвержена кризисам//Правда. №18, 1961. С.4.
23. Послание президента ГДР Вильгельма Пика. Все силы делу мира//Правда, №1, 1959. С.4.
24. Провокации американской военщины. Сообщение революционного правительства кубы//Правда, №1, 1959. С.3.
25. Семенов. Н. Человек и природа//Правда, №1, 1961. С.2.
26. Советскому народу новогоднее поздравление ЦК КПСС//Правда, №1, 1959. С.1.
27. Соловьев В., Шафран А. Россия делает ставку на мягкую силу. <http://www.radiovesti.ru/articles/2013-02-12/fm/81776>
28. Сутоцкий С. Будущее за нами//Правда. №1, 1963. С.2.
29. Тиханов Н. Широкие замыслы, большие надежды//Правда. Правда. №1, 1963. С.2.
30. Торжество ленинской политики мирного сосуществования, победы сил разума над силами войны. Новогоднее поздравление//Правда, №1, 1963. С.1.
31. Эренбург И. Накануне//Правда. №1, 1961. С.2.

ИДЕИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ PR – КОММУНИКАЦИЙ

Ключевые слова/Keywords: гражданственность/ civic consciousness, гражданские качества/ civil qualities, долг/ duty, самосознание/ consciousness, моральные нормы/ moral norms, политическая коммуникация/ political communication, PR/ PR, лексические средства/ lexical means, твиттер/ Twitter, блог/ blog, социальные сети/ social networks.

Формирование гражданственности, социальной значимости гражданских качеств является актуальной проблемой современного российского общества. Она лежит в основе деятельности любого социального института, отражает общечеловеческие и общегражданские ценности.

В научном аспекте категория «гражданственность» является сложным понятием. Философский словарь под редакцией И. Т. Фролова определяет термин гражданственность как «нравственную позицию, выражающуюся в чувстве долга и ответственности человека перед гражданским коллективом, к которому он принадлежит: государство, семья, церковь, профессиональная или иная общность, в готовности отстаивать и защищать от всяких посягательств на его права и интересы» [4, с. 235]. Чувство гражданственности вытекает из самосознания человеком себя как личности, как самостоятельного члена общества, обладающего определенными правами и обязанностями, закрепленными в законодательстве, активно участвующего в принятии и осуществлении государственных решений, имеющего определенные моральные нормы и ценности. Понятие «гражданственность» содержит социально-правовой, морально-эстетический, социально-психологический и педагогический аспекты.

Одним из действенных каналов продвижения идеи гражданственности являются современные политические PR- коммуникации. Политическая коммуникация – это «процесс передачи политической информации, ее перемещения как внутри политической системы между ее элементами и подсистемами, так и между политической системой и обществом» [1, с. 150]. Для неё характерны специфические субъект, объект и цели. Субъектом политической коммуникации выступает конкретный носитель политической активности по поводу завоевания, удержания или использования власти с целью реализации своих интересов. Объектом является власть или властно-управленческие отношения в обществе. Целью всегда служит изменение мнения и внедрение (распространение) своей точки зрения [3, с. 477].

Апеллирование к идеям гражданственности в политическом PR активно используется как один из способов организации содержания сообщения, с целью воздействия на аудиторию через личное отношение к значимым событиям в стране,

создание общности с народом (Мы), через формирование современных моделей поведения, характерных для «идеального» гражданина.

Традиционными средствами продвижения идеи гражданственности остаются публичные выступления политических лидеров. Из 1800 выступлений лидеров политических партий России и государства, в период с 2011 по 2013 г., идеи гражданственности нашли свое воплощение в 750 (41 %) публичных выступлениях.

В содержании сообщений политиков используются разнообразные лексические средства. Среди них, самыми частыми являются повторения и анафора (встречается в 64% публичных выступлений), специфические метафоры и сравнения в 15%. Вопросно-ответные конструкции, как способ привлечения внимания аудитории встречается в 55% проанализированных речей.

Единение с аудиторией достигается при помощи частого повторения местоимения «Мы» (30%). Идеи гражданственности часто находят свое воплощение при помощи конструкции «Я считаю...» для указания на проблему и «Мы можем...» за которой следует предложение по её решению (36%). Свои тезисы и выводы, политические деятели зачастую подкрепляют с помощью использования устойчивых выражений и фразеологизмов, а также при помощи отсылки к словам великих русских писателей, поэтов, деятелей науки, искусства и т. д. Этот способ используется в 14% публичных выступлений.

Специфическим способом является прямая номинация, в которой политические лидеры озвучивают свою причастность при помощи прямого определения: «Я как гражданин России...» (10%). Обращение к морально-нравственным ценностям общества в 36% публичных выступлений. Такой способ как отсылка к культурно-историческому опыту России встречается в 45% выступлений. В нем можно отдельно выделить апеллирование к социо-культурному опыту советского периода (17%). Из советского периода россияне продолжают черпать представления о должном и справедливом; опираясь именно на этот опыт, строят модели ценностной самоидентификации [2, с. 305]. Политические лидеры указывают на свое единение со страной в 65% выступлений. Идеи гражданственности зачастую находят свое отражение в критике действующей власти. Этот способ используется в 12% выступлений.

Активно развивающимися каналами связи политических лидеров с аудиторией являются блоги и социальные сети. Так, большинство лидеров партий имеют свой блог и твиттер. У каждого из них есть своя страница в <http://www.odnoklassniki.ru/> и vk.com.

На личных страницах в социальных сетях идеи гражданственности находят свое отражение лишь в 10% текстов, размещенных на стене аккаунтов политиков. Это можно объяснить тем, что данный канал связи с общественностью только развивается в нашей стране. Идеи гражданственности здесь выражаются теми средствами, что и в публичных выступлениях. При этом блоги зачастую повторяют информацию, размещенную на личных страницах в социальных сетях. Некоторые блоги содержат видео файлы выступлений.

В блогах тема гражданственности находит свое отражение в 60% публикаций. Это можно объяснить тем, что данный электронный ресурс является самой удобной площадкой для выражения своего мнения и своей гражданской позиции.

В твиттере проблематика гражданственности находят свое отражение в 30% твитов, которые публикуют политики. В основном они касаются их участия в делах государства. Ограниченность допустимого объема публикации (не более 140 символов) влияет на форму подачи высказываний. Это как правило – слоганы, призывы, короткие, важные сообщения.

Таким образом, на современном этапе развития гражданского общества в России, тема гражданственности широко используется политическими лидерами как содержательная основа сообщений в системе непосредственных PR- коммуникаций. При этом для культивирования в сознании общестственности гражданских ценностей используются разнообразные лексические приемы, такие, как: анафора, вопросно-ответные конструкции, повторение местоимения “мы” и т. д.

Литература

1. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. – М.: Прометей, 2004. – 328 с
2. Гринберг Т. Э. Политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 250-251.
3. Семигин Г.Ю. Субъекты политики. // Политическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; Рук. [с.309] проекта Г.Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – Т. 2. – М.: Мысль, 1999. С. 477–478
4. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд. М.: Республика, 2001.

ЄВРОМАЙДАН ЯК ПРОЯВ КРИЗИ ІДЕНТИЧНОСТІ

Ключові слова/Keywords: національна ідентичність/national identity, криза ідентичності/ identity crisis, євромайдан/euromaydan, євроінтеграція/european integration.

Розпад Радянського Союзу стимулював реформування основних державних інститутів та багатьох сфер суспільного життя громадян, а розширення соціальних можливостей призвело до необхідності переоцінки цінностей, виявлення нових ідеалів та належності себе до різних груп. У сучасній культурі загостреність питання ідентичності зумовлюють невпевненість людини у своєму майбутньому, відчуття постійної небезпеки й тривоги, зростання розриву між поколіннями та інші екзистенціальні проблеми. Процеси детрадиціоналізації, зниження ролі й значення традицій і моральних норм, характерні для постіндустріального суспільства призводять до розшарування, розпорошення таких усталених видів ідентичності, як національна, класова, гендерна, що сформувалися в епоху модерну. У світі, де все постійно рухається, переміщується й ніщо не вселяє надію, люди перебувають у пошуках таких спільнот, приналежність до яких вони відчували принаймні хоч якийсь час [4, с. 59-64]. Все це призвело до бажання українців ідентифікувати себе з європейцями як взірцем добробуту і стабільності.

Перебуваючи у стані модернізації, наша держава стала на шлях визначення власної ідентичності. Здобутки глобалізації та сучасних технологій, відкритість зовнішнього світу, розширення комунікаційних полів, – все це призвело до пошуку ідентичності поза національних меж. Сьогодні українська національна ідентичність все більше набуває рис європейської ідентичності: зростає значення особистості в суспільстві, підвищується свідомість громадян, набувають актуальності ідеї толерантності та рівності. Крім того, на відміну від національної ідентичності, яка передається людині поколіннями протягом історії, ідентифікація себе з європейцями є раціонально усвідомленим особистим вибором людини, який вона робить орієнтуючись на власні знання та досвід, тим самим доводячи, що українська свідомість вже готова до входження у наднаціональне співтовариство.

Політична ідентичність може виявитися як потужний інструмент мобілізації мас. Справедливо вважається, що ідентичність була і залишається одним з найбільш ефективних механізмів мобілізації: щоб спонукати людей до колективних дій, важливо змушувати їх сприймати себе як групу, згуртовану загальними інтересами, яка протистоїть іншим групам [1, с. 139-142]. Політична ідентичність посилюється у моменти політичних загострень в державі та під час виникнення зовнішньої загрози. Яскравим прикладом сплеску національної свідомості та прагненням відстояти свою ідентичність можна вважати «пома-

ранчеву революція» 2004 року. Регіональний розподіл громадян України на фоні політичних уподобань, суперечності етнічного характеру, загострена ситуація на президентських виборах, яка проявлялася у дуалізмі майбутнього державного розвитку, прагнення українців відстоювати свою ідею та готовність до мобілізації – все це стало передумовами сплеску національної свідомості громадян. Сьогодні же загострення питання ідентичності отримало своє виявлення у вигляді євромайдану, — національно-патріотичних та євроінтеграційних мітингів, демонстрацій та інших видах протесту, які охопили всю країну з 21 листопада 2013 року. Причини подій автор бачить у наступному:

- Відхилення влади від зовнішньополітичного курсу держави, який було прописано ще за часів отримання Україною незалежності, що посилює довіру до влади;
- небажання влади прислухатися до народу та опозиції;
- пошук стабільності та спільноти, яка може її забезпечити;
- розділення громадян на два табори: проєвропейський, який відстоює інтеграцію України до ЄС, та провладний, який підтримує дії влади;
- небажання значної частини населення сходу і півдня України ідентифікувати себе з українською нацією та відстоювати національні інтереси держави;
- перепони на шляху відкритого відстоювання інтересів народом (як то постанова від 30 листопада 2013 року у справі № 826/19020/13-а про заборону мирних зібрань у центрі Києва) [2].

Вже пізніше євромайдан перетворився у вирішення внутрішньополітичних проблем, зумовлених незадоволеністю політикою існуючої влади, підвищеним рівнем корумпованості державних органів та прагненням опозиції до влади.

На думку заступника генерального директора Центру Разумкова Валерія Чалого, «... в країні визрів свій досить потужний інтеграційний чинник — це українське суспільство і, насамперед, молодь. Події останнього тижня засвідчили, що саме молодь, яка народилася вже після незалежності, для якої навіть Помаранчева революція була таким собі спогадом дитинства, сьогодні захищає свої права, і очевидно, це нове покоління не дасть діючій владі згорнути цей напрямок» [5].

Інша думка про сутність євромайдану висловлена Єгором Просвіріним — блогером «Живого Журнала» та підтримана російським науковцем Сергієм Карамурзою: «По суті, ми спостерігаємо стандартну для Східної Європи національно-демократичну революцію, одну з тих, що стрясали Варшавський блок при розпаді СРСР. Нехай із запізненням в 20 років, але ми нарешті можемо споглядати не «розгніваних громадян», а членів української нації, які відстоюють свої права саме як національної спільноти (і, більше того, що підсилюють і зміцнювальних цю спільність через акт нацбідінга – Євромайдан)» [3].

На думку провідного експерта з геополітичних питань президента США Збігнева Бжезінського, «Спонтанний сплеск українського самобутнього патріотизму, викликаний брехливістю корумпованого, зайнятого самозбагаченням і готового шукати захисту у Москві керівництва країни сигналізує про те, що прихильність національної незалежності стає домінуючою політичною реальністю». Політолог підкреслив, що на Україні сформувався новий тип мислення, заснований не на

антиросійських настроях, а на усвідомленні власної європейської ідентичності. Це слугуватиме неминучому зближенню України з Європою [6].

Чим би не був євромайдан, – національно-демократичною революцією, патріотичним протестом, спробою захоплення влади, чітко спланованою кампанією США з метою наближення до Російських кордонів чи просто вираженням незадоволеності владою, безумовно, він свідчить про підвищення рівня свідомості громадян, прагнення виражати та захищати свою громадську позицію, здатність до мобілізації та бажання відстоювати національні інтереси. В сучасному глобальному світі відмова від інтеграції означає відмову від повноцінного розвитку, оскільки жодне суспільство не може бути конкурентоспроможним, не ставши частиною світового економічного простору. Саме економічна необхідність диктує нам потребу інтеграції до європейської спільноти, яка веде за собою уніфікацію усіх сфер життя, в тому числі і ідентичності. Покоління, яке народилося і виховувалося в незалежній Україні, зазнало на собі вплив глобалізації, який проявляється у вихованні індивідуалізму, перевазі особистих інтересів над державними, впровадженні західних цінностей та вестернізації культурної сфери. Ці фактори значно спростять процес адаптації України до глобалізованого суспільства, проте, сьогодні основним завданням українців залишається збереження своєї національної ідентичності в контексті інтеграції до ЄС.

Література

1. Іванов І. Ю. Феномен політичної ідентичності: політологічний аспект / І. Ю. Іванов // Грані. – Д. : Дніпропетровський нац. ун-т, Центр соц. політ.досліджень, 2012. –№4. – 172 с.
2. Постанова про заборону мирних зібрань у центрі Києва від 30 листопада 2013 року у справі № 826/19020/13-а [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/35641960>
3. Просвірін Є. Євромайдан – акт нацибилдинга? [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: <http://vif2ne.ru/nvz/forum/13/co/332113.htm>
4. Штефан І. П. Криза ідентичності у глобалізованому світі / І. П. Штефан // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв. – К.: Міленіум, 2011. – №1. – 209 с.
5. Чалий В. Шансів підписати Угоду про асоціацію з ЄС на початку 2014 року практично немає [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: http://www.uceps.org/ukr/expert.php?news_id=4373
6. Brzezinski Z. Russia, like Ukraine, will become a real democracy // Financial Times. – December 10, 2013 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/5ac2df1e-6103-11e3-b7f1-00144feabdc0.html>

Кучманич Ірина Миколаївна

Доцент, кандидат психологічних наук

Миколаївський національний університет імені В.О. Сухомлинського

ДО ПИТАННЯ ПРО ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ ТВОРЧИХ ЗДІБНОСТЕЙ ДИТИНИ ДОШКІЛЬНОГО ВІКУ

Анотація

У статті розкрито особливості розвитку творчих здібностей дітей дошкільників. Висвітлено механізми розвитку креативності на цьому етапі онтогенезу. Розглянуто основні фактори, що впливають на розвиток творчих здібностей дитини на етапі дошкільного дитинства.

Ключові слова / Keywords

Capabilities, creative capabilities, preschool age.

Актуальність. Проблема розвитку творчих здібностей вивчалась здавна, проте на сьогоднішній день є багато суперечностей у цьому питанні. Перш за все, складність проблеми полягає у невизначеності та неструктурованості самого поняття. По-друге, вивчення творчих здібностей дитини ускладнюється за рахунок «невловимості» творчого процесу, де саме можуть проявитися ці здібності дитини. Крім того, критерії творчого продукту, котрі свідчать про реалізацію творчих здібностей безпосередньо у діяльність, дотепер дискутуються у сучасній психологічній науці.

Проте, незважаючи на складність проблеми, вона не втрачає своєї актуальності. Насамперед це стосується дітей дошкільного віку, оскільки саме в цей період розвиток творчих здібностей відбувається найінтенсивніше. Отже, **метою** статті є висвітлення особливостей розвитку творчих здібностей дитини на етапі дошкільного дитинства.

Проблема творчих здібностей дитини розглядалась у працях Т.О.Баришевої, Д.Б.Богоявленської, Ю.О. Жигалова, О.Л.Музики, Н.Ф.Портницької, П.Торренса, Л.Ф.Обухової та ін.

У загальному розумінні під творчими здібностями розуміють здібності до перетворення, продуктивної трансформації дійсності. Д. Симпсон у 1922 році вперше запропонував використовувати поняття «креативність» (що походить від лат. creativo – створення) для позначення здібностей людини відмовлятися від стереотипних способів мислення. В сучасній психологічній науці для позначення особливих здібностей людини породжувати незвичайні ідеї, знаходити нетривіальні рішення та відмовлятися від традиційних, шаблонних шляхів розв'язання проблеми стали застосовувати термін креативність.

У 60-роках ХХ століття було запропоновано та описано біля 60 визначень поняття креативність. У наш час кількість визначень та тлумачень креативності постійно зростає. Дослідники з цього приводу зауважують, що процес розуміння креативності сам вимагає креативної дії, оскільки креативність як така ще не концептуалізована та емпірично не виявлена [6]. Це також підкреслює і Є.П.

Льїн, який зазначає, що розуміння креативності значно розширюється, а відтак, і втрачається, «розмивається» сутність поняття [4].

Невизначеність поняття креативності зумовлює й суперечності у з'ясуванні особливостей розвитку творчих здібностей на різних етапах онтогенезу. Так, на сьогоднішній день існує три точки зору стосовно проблеми розвитку креативності. Вчені, які дотримувались першої точки зору, вказують на те, що розвиток творчих здібностей відбувається поступово з віком (О.С. Белова, Л.Ф.Обухова, М.А.Сорокіна, С.М.Чурбанова та ін.). У працях М.О. Олехнович, М.І.Фідельмана, Н.Б. Чумакової, В.С. Юркевича та ін. запропонована друга точка зору, де обстоюється думка, що розвиток креативності знижується за умови накопичення знань. Вчені, які дотримувались третьої точки зору (П.Торренс, О.С. Жукова та ін.), доводять, що креативність розвивається нерівномірно, тим самим підкреслюючи флуктуаційний характер розвитку творчих здібностей [4].

Аналіз проведених досліджень дозволяє дійти висновку, що період дошкільного дитинства є одним із етапів онтогенезу, коли спостерігається зростання творчих здібностей. Спираючись на першу точку зору, можемо зазначити, що цей період є стартовим у житті людини, початковим етапом у розвитку більшості особистісних утворень і творчих здібностей. Стосовно другої точки зору, то засвоєні на цьому етапі онтогенезу символічні системи власної культури дозволяють дитині експериментувати з ними, утворювати нові, нестандартні комбінації. Водночас, обмеженість знань, збідненість досвіду пояснюють розвиток креативності на цьому етапі онтогенезу. Дослідження П. Торренса, у межах третьої точки зору, довели, що апогеєм розвитку креативності є саме дошкільний вік (5 років), молодший шкільний вік та підлітковий період. Отже, у запропонованих підходах простежується єдність у поглядах щодо сенситивності дошкільного віку в процесі розвитку творчих здібностей.

Т.О. Баришева і Ю.О. Жигалов вважають, що процес розвитку креативності складається з декількох етапів:

- перший етап – пробудження (накопичення сенсорного, емоційного, інтелектуального досвіду);
- другий етап – наслідування, імітація (засвоєння еталонів креативної поведінки, технологій, способів та засобів творчої діяльності);
- третій етап – імплікації, зв'язок (застосування засвоєних прийомів у нових особистісно-значущих умовах, експериментування, пошук нових зв'язків у стосунках і т.д.);
- четвертий етап – трансформація (перетворення досвіду відповідно до індивідуальних особливостей, можливостей, потреб особистості);
- п'ятий етап – гармонізація психологічної структури креативності, індивідуалізація творчої діяльності, становлення творчої індивідуальності [4].

Перші два етапи, виокремлені Т.О. Баришевою і Ю.О. Жигаловим, відображають саме особливості розвитку креативності на етапі дошкільного дитинства. Оскільки цей період є етапом онтогенезу, коли відбувається накопичення різноаспектних знань, набуття певного досвіду та апробація власних сил у суб'єкт – суб'єктній та суб'єкт – об'єктній взаємодії.

Х.Гарднер зауважує, що розвиток творчих здібностей в онтогенезі відбувається нерівномірно і має два сплески. Один із яких спостерігається саме у дошкільному

дитинства, а другий – у підлітковий період. Пояснюючи таку динаміку, вчений наголошує, що активне засвоєння певних знань у дошкільному дитинстві і, водночас, їх дефіцит, стимулюють розвиток фантазії, зумовлюють активне перекомбінування існуючого досвіду. Дитина намагається розв'язати задачу не стандартним, шаблонним способом, а за допомогою експериментування з вже засвоєною символічною системою. У цьому контексті прояв творчих здібностей носить, здебільшого, адаптаційний характер [4].

Пояснити природу сплеску розвитку творчих здібностей на етапі дошкільного дитинства видається можливим, звернувшись до базових положень вітчизняної психології стосовно рушійних сил психічного розвитку. Як відомо, діалектико-матеріалістична теорія розвитку вихідними положеннями психічного розвитку особистості визначає єдність внутрішніх та зовнішніх умов, які спричинюють її «саморух». С.Л. Рубінштейн вважав, що зовнішні умови – це умови природного й суспільного середовища, потрібні для існування індивіда та реалізації його можливостей. Внутрішні потреби – це ті потреби та суб'єктивні властивості індивіда, через які заломлюється все розмаїття зовнішніх, соціальних умов [цит. за 84]. Г.С.Костюк зазначав: «Зовнішні та внутрішні умови розвитку є протилежностями. Але вони не тільки взаємопов'язані, а й переходять одна в одну» [84, с.90]. Отже, процес розвитку як такий, що передбачає необхідну, послідовну та прогресивну зміну людської системи, її структурне та функціональне вдосконалення (Г.С.Костюк), уможливується за наявності внутрішніх та зовнішніх умов, які спричинюють певні протиріччя.

На етапі дошкільного дитинства вимоги середовища не відповідають можливостям дитини. Це спричинює пошук нових шляхів розв'язання задачі шляхом фантазування, перекомбінування наявного досвіду. Безумовно, такий процес потребує активізації творчих здібностей дитини. У подальшому – навчання у школі – спостерігається спад у розвитку творчих здібностей, оскільки соціальні стандарти та шкільний регламент гальмують прояв ініціативності, творчої активності. Дж. Морен зауважує, що для того, щоб соціалізуватися дитина має пожертвувати власною унікальністю [5].

Цікавим також є питання визначення механізму розвитку творчих здібностей дитини на цьому етапі онтогенезу. Звертаючись до поняття психологічного механізму, доречно згадати М. Й. Боришевського, який зауважував, що психологічний механізм є системою «взаємовідносин і взаємодії між структурними елементами (підсистемами) психологічної системи, що забезпечує її функціонування, становлення та розвиток» [1, с.28]. З огляду на це, питання механізму розвитку творчих здібностей дитини полягає у з'ясуванні тих рушіїв, без яких цей розвиток був би неможливий або ускладнений.

У запропонованій О.Л. Музикою інвенційно-стратегіальна моделі висвітлюється питання механізму розвитку творчих здібностей. Спираючись на поняття інвенції (з латинської – винахід, вигадка), введене у психологічний обіг Ж. Піаже, вчена зазначає, що саме ці спонтанні відхилення є одним із чинників розвитку креативності.

Зазвичай у виконанні певних дій діти орієнтуються на відтворення (копіювання) дій дорослого. Однак, у випадку тривалого виконання одноманітних дій або при неможливості точно відтворити дію дорослого виникає інвенція. «З'являючись та розвиваючись у наслідуванні, інвенції забезпечують видозміну за-

даного зразка діяльності, а отже сприяють виникненню творчості дошкільників. При цьому цінність інвенцій зумовлена їх особистою значимістю та соціальною актуальністю: закріплюються у діяльності лише ті інвенції, які викликають інтерес оточення та дозволяють отримати визнання» [2, с.58]. Таким чином, творчі здібності нібито надбудовуються над виконавськими здібностями. Тобто спочатку людина повинна оволодіти певною діяльністю, а потім виникають інвенції, які стають передумовою розвитку творчих здібностей.

Таким чином, проведений аналіз свідчить, що етап дошкільного дитинства є чутливим у розвитку творчих здібностей. Перш за все, це пов'язано з адаптивною функцією, оскільки за допомогою творчості при обмеженні досвіду та необхідних знань уможливується пристосування до незвичних ситуацій. По-друге, реалізуючи творчі здібності безпосередньо у діяльність, дитина може отримати визнання з боку найближчих значущих дорослих.

Список використаних джерел

1. Боришевский М.И. Психологичні механізми розвитку особистості / М.И.Боришевський // Педагогіка і психологія. – 1995. – №3. – С.26-33.
2. Здібності, творчість, обдарованість: теорія, методика, результати досліджень / За ред. В.О. Моляко, О.Л. Музики. – Житомир: Вид-во Рута, 2006. – 320 с.
3. Костюк Г.С. Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості / Г.С. Костюк; [за ред. члена-кореспондента Л.М.Проколієнко]. – Київ: «Радянська школа», 1989. – 608 с.
4. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П.Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 448с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
5. Николаева Е. И. Психология детского творчества / Е.И. Николаев // СПб.: Речь, 2006. – 220 с.
6. Торшина К.А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии / К.А. Торшина // Вопросы психологии. – 1998. – № 4. – С. 123-132.

Авдеенко В.В.

студентка Мелитопольского государственного университета
имени Богдана Хмельницкого

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ОДАРЕННОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Ключевые слова: одаренность, социум, социализация, интеллект, личность, деятельность/ talent, society, socialization, intelligence, personality, activity.

К постановке проблемы. Проблема выявления одаренных детей имеет четко выраженный этический аспект. Идентифицировать ребенка как одаренного либо как неода-ренного на данный момент значит искусственно вмешаться в его судьбу, заранее предопределяя его субъективные ожидания. Многие жизненные конфликты одаренных и неода-ренных коренятся в неадекватности (илегкомысленности) исходного прогноза их будущих достижений [3]. Следует учитывать, что детская одаренность не гарантирует талант взрослого человека. Соответственно, далеко не каждый талантливый взрослый проявлял себя в детстве как одаренный ребенок. Признание роли социальных условий, в которых развивается ребенок, требует создания специализированных методов выявления одаренности с учетом целого ряда факторов (экономических, культурных, национально-этнических, семейных, в том числе физического здоровья ребенка и особенностей его социализации) [1].

Специальную область составляют экспериментально-психологические исследования одаренных детей младшего школьного возраста, которые проводятся с целью получения новых теоретических и эмпирических данных о природе детской одаренности [5]. Эти исследования могут использовать самые разнообразные психологические методики, направленные на выявление структуры разных видов одаренности, а также закономерностей взаимоотношений одаренного ребенка с окружающей социальной средой. Без таких исследований невозможен прогресс в практической деятельности, связанной с выявлением, обучением и развитием одаренных детей.

Личность одаренного ребенка несет на себе явные свидетельства его неза-

урядности, так как и уровень, и индивидуальное своеобразие деятельности ребенка определяется прежде всего его личностью. Понимание личностных особенностей одаренного ребенка особенно важно в случаях так называемой скрытой одаренности, не проявляющейся до определенного времени в успешности деятельности. Именно своеобразные черты личности, как правило, органично связанные с одаренностью, заставляют школьного психолога предположить у такого ребенка наличие повышенных возможностей [1].

Анализ работанности проблемы в литературе. Среди многочисленных исследований проблем психолого-педагогических факторов влияющих на развитие одаренности ребенка стоит выделить значительное количество работ, посвященных рассмотрению психологических свойств интеллектуально одаренной личности, в частности К.Абрмса, Ю.Д.Бабаевой, Д.Б.Богоявленской, Ю.З.Гильбуха, Дж.Гилфорда, Т. Кэрла, О.И.Кульчицькой, А.Маслоу, О.М.Матюшкина, В.О.Моляка, Н.С.Лейтес, В.Холлингворта, Дж. Уитмор. По мне нию Б.М.Величковского большое значение для понимания особенностей личности одаренного ребенка и характера ее становления имеет анализ его взаимоотношений со сверстниками и взрослыми. А.А.Бодалев утверждал что, наиболее важной характеристикой личности детей с проявлениями одаренности является особая система ценностей, личностных приоритетов, важнейшее место в которой занимает деятельность, соответствующая содер-жанию одаренности.

Для значительной части одаренных детей характерен так называемый перфекционизм, то есть стремление добиться совершенства в выполнении деятельности.

Основная цель работы. Установить особенности функционирования психолого-педагогических факторов влияющих на развитие одаренности детей младшего школьного возраста.

Материалы теоретического анализа Очень важной особенностью личности ребенка, проявляющего признаки одаренности, является так называемый внутренний локус контроля, то есть принятие на себя ответственности за результаты своей деятельности (а в дальнейшем и за все происходящее с ним) [4]. Как правило, такой ребенок считает, что именно в нем самом кроется причина его удач и неудач. Эта черта одаренного ребенка, с одной стороны, помогает ему справляться с возможными периодами неуспеха и является важнейшим фактором поступательного развития его незаурядных способностей. С другой стороны, эта же черта ве-дет к не всегда обоснованному чувству вины, самобичеванию, иногда даже к депрессивным состояниям [3]. У многих одаренных детей наблюдается повышенная впечатлительность и связанная с ней особая эмоциональная чувствительность, которая проявляется в самых разных формах: события, не слишком значительные для более обычных детей, становятся для этих детей источником самых ярких, иногда даже меняющих всю жизнь ребенка, переживаний. Повышенная эмоциональность в некоторых случаях проявляется в склонности к бурным аффектам. В других же случаях она носит скрытый, внутренний характер, обнаруживая себя в излишней застенчивости в общении, трудностях засыпания, а иногда и некоторых психосоматических заболеваниях [6].

Одна из основных личностных характеристик детей младшего школьного возраста с повышенными творческими возможностями -независимость (автономность): трудность, а иногда и невозможность действовать, думать и поступать так,

как большинство. Дети с творческими возможностями, в какой бы области деятельности ни проявлялась их одаренность, мало, сравнительно с другими людьми, ориентируются на общее мнение, на сложившийся принцип, на устоявшиеся правила [5]. Хотя эта личностная характеристика помогает им в деятельности и даже в определенном смысле формирует сами творческие возможности, тем не менее, именно она делает их неудобными для окружающих. Одаренные дети этого типа ведут себя менее предсказуемо, чем этого хотелось бы окружающим, что приводит иногда к конфликтам.

Целый ряд психологических исследований и специальные наблюдения показывают, что одаренные дети в целом гораздо более благополучны, чем другие дети: не испытывают проблем в обучении, лучше общаются со сверстниками, быстрее адаптируются к новой обстановке. Их укоренившиеся интересы и склонности, развитые уже с детства, служат хорошей основой для успешного личностного и профессионального самоопределения. Правда, и у этих детей могут возникать проблемы в том случае, если не учитываются их повышенные возможности: обучение становится слишком легким или же нет условий для развития их творческих потенций [1]. Наиболее часто встречаются проблемы: общения, социального поведения, дислексия-слабое развитие речи, эмоционального развития, дисинхронизация развития, физического развития, саморегуляции, отсутствие творческих проявлений, трудность профессиональной ориентации, дезадаптации. Все формы работы с одаренными детьми должны в полной мере учитывать личностные особенности одаренного ребенка и ориентироваться на эффективную помощь в решении его проблем [3].

Проблема выявления одаренных детей сложна и требует привлечения специалистов высокой квалификации. При этом следует иметь в виду, что критерии одаренности не могут быть раз и навсегда зафиксированными.

Вывод. Выявление одаренных детей – продолжительный процесс, связанный с анализом развития конкретного ребенка. Эффективная идентификация одаренности посредством какой-либо одноразовой процедуры тестирования невозможна. Поэтому вместо одномоментного отбора одаренных детей необходимо направлять усилия на постепенный, поэтапный поиск одаренных детей в процессе их обучения по специальным программам либо в процессе индивидуализированного образования. У одаренных детей познавательная потребность направлена на достижение результата, а в творчески одаренных – на сам процесс познания [3]. Психолог в работе с одаренными детьми имеет не только самостоятельно поддерживать талантливого ребенка, путем разложения его способностей, но и интенсивно привлекать родителей к этому процессу [1]. Поэтому нужно стремиться к тому, чтобы родители и психологи поняли личность цельная и ценная, именно в целостности, осознание ребенком своей уникальности, уникальности любой другого человека поможет ей «побеждать так, чтобы другие тоже выиграли» [4].

Литература:

1. Бодалев А.А. Личность и общение.-М.: Международная педагогическая академия, 1995.-328 С.-С. 91, 94-95, 187.
2. Божович Л.Б. Избранные психологические труды. Проблемы формирования

личности / Под ред. Д.И.Фельдштейна.-М., 1995.

3. Выготский Л.С. Мышление и речь.-М.: Соцэкгиз, 1934, – 450с.-С. 14.
4. Гильбух Ю.З. Умственно Одаренный ребенок: Психология, диагностика, Педагогика.-Киев, 1992.-83 с.
5. Матюшкин А.М. Загадки одаренности.-М., 1993.-127 С.-С.34.
6. Яковлева Е.Л. Психология развития творческого потенциала школьников: Авто-реф. . докт. псих. наук.-М.: Психол. институт РАО, 1997.-44 С.-С. 34.

Сиренко А. С.

РВУЗ «Крымский гуманитарный университет» (г. Ялта)
Старший лаборант кафедры психология

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ АРХЕТИПА «СОЛНЦА»

Символ архетипа «огня» является мало изученным в научной литературе, что и предопределило актуальность постановки проблемы в данном тезисе. В аналитической психологии термин «архетип» обозначает некий принцип интегрирующий психическую реальность в ее индивидуальном содержании, по параметрам универсальности, типичности проявлений, повторяемости. Архетипы презентуются в сознании лишь посредством архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные паттерны (модели, схемы) или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного имеющего отношение к религии, мифологии, легендам и сказкам. Т. С. Яценко отмечает, архетип как универсальный механизм, визуального синтезирования содержания сознательной и бессознательных сфер психики в символической форме [5, с. 369]. Говоря иначе, архетипическая символика – воплощает в себе содержание коллективного бессознательного, которое индивидуализируется в психике конкретного субъекта

Ключевую роль во множестве культур занимали образы небесных светил, а именно архетип «солнце», который является наиболее распространенным среди использованных в рисунках архетипов. Это обусловлено природой самих светил, представленностью в восприятии людей, своим величием и оказываемым осязаемым воздействием на жизнь человека. Символы могут быть актуальны для современного человека, вошедшего в культуру мифологических представлений и реальных физических воздействий светил. Солнце является особым источником света и тепла, бесценным для жизни, что является универсальным для всех народов мира, это объясняет его приоритеты среди используемых людьми. Как правило, солнце ассоциируется с властью, воплощенной в лице верховного божества и в лице повелителя.

Солнечный и лунный символизмы контрастируют друг с другом практически во всех культурах. Символами солнца могут быть животные, птицы и растения (лев, орел, подсолнечник), а также золото и желтый, оранжевый и красный цвета. Солнце, является важным символом в астрологии и алхимии, оно представляет личностную целостность. У многих народов солнце – это всевидящее око божества (Зевс, Гора,

Рис. 1. Восприятие счастья

Рис. 2. Я в семье родителей. Восприятие прошлого, которое нельзя изменить.

Рис. 3. Мое обычное эмоциональное состояние. Обычное психологическое состояние близких мне людей.

Рис. 4. Конфликт и выход из него

Варун, Один, Аллах и т.д.). Народы многих государств поклонялись божествам солнца (Вавилон, Египет, Персия, Греция, Рим, Индия и др.) [1]. Солнечный архетип выражает символ опоры на себя самого и воплощает жизненное творчество личности [3]. Солнце символизирует главный принцип жизненной энергии и личности человека, то есть самую суть его личности, или сознательного «Я». Оно также управляет волей и склонностью выражать себя в качестве независимой личности. Архетип солнца, может быть использован для более глубокого понимания людей – их личностей, паттернов поведения и того, как разворачиваются события в их жизни [2].

Исходя из психодинамической теории [5–7], исследование основывалось на психоанализе неавторских и авторских рисунков, тематических психорисунков, в их комплексе, что позволило эксплицировать символ «огня» в его архетипическом содержании. Рисунки, позволяют констатировать факт изображения авторами (участниками АСПП) огня в следующем архетипическом содержании: энергия жизни, счастье, надежда, любовь. В иллюстрациях авторских рисунков (Рис. 1–4) презентованы вариации архетипа «солнца» и его содержание. Остановимся на смысловой нагрузке архетипа «солнца» по иллюстрациям рисунков в пункте:

восприятие счастья (Рис. 1.); солнце символизирует взрыв и агрессию (Рис. 2.); олицетворение спокойного душевного состояния (Рис. 3.); солнце являющееся надеждой и способом преодоления конфликтной ситуации (Рис. 4.).

Таким образом, архетип «солнца» причастен к: выражению амбивалентности чувств; противоречивости психики в ее либидных и мортидных аспектах; энергетической и эмоциональной наполненности определенным субъективным смыслом. Архетип несет энергетическую нагрузку, обладает потенциальной инициативой и заключает в себе определенную тенденциозность поведения. Архетип «солнца», является сверхличностным образованием и практически не существует помимо субъекта в функциональных параметрах, более того он выступает в качестве инстинкта актуализирующего визуализацию неосознаваемого содержания психики.

Список использованных источников

1. Белякова Г. С. Славянская мифология / Г. С. Белякова – М. : Просвещение, 1995. – 239 с. : ил.
2. Кононенко О. А. Слов'янський світ. Ілюстрований словник-довідник міфологічних уявлень, вірувань, обрядів, легенд та їхніх відлунь у фольклорі і пізніших звичаях українців, братів-слов'ян та інших народів / О. А. Кононенко – К. : Асоціація ділового співробітництва «Український міжнародний культурний центр», 2008. – 784 с.
3. Семира Астрология и мифология / Семира, В. Веташ – СПб. : Атон, 1998. – 1072 с.
4. Яценко Т. С. Глубинное познание психики субъекта с использованием визуализированной самопрезентации / Т. С. Яценко // Ежемесячный научно-практический журнал Общероссийской профессиональной психотерапевтической Лиги. – 2012 г. – №10. – С. 22–30.
5. Яценко Т. С. До проблеми пізнання індивідуальної неповторності архетипної символіки / Т. С. Яценко // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія. 12. Психологічні науки. –2011. – № 33 (57). – С. 15 – 27.
6. Яценко Т. С. Малюнок у психокорекційній роботі психолога-практика (на матеріалі психоаналізу комплексу тематичних малюнків) / [Т. С. Яценко, М. Г. Чобітько, Т. І. Доцевич]. – Ч. : Брама, 2003. – 216 с.
7. Яценко Т. С. Психоанализ тематических рисунков (практика и теоретические обобщения) // Журнал практического психолога. 2004. – № 1. – С. 156 – 188.

Стельмах Н. В.

кандидат педагогічних наук, доцент;

Миколаївський національний університет імені В.О. Сухомлинського

Берегова М. І.

студентка-магістрантка

факультет філології та журналістики

Миколаївський національний університет

імені В.О. Сухомлинського

ДЕВІАНТНА ПОВЕДІНКА ПІДЛІТКІВ

Ключові слова/Keywords: девіантність/deviance, девіантна поведінка/deviant behavior, підлітковий вік/adolescence.

Особистість, як суб'єкт соціальних відносин, характеризується здатністю впливати на оточення, змінюючи його і себе соціальною активністю. Причому діяльність особистості лише тоді є продуктивною, коли вона узгоджується з культурними надбаннями суспільства, коли її поведінка взаємопов'язана із оточуючим середовищем й має соціально цінний характер.

Соціальна поведінка – це дії людини відносно суспільства загалом, інших людей, оточуючої природи і речей. Діяльність і поведінка особистості детермінуються не лише внутрішнім механізмом мотивації, взаємодії потреб, інтересів, цінностей особистості. Ззовні на поведінку людини впливають існуючі у суспільстві норми [3].

За своїм характером соціальна поведінка може бути різноманітною: легковажною або серйозною, егоїстичною або альтруїстичною, протизаконною або законслухняною, коректною або грубою тощо. Поведінку, що відхиляється від загальноприйнятих норм, називають девіантною.

Латинське слово «*deviatio*» означає «відхилення» (de – від, via – дорога) [6]. У психолого-педагогічній науці синонімом поняття «девіантна поведінка» є поведінка, що відхиляється від норми. У такій поведінці виявляються певні способи поведінки, мислення, діяльності людини, які не відповідають встановленим в даному суспільстві нормам і цінностям.

Проблеми девіантної поведінки досліджували відомі науковці: Л. Балута, В. Білецька, О. Бондарчук, Е. Дюркгейм, А. Коен, І. Кон, Б. Урванець, М. Раттер, Ю. Чемодурова, Л. Шнейдер, М. Малькова та інші. Вони подають визначення та характеристику девіантної поведінки, називають її основні види та фактори, класифікують підлітків з девіантною поведінкою.

Різні терміни для позначення дітей з девіантною поведінкою пропонують у своїх дослідженнях К. Лебединська, М. Райська, Л. Славина, Л. Зюбін, В. Степанов, Д. Фельдштейн, Л. Пожар, Л. Кошч, І. Невський, К. Лебединська, М. Райська, Г. Грибанова, Л. Славина та інші.

Особливості розвитку підлітків досліджували такі психологи, як Г. Абрамова, О. Асломов, Л. Божович, В. Крутецький, В. Кутішенко, А. Леонт'єв, Н. Ліфарєва, В. Лозниця, С. Максименко, В. М'ясищев С. Рубінштейн та інші. У своїх працях вони

розкрили анатомо-фізіологічні та психологічні особливості дітей підліткового віку, а також обґрунтували проблеми їх виховання.

Девіація може бути позитивною (наприклад, творча обдарованість, новаторство), або негативною (антисупільною, асоціальною). Девіантна поведінка завжди оцінюється з точки зору культури, прийнятої у даному суспільстві. Ця оцінка полягає в тому, що одні відхилення засуджуються, а інші – схвалюються.

Науковці виділяють два рівні девіацій:

– докримінальний – рівень поведінки, коли людина ще не стала суб'єктом злочинів і соціальні відхилення проявляються у вигляді дрібних правопорушень, недотримання норм моралі, правил поведінки в громадських місцях, ухилення від суспільно корисної праці, зловживання алкоголем, немедичного вживання наркотичних, токсичних засобів, що негативно впливають на психіку;

– кримінальний – рівень поведінки людини, коли соціальні відхилення виражаються у злочинних діях, які підлягають кримінальній відповідальності та розглядаються органами слідства і суду [2].

Девіантна поведінка спочатку завжди буває невмотивованою і перші її ознаки з'являються частіше всього у підлітковому віці (10-11 – 14-15 років). Саме в цьому віці, як доведено психолого-педагогічною наукою і підтверджено практикою, девіантна поведінка проявляється частіше, ніж у інших вікових групах. Тому ця вікова категорія представляє собою групу підвищеного ризику.

Цей період – найважчий і найскладніший віковий етап. Він є особливо відповідальним періодом у становленні особистості. В цьому віці народжується громадянин (В. О. Сухомлинський): формуються спрямованість, основи моральності, стійка система ставлень до себе, людей, суспільства, оточуючої дійсності.

Для підліткового віку характерна нова соціальна ситуація розвитку, безліч внутрішніх і зовнішніх суперечностей. У підлітків відбуваються суттєві зміни на фізіологічному та психологічному рівнях. Швидкі темпи росту, статеве дозрівання відіграють значну роль у формуванні образу фізичного „Я”. У зв'язку з фізіологічними змінами вони часто відчувають незадоволеність собою (дисморфобію), яка викликає депресивні стани. На фоні фізіологічних змін з'являються нові психологічні утворення (рефлексія, пошук ідеалу, почуття дорослості, формування самооцінки тощо), ігнорування якими з боку вихователів призведе до появи важковиховуваності та асоціальних проявів.

Підлітки хочуть відповідати вимогам суспільства, але не можуть цього зробити через невідповідні соціальні умови, матеріальні проблеми, несформований світогляд, брак життєвого досвіду, погане володіння способами подолання труднощів. Тоді молоді люди скоюють девіантні вчинки, привертаючи до себе увагу тих однолітків, які сприймають такий стиль поведінки. Такі дії посилюють потребу в соціальному схваленні групи, що призводить до закріплення асоціальних проявів на рівні підсвідомості.

Характерними показниками наявності відхилень у поведінці підлітків є недостатня сформованість у них комунікативних умінь: замкнутість, невміння слухати, брак толерантності до іншої думки, а часто – прояви конформізму у спілкуванні. Ситуацію погіршує і нездатність регулювати своїм психічним станом, підвищений рівень тривожності.

Стосовно підлітків з різного роду відхиленнями в розвитку сучасні вчені використовують такі терміни: «важкі діти» (К. Лебединська, М. Райська, М. Раттер, Л. Славіна); «важкі підлітки» (Л. Зюбін, В. Степанов, Д. Фельдштейн та ін.), до категорії яких відносять дітей з відхиленнями у моральному розвитку, акцентуаціями характеру, з порушеннями в афективно-вольовій сфері, відхиленнями у поведінці; «аномальні діти», що мають відхилення від того, що є типовим або нормальним, але не включає патологічний стан (Л. Пожар); «дезадаптивні діти» (С. Белічева); «діти, що живуть під спеціальною турботою» (Л. Кошч); діти «групи ризику» (І. Невський); «діти з порушеннями в афективній сфері» (К. Лебединська, М. Райська, Г. Грибанова, Л. Славіна). Однак названі терміни часто несуть однобічну інформацію: побутову, клінічну, юридичну. Оскільки єдиної практики вживання цих понять немає, часом не ясно, до якої категорії віднести підлітка, що має ті або інші відхилення у поведінці (Е.Іванов, Л.Шіпиціна, Г.Сафіна) [5].

Англійський психіатр М. Раттер поділяє підлітків із девіантною поведінкою на дві групи:

Діти з «соціалізованими формами» антисуспільної поведінки. Їм властиві розвинута рефлексивність (при низькому рівні моральної свідомості), високий рівень інтелекту, вміння маніпулювати оточенням. Вони легко пристосовуються до соціальних норм усередині антисуспільних груп (друзі, родичі), до яких належать. Свою антисуспільну спрямованість вони не демонструють явно, розуміючи, що це викличе негативні емоції.

Діти з не соціалізованою антисуспільною агресивною поведінкою. Вони, зазвичай, мають погані стосунки з однолітками й зі своєю родиною. Їм притаманні значні емоційні розлади, що проявляються у агресивності, негативізмі, мстивості та зухвальстві [4].

Науковець С. Белічева подає класифікацію підліткової девіантної поведінки за характером орієнтації підлітків:

1. Соціальні відхилення корисливої орієнтації: правопорушення, вчинки, пов'язані з прагненням отримати матеріальну, грошову вигоду.
2. Соціальні відхилення агресивної орієнтації – дії проти особистості.
3. Відхилення соціально пасивного типу: прагнення уникнути активно-го стилю життя, ухилення від громадських обов'язків. Особливе місце серед таких відхилень посідає суїцидальна поведінка [1].

Щоб попереджати соціально-негативні прояви в підлітковому віці, треба перш за все з'ясувати причини їх появи. Аналіз соціальної ситуації розвитку підлітків та її впливу на їх становлення і формування дає змогу виокремити основні причини девіантності підлітків, до яких відносяться: несприятливі умови життя в родині; соціально-психологічна дезадаптація підлітків; упущення у навчально-виховній діяльності школи або окремих педагогів; негативні процеси соціального середовища; нестійкі емоційні стани; неможливість задоволення типово базових потреб у класних колективах підлітків; нераціональне проведення підлітками вільного часу; приєднання підлітків до асоціальних та антисоціальних субкультур; самотність, нерозуміння іншими, бажання привернути до себе увагу; відставання у навчанні, слабкість інтелектуальної сфери підлітка, зниження рівня культури; низький рівень емоційного самоконтролю.

Таким чином, девіантна поведінка – це система вчинків людини, що виходять за загальноприйняте уявлення про нормативну (нормальну) поведінку у певній сфері суспільних відносин. Така поведінка відрізняється інфантильністю, порушеннями міжособистісних стосунків, нездатністю соціально адекватно реагувати на процеси, події і контролювати свою поведінку. Вона носить деструктивний, руйнівний характер (окрім просоціальної девіації), тому зашкоджує і самій особистості і соціуму, в якому вона знаходиться.

Частіше всього девіантна поведінка з'являється у підлітковому віці. Знання її сутності та причин появи допоможе попередити відхилення від норм поведінки підлітків.

Список використаної літератури:

1. Беличева С. А. Основы превентивной психологии. / С. А. Беличева. – М. : Социальное здоровье России, 1994. – 224 с.
2. Намаканов Б. А. Девиантное поведение подростков – проблема школьного воспитания / Б. А. Намаканов // Наука и школа. – 2011. – № 1. – С. 112-117.
3. Примуш М. В. Загальна соціологія: Навч. посібник / М. В. Примуш. – К. : Професіонал, 2004. – 590 с.
4. Раттер М. Помощь трудным детям: перевод с англ. / общ. ред. А. С. Спиваковской – М. : Прогресс, 1987. – 424 с.
5. Сіденко Ю. О. Девіантна поведінка підлітків. / Ю. О. Сіденко // Класному керівнику. Усе для роботи: науково-методичний журнал. – 2011. – № 5. – с. 2-5.
6. Чемодурова Ю. Девіантна поведінка дітей і підлітків: із практики діяльності психолога й соціального педагога / Ю. Чемодурова // Психолог. Шкільний світ. – 2010. – № 39. – С. 3-11.

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается духовность как многогранная личностная характеристика человека, отражающая его наиболее актуальные морально-релевантные интересы, ориентации, ценности. Особое внимание уделено субъективно чувственному аспекту духовности и процессу духовного становления личности.

Ключевые слова / Keywords: духовность / spirituality, духовное развитие / spiritual development, мировоззрение / world view, духовные чувства / spiritual senses.

Постановка проблемы. Каждая эпоха творит понятия, которые отображают духовное наследие и присущую ей тематику человеческого бытия. XX века назвали «веком тревоги», оно отмечается рациональным отношением к миру, прагматизмом, который лишает людей ощущения красоты и привлекательности мира. Все это порождает «духовную пустыню» (Дж. Кемпбелл), ощущение нехватки смысла жизни, «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл). Кроме этого, реальные опасности, связанные с экологическими катастрофами, перенаселением планеты экономическим неравенством регионов и т.д., грозящие человечеству самоуничтожением, вынудили людей искать причины происходящего в самих себя и заново начать пересматривать основания своих взаимоотношений с миром. Глубоко затронутой оказалась ценностная сфера личности, зависящая от такого сугубо человеческого свойства как духовность.

Анализ последних исследований, публикаций. Теоретический анализ научной литературы по проблеме духовности и духовного развития личности показал, что в пределах педагогической и возрастной психологии большинство ученых ставят акцент на развитии духовной сферы личности, поскольку именно от нее зависит направленность человека на духовные ценности и самоусовершенствование (И. Д. Бех, И. С. Булах, С. Д. Максименко, В. П. Москалец, Э. А. Помыткин, М. В. Савчин). Понятие «духовность» представлено различными точками зрения: духовность как сущность личности (Г. В. Гегель, М. Л. Грот и др.), объединительный, стержневой фактор системы ценностей человека (И. Д. Бех, З. С. Карпенко, А. П. Колесник и др.), функционально-психологическая система внутренне личностного и социально-культурного порядка (Л. Ф. Губерский, М. Ю. Зелинский, В. И. Касьян и др.). Духовность связывается исследователями с чувством любви, нравственностью и экзистенциальной ответственностью (И. Д. Бех, В. П. Москалец, Э. Фромм и др.). М. И. Боришевский, рассматривая духовность как одну из существенных характеристик личности, единицей ее измерения считает ценностные ориентации. В то же время, несмотря на повышенный интерес к проблеме духовного развития, на теоретическом уровне не определены закономерности процесса духовного становления личности, структурные и функциональные особенности духовного роста.

Изложение основного материала. Проблема развития личности рассматривается в сложной взаимосвязи линий духовного и личностного становления представителями разных подходов в психологии: психодинамического (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг и др.), экзистенциально-гуманистического (К. Роджерс, Ф. Перлс, В. Франкл, А. Маслоу и др.), системно-деятельностного (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Г. С. Костюк, А. Н. Леонтьев, С. Д. Максименко и др.), трансперсонального (Г. Ассаджоли, С. Гроф, К. Гроф и др.), феноменологического (Л. И. Божович, Г. С. Грибенюк, В. В. Рыбалка и др.).

Духовное развитие исследователи рассматривают как процесс сознательно-го самоусовершенствования личности, которая направляет человека на подчинение своего естественного и социального «Я» высшим идеалам, ценностям и смыслам в русле Красоты, Добра и Истины, гармонизацию поведения и образа жизни, обогащения духовного достояния человечества результатами собственной деятельности. В отличие от психологического, духовное развитие предопределено не только социализацией человека, но и активизацией духовного «Я», которое может вступать в противоречии с «Я» социальным и «Я» естественным [1, с. 5].

Ряд исследователей (В. П. Андрущенко, М. И. Боришевский, Н. В. Гузий, О. И. Пенькова, А. П. Колесник, В. Г. Кремень) отмечает, что духовно развитая личность имеет более стойкие и высокие приоритеты жизни, смыслы и ценности, такая личность стремится к творчеству, становится личностно зрелой. Существует несколько психологических критериев зрелости: особенности целеполагания, способность выделять идеальные и реальные цели (Б. С. Братусь), осуществлять личностный выбор (А. Г. Асмолов), духовность (Т. О. Флоренская, А. В. Фурман), оптимальная самоорганизация деятельности (О. Г. Шмелев); способность брать на себя ответственность за собственное развитие (О. Г. Асмолов, В. Ф. Моргун) и реализацию его в поступке (М. М. Бахтин, В. А. Роменец, А. В. Киричук, В. А. Татенко).

Традиционное понимание сущности и структуры личности предусматривает включение в ее структуру группы объективных и субъективных качеств индивида, которые возникают и развиваются в процессе разнообразной деятельности под воздействием социальной среды и характеризуют уровень внутренней культуры и духовности. Поэтому можно выделить *социокультурный и духовный аспекты* в структуре личности. Последний предусматривает духовную направленность личности: ее духовные интересы, ценности, ориентации и мировоззрение; наличие веры, надежды, убеждений, идеалов и других духовных регулятивов поведения; волю и духовную чувственность в миропереживании личности. Кратко охарактеризуем указанные аспекты.

Духовная направленность личности являет собой высший уровень духовного мира личности, важными компонентами которого являются духовные интересы и ценностные ориентации, сформированные в процессе жизнедеятельности личности и обеспечивающие четкость и стойкость гражданской позиции человека, его отношения к миру и другим людям. Основным содержанием духовных интересов и ценностных ориентаций личности выступают мировоззренческие, нравственные, политические убеждения, моральные принципы поведения [2, с. 320].

Значительная часть исследователей (Л. В. Губерский, М. Ю. Зелинский, В. И. Касьян, И. М. Молчанов, А. А. Чухно и др.) позитивными духовными ценностями

ми, ценностными ориентациями в поведении и деятельности современного человека называют: любовь к Родине, родному краю, любовь и уважение к родным, другим людям, труду, знаниям, природе, родной культуре, языку, постоянное желание приносить пользу людям и др. Но, как свидетельствует опыт и социологические исследования ученых, эти наиболее важны для современного общества духовные качества не приобретены еще надлежащей мерой гражданами украинского общества. В частности А. Б. Дорошенко приводит данные социологического опроса молодежи. Результаты ответов на вопрос, что является главным для молодых людей в жизни, оказались следующими: любовь, семейное счастье – 53 %, деньги, материальное благосостояние – 61,3 %, бизнес – 70 %, свободное время – 34%, образование – 25% [3, с. 105]. При этом отметим, что система ценностных ориентаций, которые сложились, не является неизменной. Личность живет и формируется в условиях определенной социальной среды, а следовательно есть возможность для коррекции или развития системы ценностей, появления новых или переосмысления и переоценки старых ценностей при изменении условий жизни, системы и направлений воспитания.

Важное измерение личности, связанное с ценностными ориентациями – *мировоззрение*. Специфика его заключается в том, что, будучи более широким понятием, оно отображает действительность в ее целостности и значимости для человека сквозь призму общественных отношений, жизненных интересов. Узловыми категориями мировоззрения является «мир» и «человек» – мир в его отношении к человеку и человек, который самоопределяется в мире. В разные исторические эпохи в разных социальных условиях эти категории наполняются разным содержанием, а следовательно и предопределяют разную социальную ориентацию индивидов в общественной и личной жизни [2, с. 321].

Особенность мировоззрения как формы общественного самосознания человека заключается в том, что, усваиваясь индивидами и проходя сквозь их духовные цели и интересы, оно выступает как средство определения их личностной позиции в отношении ко всем жизненно важным явлениям и событиям в мире. Причем позиции не только теоретической, но и практической – как показателя способа участия в событиях. Той мерой, какой человек осознает свою жизнь, руководствуясь своим пониманием желаемого и действительного, он строит его на основе своего мировоззрения. Таким образом, мировоззрение, с одной стороны, является совокупностью обобщенных взглядов на мир, обобщенной формой самосознания человека, с другой – выступает как средство духовного миропреобразования.

Человек не может быть признан гармоничной, зрелой личностью без таких духовных качеств, как вера, надежда, любовь, убеждение и идеалы. Как утверждают В. П. Андрущенко и М. И. Михальченко: «Истинно человеческая жизнедеятельность осуществляется лишь на принципах глубокой духовности, главными доминантами которой является вера надежда и любовь» [4, с. 181]. Весомое значение среди отмеченной триады имеет *вера*, которая является существенным компонентом духовно доверчивого отношения человека к действительности. Вера побуждает человека к деятельности. Она обнаруживает и предопределяет потребность в реализации скрытой в человеке возможности осуществить то, что кажется неисполнимым. Вера вдохновляет человека, поднимает над обстоятельствами. В вере и через веру знания получают практическую энергию, обогащаются чувством и волей [там же].

Чрезвычайно важную роль в обеспечении личностного существования человека принадлежит *надежде*. В. И. Шинкарук определяет надежду как единство противоположностей: знания и веры. Это определение достаточно точно охватывает сферу существования надежды: она зарождается там, где заканчивается рациональное значение и начинается иррациональное – вера. Но соединяясь с верой, надежда не порывает единения со знанием. Без знания надежда становится слепой. Она не имеет алгоритма деятельности и поэтому обрекает человека на пассивность.

Основанных на знании веру и надежду венчает третья составляющая человеческой духовности – *любовь*. Это понятие чрезвычайно многозначительно. «Любить – это форма продуктивной деятельности. Она предполагает проявление интереса и заботы, познание, душевный отклик, изъявление чувств, наслаждение и может быть направлена на человека, дерево, картину, идею. Она возбуждает и усиливает ощущение полноты жизни. Это процесс самообновления и самообогащения» [5, с.243]. Предметом любви может быть все, что вызывает в человеке жажду, желание, стремление, потребность. Поскольку человек в большей степени живет будущим, переживает его, любовь совмещает фундаментальные формы его освоения – веру и надежду [2, с. 322].

Отметим, что официальная духовность, которая сформировалась в СССР в послеоктябрьский период, разорвала и развела эти составляющие человеческой духовности, противопоставила их. Партийность, заидеологизированность, эйфория всеобщего патриотизма и коллективности выхолостили в значительной мере истинную духовность человека, разрушили ее внутренний жизненный стержень – единство веры, надежды и любви. Общество пронизало массовое явление раздвоенности личности, двойных морали, идеологии и культуры. Это отразилось и на таких духовных измерениях личности как убеждения и идеалы. В научной литературе убеждения рассматривают как такие глубинные принципы, которые определяют главную линию поведения личности и связаны с осознанием личностью своих объективных интересов. Знания превращаются в убеждение, когда человек поверил в их истинность и полезность для себя, для общества. Собственно, убеждение в правоте своих мнений, своего дела определяет характер поведения, поступков личности [2, с. 323].

Еще одним из духовных измерений личности, на которое в последние годы обратили внимание научные работники и без которого не может быть полной оценка личности – это ее воля, чувственность и способность к *духовным чувствам*. Собственно, духовные чувства как важное качество личности, характеризует ее способность к мироощущению, духовно чувственному переживанию действительности и отображает культуру ее эмоционально чувственной сферы. Духовно-чувственные переживания – интегральное многостепенное психическое явление, сложная функциональная психологическая система социально-культурного характера, в которой совмещаются аффектные и интеллектуальные процессы [6, с. 9].

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что по происхождению и первичной сущности духовные чувства являются мироощущениями [2, с. 325]. Именно они обеспечивают человеку целостное переживание духовно практического отношения к миру – то есть целостное переживание человеческого бытия в его внешне практических и внутренне духовных аспектах. Интегрируя жизненный процесс личности, духовно чувственные переживания образуют основу и способ духовного

и практического самоопределения человека в человеческом мире, самоутверждение и самовыражение в нем.

Переживание как смыслообразующая деятельность в широком понимании является универсальным явлением в жизни личности. Это специфическая особенность человеческого способа бытия и духовно практической деятельности освоения мира, которая заключается в трансформации, проектировании в плоскость «на себя» всех предметов, явлений и событий внешнего (и внутреннего) мира. Благодаря духовным чувствам эмпирический мир идеального и абсолютного, трансцендентности и культурной реальности дается человеку в полной непосредственности переживания. Немного изменяя высказывание С. Л. Франка, можно сказать, что духовные чувства являются имманентным переживанием трансцендентной реальности. В них осуществляется настоящая связь миров – трансцендентного и эмпирического бытия. В духовно чувственном переживании, которое являет собой способ духовного и практического освоения мира, достигается единство идеального и реального: реально переживается идея, идеальное содержание реального предмета.

Таким образом, духовное развитие, с одной стороны, выходит за пределы индивидуального, подносит человека к трансперсональным переживаниям, а с другой – через саморефлексию направляет ее в глубины собственного внутреннего мира. В отличие от психологического развития, оно в большей степени сосредоточено на самосознании, жизненных позициях, ценностных ориентациях, предопределенных не только социализацией и воспитанием человека, но и активизацией его духовного «Я» и является вершинной составляющей личностного роста.

Литература

1. Вербицька Л. Ф. Психологічні засоби запобігання духовно-особистісних криз у ранній юності : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата психол. наук. – К., 2010. – 19 с.
2. Людина у сфері гуманітарного пізнання : [монографія] / відп. редактор Л. В. Губерський. – К. : Український Центр духовної культури. – 1998. – 408 с.
3. Гофман А. Б. Эмиль Дюркгейм о ценностях и идеалах / А. Б. Гофман // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 105.
4. Андрущенко В. П., Михальченко М. І. Сучасна соціальна філософія / В. П. Андрущенко, М. І. Михальченко. – К.: Генеза, 1993. – Т. 2. – 281 с.
5. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда / Эрих Фромм. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 448 с.
6. Олексюк Л. М. Духовні почуття у світопереживанні особистості : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата філос. наук. – К., 1994. – 21 с.

**FRUSTRATION – IS A HARD STEP TOWARDS BECOMING AN
OUTSIDER: IS THERE A HOPE FOR A DIFFERENT OUTCOME?**

Abstract *The article deals with frustration as an integral part of the socio-psychological maladaptive process. It reveals the consequences of the process that usually affect not only the mental world of an individual, but societal as well. It holds the assertion that one of the most common consequences of frustration is maladaptation in the public life together with the emergence of social and psychological outsider position as a form of post-frustration outlook. For the first time the five types of responses to frustration are being described: catatoxic, syntoxic, autodestructive and extradestructive, and somatic as well. As it can be seen in this classification, the aggression is just a consequence of the third, extradestructive type of response, and does not occur in all cases without exception as the influence of frustration on the human being, as it was previously considered. The article describes the most effective and acceptable methods of removing post-frustration state and factors, helping to avoid the development of social and psychological outsider position as a confluence of adverse life events, misses and failures.*

Keywords: privation and deprivation, frustration, catatoxic, syntoxic, autodestructive, extradestructive and somatic types of responses.

Frustration should be considered as one of the causes of the numerous forms of maladaptive behavior. If you take a goal to find the easiest element, a brick that makes up a not very strong “basis of the maladaptive process”, it will not be a long search. This component probably also will not have a perfect shape, as you can imagine, because its name, as it has already been mentioned – frustration (from Lat. Frustration – «deception», «failure», «useless expectation», «the collapse of hopes» and, the latter phrase more accurately reflects the nature of this phenomenon, because this semantics take place in the European languages). As a result of this phenomenon, the level of self-esteem can dramatically drop, which can be not only the cause, but the mechanism of formation of the outsider outlook, regarded as a kind of rooting and fixing of frustration an individual’s psyche. The significant changes in self-concept that would bear post-frustration character, can be the evidence of this. Frustration as a part of the process of exclusion, perhaps, should be rather amorphous, changing shape unexpectedly and unpredictably, depending on many factors, the nature of which we have not yet clarified, as well as our responses to them. If we imagine that some of life failures, futile expectations, illusion that end in a complete collapse, do not disappear after some time, but accumulate in consciousness or unconsciousness, we can assume that sooner or later as a result of condensation or constellations, autonomous association or, rather, independent forms of consciousness will be formed [3, p.78, 112], which will not only adversely affect the human behavior, but will also create a background, where all mental processes would take place in mental sphere of their owner. Thus, the consciousness due to this background is undergoing quite significant changes, or, rather, there will be a radical metamorphosis towards the formation of a purely outsider outlook. What is the content of

this background? As it has already been mentioned, the accumulated life frustrations are not passive associations. Their description can start with mentioning the well-known fact that the memory does not only save them, but during their mental existence, they tend to show considerable activity, tendency to expand and to create verbal units with extremely high negative generalizations like: “this world is bad, it is not suitable for my existence, “or “this world is a vale of tears, and no wonder in such a place all this is happening to me.” Such attitudes can create a special type of post-frustration consciousness which is very prone to consolidation and rooting. In this sense the term ‘fixation’ is often used [6, p. 276].

However, this awareness needs to be vanquished, replaced or at least corrected in order not only to establish a mental equilibrium, but also to continue a normal life. To answer the question whether it is possible to overcome the awareness and under what circumstances it can be realized, is the purpose of the article. From our point of view frustration can be divided into two parts. The first one, perhaps, is constituted from the objective external events and, rarely, internal ones (one should take into account the fact that the internal reaction can also be caused by events that unfold in the inner world). These include an external change of negative character or those that cause negative evaluation in our mentality, which is more important. The second part – is the reaction of a person, a type of protective or compensatory behavior, arising from this evaluation. This reaction begins, develops and lasts for some time. It leads to consequences or behavioral changes that are reasonably well described in the literature on social psychology. More often it is an annoyance, anxiety, state of depression, a feeling of complete collapse, loss of motivation, decreased performance, stable demand of self-bemoaning, and finally serious things such as loss of sense of life, apathy, existential vacuum and full despair. However, under the psychastenic type of maladaptation, individuals can display such reactions as a waiver of his or her intentions, intellectual appreciation of the issues, which leads to their insignificance, restrictive behavior that aims at avoiding failure and severe symptoms of obsession, passive withdrawal from the conflict, decreased social activity. [5, pp. 16-23]. In the case of sthenic type there are such types of defense mechanisms as denial of problems, strong compensatory activation, reaction of external charges. Hiposthenic type can be characterized by an obsessive fear, anxiety, a sense of coming trouble, pessimism. This condition can lead to suicide, however, it should be noted that all three are characterized by a high level of social apathy [5, pp. 16-23].

Such cases should be regarded as highly problematic or even threatening for every person. It is clear how important, for each of us, is the ability to find out the way out, or at least some relief for saving or prolonging life. Situations of this difficult and important adaptation process are partitioned as follows: with the ability to increase, to decrease, with the ability to isolate, with the ability to fracture, and it is clear that the latter three points deal with the decrease of adaptation. Evaluating features and even extreme conditions in which a person is forced to stay, the researchers define an extreme dilemma: survival or decay, and, emphasize that it appears before the whole society without exceptions [4, p. 5-24, 2000]. In our opinion, events may develop according to several scenarios or types: the first – is focused on frustration overcoming, forcing and disposing it. This type of response should be called catatoxic (from the Greek cata – against), [13]. The main objective of this type is the liquidation of the causes, correction of the consequences of frustration and transition to normal life. It is inherent in strong and socially active individuals, mostly young, who have to change something in the life around them. This usually comes from families taught

not only social activity, but also to create the necessary conditions (economic, educational), give the necessary start for a successful adaptation of children. Catastrophic type of response to frustration, eventually, is the most healthy and good for future life that is ever complete without the stress of short failures that temper personality. A normal, in the psychological understanding, human can always answer a “crash program” with “reprogramming” or use a “reset” if necessary. These modern metaphors are good to describe the mobility, strength and constructivism of the organism response to frustration. This type of reaction is not always possible for maladjusted personality who has experienced frustration, after which his or her psychological condition has been significantly deteriorated.

The second type – syntoxic (from the Greek *syn* – together), [13] is a characteristic of people who cannot overcome frustration in a social sense, and they have to live with it during long years or the entire life. Such people are getting used to “living with pain,” knowing, how they feel, their inferiority, because there is always a source of excitement in their mentality that continuously reminds of vital defeat, surrender, brings sadness and pain of having that “such attractive life opportunities, the realization of which can lead to a happy life, would remain forever untaken”. The most intolerable is the thought, elusive by nature, that “happiness was so possible, but everything was lost.” These people realize a potential inability to change something in their lives, while, at the same, time realize that life goes on. This adaptation to frustration can radically change a person’s world by slow, not always visible and conscious acquisition of outsider traits and development of appropriate psychology. They carry themselves in the social stratification one level beneath and define their place in society as of an outsider, for what they find a prove from their own point of view.

Perhaps it would be appropriate to describe other cases of the mental existence of frustration in the human psyche than catastrophic and syntoxic. This could be, for example, the existence, which is not accompanied by the adaptation process, but has no signs of catastrophic character. In this case, the fire from the source of excitation, caused by frustration, has a tendency to generalization and has a huge impact on the psyche, where a real internal conflict takes place. If the latter does not have a solution for some time, it may cause autoaggression as a mental intransigence of generalized post-frustration excitation source, with strong suicidal impulses, which in the case of their implementation, seem to be able to resolve the conflict. This type of reaction should be called as autodestructive. If the process does not run by any of these ways, the most likely reaction will be an outward directed aggression. This aggression can significantly reduce internal stress, however, add society to it, in which the distributor stays. This type of reaction should be called as extradestructive. Therefore, aggression is not a result of every kind of frustrating, as argued by many researchers of the twentieth century [16, 17, 18], but only of one – of the fourth type of response.

It is important to mark the fifth type, in which there are no external manifestations of the conflict. In this case frustration is as if “packed” in the

organism. It is clear that it does not disappear completely, but often appears later in the form of a typical psychosomatic disorder (most often: hypertension, gastric and duodenal ulcer, asthma and others. And this disorder first manifests itself as psychogenic, but in the later stages – as changes in the organs of a destructive nature.) This type of reaction should be called somatic. It is necessary to clarify that the lack of every kind of frustration can be a positive factor in the development of personality. One should always remember that frustration can be at various strength levels of negative impact on the individual, but if

they are reasonable and feasible for the body, it can often lead to “the formation of strong-willed and creative personality traits without pathological features and trends of behavior” [7, p. 113]. Therefore, this level can be considered the best, because it is not only able to play a positive role in the development process, but also to mobilize the individual to activity in order to overcome the frustration factor. This certainly contributes to a remarkable impetus to harden and the development of emotional and volitional personal features. However the danger of frustration level rising to the critical point, at which the process of exclusion and formation of outsider mentality starts, still preserves. This critical point is rather vague and contains considerable risk. At this point Abraham Maslow was rather exact “... when failure, deprivation, humiliation and frustration start in a child’s life, fixation and regression appear” [6 p. 276].

Situations of privation (getting rid of something vital) and deprivation (getting rid of something that used to be available) that can be described as a kind of frustration, which in turn has a very powerful effect of maladaptation, worth special attention. Privation and deprivation may be internal (coming from the intrinsic properties of the body) and external (those that originate seemingly outside, and, however, affect the internal state) and are caused by dissimilar causes. However, these causes are not infinite and could have been classified, which would expand the vision of frustration. The consequences of all these causes could be reduced to purely nostalgic notes. As they say, there is nothing what was not used to be before and what is now is not satisfying, but to get something better, one has no possibilities. It should be added that special sharpening gives an outsider a fixation of events (that have caused frustration) in memory and the realization of the social comparison, which takes place consciously or unconsciously [16, c. 117-140, 6, pp. 12-23]. Every human being, especially of the outsider character has this possibility. This possibility, in particular, in a special way dramatizes the situation of a frustrating type and significantly enhances the “destructive” personal emotions caused by social comparison, which creates a strong contrast from a social perspective, and is not in favor of its holder. Several considerations might be added that are able not only to clarify the situation in a better way, but also define focus lines for possible therapies. The human mind, even at the moment of an accurate reflection of the specific part of the world, is multidimensional. At the same time social comparison, did not in its favor, as a rule, is always one-sided. It always concentrates all psychic energy on one moment, the moment of failure. However, you can have confidence that this situation never comes: in every loser is a winner, each minus is a plus. If someone has no car as opposed to a neighbor, then there is something else that compensates for this privation (if you use this term to refer to a lack of something, emphasizing that by its nature it is quite illusory, however, very sensitive “social poverty”, people with an inclination for social comparison, in our opinion, will do so), for example, that “someone” lives more secure and without risks, does not pollute the air, has more free time and so on. In such cases there are always a lot of arguments “for” and “against.” The problem is that outsider has a developed tendency to focus on the negative aspects of any processes or things. Moreover, they are used to observe their personalities as a cause and consequence of all negative in life. We may assert that the people of this type have no flexibility of thinking, in the multidimensional world they are able to find only one aspect – the aspect of failure. It forms a dim light of everyday life through which they see all around. They forget that in every deprivation, as in getting rid of something (here the concept appears as purely

negative sense), there is always some gratification (a positive factor) as a property of something. Any therapist should remember such things.

However, feelings of deprivation and frustration, as of the consequence, become stronger and root deeper if such phenomena used to occur frequently in childhood. In this case not only the social environment, but the outside world is perceived by the individual as a hostile environment [7, p. 104]. It can be stated that such person is captured by negative expectations and consciously or unconsciously learns the rule: if expectations are positive and contain many hopes, their collapse will cause great frustration forces, at the same time, if expectations are not positive and do not contain a lot of hope, their failure will not be as painful and will not cause frustration at all [7, p. 106]. Then we can say that low expectations can serve as protection from frustration and are able to hold the psyche in a balance, but in an unsteady one. On the other hand, when they become dominant, they tend to lead people into a state of torpor and social despair, and become an integral part of the outlook of an outsider. Thus outsider traits can develop and be fixed in personality, who tries to achieve at least some cognitive equilibrium. Therefore a factor that could be opposed to this should be a high level of intrinsic motivation of the individual in a particular situation, which would be based on a sober sense of realism [7, p. 340-341]. Here we should mention one of the major causes of social exclusion – postfrustration state in wide social scale, not only of children and adolescents, but also adults, grown up members of society, which lies in significantly lower physical activity that can be regarded as a “manifestation of activity in the process of realization of current and potential motor abilities ... the formation of strong-willed personality and motivation that determines the effectiveness of efforts while achieving a given purpose “[12, p.54-57], as well as” the development of human self-consciousness when the child begins to feel himself or herself as a cause and source of personal actions “[11, p.76]. Therefore, in the social-psychological literature dominates the idea that physical activity provides the social one, provides great benefits to young people, as well as everyone who knows about it, makes it possible to control anxiety and depression [8, p.52-58]. Thus, reduced motor activity, whatever has caused it, can be understood as a lack of exercise, which begins with the individual form to gain social content and is reborn as a social phenomenon. Thus, a society with a large number of socially maladjusted people in numerous manifestations of this deviation, including social and psychological outsider, can be described as hypodynamic. Social hypodynamia can contribute to the development of educational neglect as a lack of effective individual perceptions of social approval skills and behavior, developing preventive motivation, self-doubt and low self-esteem. This process can be finished with the appearance of delinquent behavior and adolescent exposure to alcohol, use of psychotropic substances as a common symptom of personal distress and a long period of social exclusion deepening [2 sec. 96-100]. Thus, a simple increase in physical activity can help to overcome the negative individual mental states caused by frustration. Very important, in the fight against this phenomenon, is the so called “range of the actual line of adaptation” of a person. This range determines the number and intensity of the adaptive capacity of the individual, adequate perception of reality, the environment, their own self [10 p. 105-115].

Apparently, the “current line” will include a factor that should be formulated as maladjusted attitude towards work. In contemporary studies three types have been distinguished: positive, neutral and negative. The last two are among the most powerful factors of frustration deepening, maladjustment as a phenomenon, their sharpening and fixation. [9,

p. 46]. Overcoming of negative and indifferent attitude to work can be interpreted as one of the conditions of weakening of not only frustration and exclusion as such, but of any negative mental abnormalities, including the position of an outsider. The key to this would be the formation of a correct understanding of the labor process, involvement of maladjusted individuals in their own work, the organization of joint activities for adults and children, where feelings of mutual exchange of ideas and respect for the skills of adults would

involve [9, p. 49]. Good results are seen in the usage of personality-oriented approach in working with socially maladjusted adolescents [14, p. 51-53]. It will be useful to take into account the idea that adaptation mechanisms of a person tend to be involved "at full capacity" when the problem situation appears. Ideally, it must be solved through such mechanisms, in whatever dimension this takes place – in psychological or social. We can talk about the exclusion when the situation does not have a solution in any field or at least in one of them, often – in psychic, during some time. The problem of social situation, first of all, lies in the fact that it is necessarily linked to other individuals, suggests contact with them. In order to analyze them it is necessary to take into account the age, social status, gender, type of behavior, social maturity, and many other parameters of an individual. In this aspect very important is the human ability to differentiate between large and small groups of people according to certain social criteria and to choose for himself or herself a group of people, at which the frustrated-maladjusted individual would like to refer. It is necessary that each of these differentiated groups or individuals who adapt have appropriate forms of adaptive behavior. Not only the process of differentiation is important, but the objectivity of evaluation capacity in terms of the importance of human groups, because in a significant, for example, reference or benchmark group, positive or negative processes will be more and more noticeable and have a stronger effect on the psychophysical condition of the organism [7, p. 86].

Conclusions:

1). Frustration should be considered as one of the components (a brick) of the maladaptation process and outsider-like mentality – as a kind of rooting, fixation of frustration influence on the human psyche.

2). In the human mental sphere the so called post-frustration consciousness with generalized strong negative attitudes can appear.

3). It is necessary to distinguish the following types of reactions to frustration: catatonic (overcoming the causes of frustration), syntoxic (response to coexistence), autodestruktywne (with internal aggression), ekstradestruktywne (with aggression directed outside) and somatic (the effects of psychogenic nature that may cause negative organic changes).

4). Frustration cannot be a purely negative phenomenon of human life, its moderate level can promote positive individual parameters and mobilize the human for action.

5). Frustration, formed on the basis of privation or deprivation, especially during childhood, is particularly difficult if they are also accompanied with the ability to social comparison. However, the negative effect may be weakened in the process of evaluation of their impact on life situations in terms of the multiplicity of approaches, as well as feasibility and low level of personal expectations.

6). Increased physical activity, involvement in work, which often can acquire social meaning and mobilize people to a complete overcoming leads to a significant weakening of

the influence of frustration.

7). Contacts with people, communication and a reference group of the frustrated person will have great positive (or the opposite).

8). The significant weakening of the influence of frustration on the body and avoidance of its most probable consequences, including the acquisition of outsider's consciousness is possible in terms of understanding the nature of frustration and postfrustration awareness, mobilization of willpower to overcome these phenomena, reevaluation of values, change of expectations in the direction of realism, increase in physical and social activities, optimization or replacement of the reference group.

Literature

1. Зборовский Г.Е., Широкова Е.А., Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. – 2001. – №8. – С. 12–23.
2. Король В.М. Соціально дезадаптована поведінка як шлях до адиктивної поведінки неповнолітніх // Соціальна педагогіка: теорія та практика. – 2011. – №2. – С.96-100.
3. Крэйн У. Психология развития человека. 25 главных теорий // Под науч. ред. А.А. Алексеева. – СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2007. – 512 с.
4. Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. – 2000. – №6. – С. 5-24.
5. Марьин М.И., Бирюков С.Д., Смирнова М.В., Личностные факторы суицидального риска (на примере сотрудников органов внутренних дел) // Психологический журнал. – 2009 г. – Т.30. – №4. – М., Изд-во «Наука». – с.16-23.
6. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 425с.
7. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А.А. Налчаджян. – 2-е изд., перер. и доп. – М.: Эксмо, 2010.– 368с.
8. Овчинникова М.М. Об'єктивний зв'язок соціальної адаптації й рухової активності учнів навчальних закладів інтернатного типу як соціально -педагогічна проблема // Соціальна педагогіка: теорія та практика. – 2011. – №2. – С.52-58.
9. Перейма В.В. Формування позитивного ставлення до праці в соціально дезадаптованих підлітків // Соціальна педагогіка: теорія та практика. – 2011. – №1. – С.45-50.
10. Ревасевич І. Вікова динаміка розвитку структурних компонентів особистісної адаптованості у системі фундаментального експерименту // Психологія і суспільство. – 2008. – №2. – С. 105 – 115.
11. Романенко В.О. Рухові здатності людини / В. О. Романенко. – Донецьк : «Новый мир» УКЦентр. – 1999. – 336с.
12. Рибковський А.Г. Системна організація рухової активності людини / А. Г. Рибковський, С. М. Канишевський. – Донецьк : ДонНУ, – 2003. – 436 с.
13. Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 1979. – 154 с.
14. Скребець О., Дем'яненко Т., Особистісно орієнтований підхід у роботі з соціально дезадаптованими неповнолітніми // Рідна школа. – 2009. –№ 5-6. – С.51-53.
15. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. Пер. с англ. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
16. Електронний ресурс. – Режим доступу: <http://flogiston.ru/library/frustration>
17. Електронний ресурс. – Режим доступу: <http://www.psychologies.ru/glossary/>

dict/23/

18. Электронный ресурс. – Режим доступа: [:http://www.openpower.ru/society/sostoyanie-frustratsii](http://www.openpower.ru/society/sostoyanie-frustratsii)

Роздольська М. І.

Національний університет «Острозька академія»
Факультет політико-інформаційного менеджменту

РОЗВИТОК ГЕНДЕРНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ В УКРАЇНІ ТА ЗА КОРДОНОМ

Ключові слова: гендер, гендерні дослідження, проблема рівності, дискримінація.

Keywords: gender, gender studies, the problem of equality and discrimination.

Ще з античних часів питання рівності прав чоловіків та жінок набуває все більшої активності. З кожним століття жінка змінює свої гендерні ролі починаючи від матері, тобто виконання дітонороджувальної функції, закінчуючи правом голосу та тютюнопалінням. Під впливом феміністського руху зародилися гендерні дослідження, що стали галуззю міждисциплінарних підходів та отримали свій тезаурус, предмет і об'єкт дослідження. Відтак, **актуальність роботи** полягає у дослідженні встановлення гендерної проблематики як окремої дисципліни.

Гендерні дослідження – це дослідження способів відображення соціального розуміння статевих відмінностей, дослідження існування людського роду у вигляді значень і сенсу: залежно від розподілу за ознакою статі у соціальних організаціях та інституціях. Вони вивчають динаміку змін чоловічих і жіночих ролей у суспільстві й культурі, розробляють перспективну стратегію досягнення фактичної рівності можливостей жінок і чоловіків. Вивчають суспільні інститути, які формують усталені ролі і культурні норми: державу, сім'ю, систему освіти, церкву, мову, законодавство, механізм суспільного розподілу праці, засоби масової інформації і безпосередньо пов'язані з реалізацією прав людини [7]. Такі дослідження є обов'язковою умовою демократичного суспільства, яке пропагує рівність прав та свобод як чоловіка, так і жінки. Гендерні дослідження також мають на меті репрезентувати стереотипні образи обох статей, їх викривлення в процесі еволюції суспільних норм.

Початковий етап гендерних досліджень розпочався у 60 рр. Саме в цей момент гендерні дослідження з'являються у американських коледжах як окрема академічна

дисципліна. Цей етап був пов'язаний із зростання інтересу до «жіночої теми», а також з боротьбою за громадянські права, рівність рас і статей [5]. Тому невипадково, що перший курс з історії жіночого руху був прочитаний у 1965 році, у так званому Вільному Університеті Сіетлу, який був заснований студентами у рамках Вашингтонського Університету [7]. Що ж до самої дефініції поняття «гендер», то в науковий обіг вона була введена в 60-х роки ХХ ст. американським психоаналітиком Робертом Столлером, який використовував «гендер» як позначення соціальних і культурних аспектів статі [8, с 8]. Говорячи про головні досягнення, то тут варто було б зазначити, що саме на цьому етапі було введено фактор відмінності статей у традиційний соціальний життєдіяльності.

Друга стадія розвитку гендерних досліджень (1980-і роки) містила в собі визнання «жіночих досліджень» та виникнення «чоловічих» під назвою «андрології». До кінця 80-х в науці з'явилася тенденція іменувати всі дослідження, що стосуються питань статі, гендерними [5]. Також відбулась інтеграції жіночих досліджень у вищу освіту США або розвиток «гендерно збалансованих навчальних планів» засобами впровадження нових знань про жінок у традиційні дисципліни. В університетах почалося широке обговорення статусу жінок, явищ дискримінації у галузі громадських відносин та особистого життя, гендерних забобонів, що існували у соціумі, літературі та освіті. Були затверджені журнали у галузі жіночих досліджень, у їх числі «Feminists Studies», «Women's Studies», «Signs», «Quest», «Sex Roles», «Women's Studies Newsletter», опубліковані антології хрестоматій з жіночих досліджень [7].

Під час третьої стадії розвитку гендерних досліджень (кінець 1980-х – кінець 90-х років) об'єднані «чоловічі дослідження» і «жіночі дослідження» стали визаною частиною навчальних програм у сотнях вузів і самостійними факультетами в 30 американських університетах. Розвинулась інфраструктура та підвищилась увага до міжнародних проблем жінок, розповсюдились освітні програм та дослідницькі проєкти з питань жінок та гендеру в країнах Західної Європи, Африки, Близького Сходу, Азії та Латинської Америки, що призвело до інтенсивного обміну інформацією, досвідом та ресурсами між ученими та викладачами. Освітні програми набували глобальної орієнтації.

Після здобуття Україною незалежності, питання гендеру набрало все більшої актуальності. Починають розвиватися дослідницькі центри, що заповнювали величезну прогалину знань в гуманітарних науках України. Серед таких осередків «гендерного» просвітництва, діяльність яких має значний розголос і визнання в Україні та за кордоном, можна назвати насамперед «Харківський Центр Гендерних досліджень» (Ірина Жерьобкіна, Завен Баблюян, Вікторія Суковата), заснований Соломією Павличко Київський «Центр Гендерних студій» (Ніла Зборовська, Віра Агеева, Світлана Шліпченко), «Київський Інститут Гендерних Досліджень» (Наталя Чухім), «Одеський науковий жіночий Центр» (Людмила Смоляр), Львівський науково-дослідний центр «Жінка і Суспільство» (Ліліана Гентош, Оксана Кісь, Вікторія Середа) [6].

Проблему рівності в будь-якій сфері не можна розглядати поза межами права, оскільки саме воно регулює всі суспільні відносини. Україна, яка обрала стратегію європейського вибору, перебуває на етапі становлення та розвитку гендерних досліджень у праві, активного прийняття законодавчих актів, які регулюють різні види суспільних відносин щодо запровадження стандартів рівності прав

і свобод жінки й чоловіка, проведення експертиз нормативно-правових актів щодо прихованої гендерної дискримінації [4]. Одним із яких є Закон України «Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків», який спрямований на забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків, ліквідацію дискримінації за ознакою статі та застосування спеціальних тимчасових заходів, спрямованих на усунення дисбалансу між можливостями жінок і чоловіків у будь-яких суспільних сферах [2].

Принцип гендерної рівності також закріплений в Конституції України. Статті 3, 21, 23, 24 Конституції закріплюють рівність чоловіків та жінок в усіх сферах життя. Частина третя ст. 24 Конституції України, безпосередньо присвячена подоланню дискримінації стосовно жінок в Україні та наголошує на тому, що рівність прав жінок і чоловіків забезпечується: наданням жінці рівних з чоловіком можливостей у громадсько-політичній та культурній діяльності, у здобутті освіти та професійній підготовці, у праці та винагороді за неї. Створюються умови, які дають жінкам можливість поєднувати працю з материнством, тобто правовий захист, матеріальну і моральну підтримку материнства і дитинства, включаючи надання оплачуваних відпусток та інших пільг вагітним жінкам та матерям [1]. Окрім цього Україна підписала цілу низку міжнародних документів, одна із базових – Конвенція про ліквідацію всіх форм дискримінації щодо жінок [3].

Отже, завдяки гендерним дослідженням, сьогодні ми розуміємо, що проблема нерівності набагато глибша, ніж це уявлялося, вона не є відносно новою, адже ще у колоніальний період поставали питання щодо прав жінок і їх ролі у суспільстві. Потрібно підвищувати обізнаність суспільства в даній сфері, адже такого роду дискримінація є протиправною та карається чинним законодавством. Проведення гендерних досліджень і розвиток гендерної освіти є вкрай актуальним і необхідним для України як невід'ємного елемента для побудови та розвитку громадянського суспільства та демократичної держави в цілому.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ

1. Конституція України [Текст] :з урахуванням останніх змін в редакції станом на 05. 09. 2011р. / Верховна Рада України. – Суми:ТОВ «ВВП НОТІС», 2011. – 48 с.
2. Закон України «Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків» [електронний ресурс].– Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2866-15>.– Назва з екрану (05.11.12).
3. Гендерна політика в Україні [електронний ресурс].– Режим доступу: <http://www.belozerka.just.ks.ua/genderna-politika-v-ukrayini.html> .– Назва з екрану (05.11.12).
4. Гендерні дослідження в сучасному суспільстві: проблеми, реалії, перспективи [електронний ресурс].– Режим доступу: <http://www.viche.info/journal/1621/>.– Назва з екрану (03.11.12).
5. Заїка, Б.М Виникнення та розвиток гендерних досліджень [електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/>.– Назва з екрану (03.11.12).
6. Кісь, О Гендерні студії в Україні: стан, проблеми, перспективи [електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ji-magazine.lviv.ua/seminary/2000/sem17-08.htm> .– Назва з екрану (03.11.12).

7. Коваль, С. М Гендерні дослідження в освіті: історія та сучасність [електронний ресурс].– Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/vchu/N124/N124p070-073.pdf. – Назва з екрану (01.11.12).
8. Stoller, R. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity [Text] / R. Stoller. – New York, 1968. – 384 p.

К ВОПРОСУ О БОГАТСТВЕ, БЕДНОСТИ И ВЛАСТИ В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Сегодня в России наблюдается пристальный интерес к проблемам в области социальной стратификации, лидерства и власти с особым вниманием к социологическому облику наиболее/наименее обеспеченных групп населения.

Иначе говоря, социальное неравенство и социальная дифференциация как в нашей стране, так и во всем мире, обусловили научную потребность в исследовании самых разнообразных аспектов, прямо или косвенно связанных с богатством, бедностью и властью, включая изучение экономических, культурных и политических элит.

Однако специфика России заключается в том, что отношение к бедности, богатству и власти в нашей стране зачастую определяется не объективной практичностью, рациональностью, но, во-многом, опосредовано ментальной традицией, а потому и российские социологические данные по указанным вопросам могут показаться весьма странными, парадоксальными, а порой и выходящими за рамки здравого смысла. И, тем не менее, все такие особенности имеют самое прямое отношение к специфике русского менталитета, а значит – русской истории и культуре.

Однако имеющиеся на современном этапе российской истории научные данные, крайне фрагментарные и противоречивые, позволяют констатировать, что всю систему этносов, народностей и наций, которые проживают на территории РФ, довольно трудно объединить термином «общая российская история». В этой связи в данной статье предпринята попытка зафиксировать некоторые характеристики русского менталитета как самобытной этнической группы¹.

Выделим ряд факторов, которые очевидно повлияли на формирование его специфики и качественные особенности:

– *несимметричность влияния на племенную психологию культурных норм Севера и Юга*: Юг ассоциировался с кочевыми племенами печенегов, хазар, еврейско-го каганата, половцев. В отношении же Севера, культурная традиция совсем иная; во всяком случае, влияние культуры викингов на словен, меря, чудь и другие северные этносы представляется очевидным;

– *бинарность русского менталитета*, черты которого, так или иначе, можно найти уже в описаниях отечественными историками психологических особенностей характера наших далёких предков.

¹ Социальным психологом Т.Г. Стефаненко менталитет определяется как комплекс коллективных социальных установок, особенностей практического разума и повседневного мышления, его устойчивых форм, которые фиксируются в метафорах, поговорках, символах.

Авторы вполне солидарны с тамбовским социологом Т.Поляковой, которая определяет менталитет как «устойчивые духовные ценности, глубинные аксиологические установки, навыки, автоматизмы, долговременные стереотипы, рассматриваемые в определенных пространственно-временных границах, являющиеся основой поведения, образа жизни и осознанного восприятия тех или иных явлений»[1].

Историк Н.Карамзин пишет: «Между достопамятными чертами древних Русских нравов заметим также отменное уважение к старцам: Владимир слушался их совета; в гражданских Вечах они имели первенство. Наконец, сей народ, еще грубый, необразованный, умел любить своих добрых Государей: плакал над телом великого Олега, мудрой Ольги, Св. Владимира и потомству своему оставил пример благодарности, который делает честь имени Русскому» [2].

Одновременно с этим особенности русского менталитета напрямую связаны с практикой вечного поиска «свободы от государства и счастливого Беловодского царства» [3,с.4].

Именно этот факт способствовал освоению крестьянами русского Севера, Сибири и Аляски; такая причина разжигала и извечные русские бунты, была в основе восстания декабристов, в котором сами его лидеры «действовали против своих имущественных, сословных и классовых интересов» [3,с.4] во имя справедливости;

– *традиционно Россия мыслилась в образе женщины* (слово «Отечество» не сёт, скорее, оттенок государственности). Такая традиция восходит ко времени М. Грека, который писал о России как о сидящей «при пути в задумчивой позе, в черном платье» плачущей женщине, думающей о своем будущем [3,с.5]. Эта мысль была позднее оформлена в концепции «вечно бабьего» у русского философа Н. Бердяева, такая идея пронизывает творчество и работы русских мыслителей В.Соловьева, В.Розанова и многих других. Бинарность же женских типологических черт можно проследить в русских сказках: женщина на Руси – не только тихая и кроткая, но и защитница, советчица (Василиса Прекрасная и Василиса Премудрая, слабая и одновременно трудолюбивая Крошечка-Хаврошечка, недобрая, но дающая ценные советы Баба Яга и т.д.). Заметим, что и женственность России, и такая бинарная символичность сигнализируют о присутствии в русской душе того же качества – неустанного стремления к свободе и анархизму, Россия всегда «стремилась к абсолютной свободе и к правде, неместимой ни в какую государственность» [4,с.15].

При этом государственная власть, по мысли Н. Бердяева, всегда мыслится в России как нечто внешнее и для крайне левых, и для крайне правых, «потому так часто власть производила впечатление иноземной, какого-то немецкого владычества. Русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что государство – это «они», а не «мы» [4,с.17].

Видимо, как отмечает Н. Бердяев, «несоединенность мужественного и женственного в русском духе и русском характере» [4,с.31] и составляет основу духовной жизни России: ее непонятности для иностранцев, вечных исканий русской интеллигенции, нежелании русского человека жить жизнью мещанина: тихо сидеть на месте, довольствоваться малым, поскольку «перед русской душой открываются дали и нет очерченного горизонта перед духовными её очами. Русская душа сторае в пламенном искании правды, абсолютной, Божественной правды и спасения для всего мира и мука ее не знает утolenия. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни» [4,с.28].

– *природа русской духовности*, которая всегда была на Руси выше иных ценностей. Это видение основано на источниках русской духовной культуры, главными из которых выступают русская иконопись, образцы декоративно-прикладного искусства, литературные памятники (летописи, сказы, былины), в которых передан сам

образ России через символику духовных приоритетов русского народа вне зависимости от типа государственной власти.

Петербургский социолог С.В. Лурье, выделяет центральную зону ментально-сти этносов как систему образов на уровне коллективного бессознательного; локализация источника добра; локализация источника зла, а также представление о способе действия, при котором добро побеждает зло. С. Стефаненко добавляет еще одну — представление о вероятности, с которой добро побеждает зло.

Источник добра в русской ментальности — община, сегодня — это близкие и друзья, а зло проецируется на государство в образе чиновничества (ранее — барина, городского и т. п.); способ действий — «все образуется», а торжество добра мы мыслим несомненным, но... в будущем («не мы, так наши дети...») [5, с.16].

В соответствии с главными вековыми приоритетами русского народа выстраивается, соответственно, и понимание русскими богатства, бедности и традиционное отношение к власти.

Представления о богатстве на Руси всегда были неоднозначными. Богатство в смысле зажиточности, довольства, сытости было тесно связано с личным трудом и обеспеченностью семьи продовольствием и имело положительный оттенок. Труд почитался крестьянами в качестве первоосновы материального благосостояния и нравственного поведения: «Без труда нет добра»; «Труд кормит и одевает».

При этом понятия «богатство» и «довольство» могли противопоставляться: «Богатым быть трудно, а сытым (а довольным) не мудрено». Богатство как явление положительное связывалось с наличием ума и со способностью самостоятельно мыслить: «Богатство ум рождает», «Смотря на людей, сыт не будешь». Идеальное представление крестьянина о богатстве ассоциировалось «не с количеством материальных благ, а с полнотой бытия», не было противопоставления материального богатства духовному, экономического благосостояния нравственному совершенствованию, а «спутником материального достатка» должно было быть «нравственное и душевное здоровье».

С другой стороны, богатство, понимаемое как обладание имуществом и деньгами, позволявшими иметь сверх необходимого, используемое как источник извлечения новой прибыли, приближалось к понятию «капитала» и имело явно осуждающий оттенок. Наличие психологической ориентации на использование собственности в качестве капитала было для крестьян самым точным индикатором, позволявшим определять «кулака».

Кулак — это характеристика не столько имущественного состояния крестьянина, социальная характеристика, сколько состояние его души. Такое богатство, его происхождение и рост связывались не с трудовой деятельностью, а с несправедливыми, не соответствовавшими христианской морали делами и прямым обманом: «В аду не быть, богатство не нажить», «От трудов праведных не нажить палат каменных».

Часто считали, что любое богатство связано с грехом: «Богатство перед Богом — большой грех»; «У кого деньги вижу, — души не вижу»; «Пусти душу в ад — будешь богат». Отсюда следовали выводы: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть с грехом». То есть образ бедняка больше согласовывался с народным идеалом. Отсюда особое отношение у русского человека к юридическим, «несчастеньким», как особо отмеченным Богом [6].

Пословицы и поговорки о богатстве и бедности раскрывают отношение русского крестьянина, рабочего человека к деньгам, заставляют задуматься над проблемой денег. Пословицы и поговорки рассказывают, в чём ценность денег, в чём их сила, а в чём зло. Поэтому герой русского фольклора, наделенный такими качествами как доброта, щедрость, честность глубоко симпатичен русскому народу.

Исследуя социальные представления о бедном и богатом сказочных персонажах, А.Л. Журавлев и Т.В. Дробышева указывают их следующие характеристики: в представлениях русского народа бедный может быть как умным, так и глупым, однако в большинстве русских народных сказок главное место занимает повествование о действиях и поступках бедняка, а не богача. При этом как бедные, так и богатые сказочные герои обладают и положительными, и отрицательными качествами личности. Однако бедный персонаж, как правило, проходит через множество испытаний, изменяется, приобретает опыт и либо становится другим (при условии, что его образ изначально включал много отрицательных характеристик), либо остается таким же, как и был. В конце повествования, если бедняк устоял перед трудностями, вынес много положительного для себя и проявил это по отношению к другим, то он обычно получает вознаграждение, причем как материального, так и морального характера. В любом случае его образ в сказках более динамичен, чем образ богатого персонажа. В целом, богатый по сравнению с бедным производит впечатление в большей степени отрицательного, чем положительного героя. Отношение русского народа к богатому человеку амбивалентно: почти все наиболее значимые характеристики имеют близкое число упоминаний в описании и бедного, и богатого, причем как положительные, так и отрицательные. К примеру, в волшебных сказках, в которых число упоминаний о бедном три раза больше, чем о богатом, бедному человеку предоставляется возможность в конце повествования стать богатым, успешным и счастливым [7, с.23-24].

Противопоставление богатства и бедности, понимаемой как свобода от «грязи» денег, оказывается одним из проявлений антитезы «материальное – духовное» («низменное – высокое») – основной в земной жизни человека. Богатство перед Богом – великий грех, а бедность перед людьми – так выражает пословица причину отрицательного отношения к противоположным проявлениям уровня материального состояния человека. Отсюда одновременно следует вывод о том, что и в этой области жизни, как почти во всех остальных, следует предпочесть «золотую середину».

Соотношение в пословицах понятий «богатство» и «ум», их причинно-следственные связи оказываются неоднозначными. С одной стороны, накопить состояние, будучи глупым, весьма проблематично, с другой – ситуация «глупый и богатый» возможна, так как богатым можно стать не только благодаря собственному усердному и разумному труду, но и по другим причинам: богатство можно получить в наследство или в подарок, его можно нажить нечестным путем.

Таким образом, отрицательная оценка богатства связана со следующими причинами:

Большое богатство – это большие заботы; бедному, напротив, не о чем беспокоиться, так как ему нечего терять;

Богатство закономерно ведет к высокомерности и надменности; высокомерное же и спесивое поведение однозначно отождествляется с глупостью;

Богатство – грех: большого состояния нельзя нажить честным трудом; где богатство, там безнравственность и преступления; честная бедность предпочтительнее греховного богатства;

Где богатство, там, как правило, скупость и жадность [8].

С другой стороны, сами элиты, властвующие и экономические, отчуждаясь – противопоставляли себя народу и бедноте. Процесс институционализации власти неотъемлемо связан с её обособлением.

К примеру, в IX–X вв. самостоятельно выделяются институты князя и княжеской дружины, эта сепарация связана с проведением военных кампаний и приобретенным богатством, которое было получено в течение кампании. Такие процессы привели к естественной дифференциации и отсутствующему ранее разделению на богатых князей с дружинами и крестьян, ремесленников. [9, с 95-96]. Дальнейшая история Руси лишь укрепляет позицию сильного и богатого властителя, а также закрепляет за народом образ «дремучего, не сведующего землепашца». Но обладая образным «негражданским» мышлением народ не мог подчиняться просто «управленцу», ему необходим обряд или культ, князь не мыслилось только как продукт общественного отношения. С принятием христианства княжеская власть начинает рассматриваться как священное (сакральное) качество, как наместничество Бога на земле, (что в последствие просуществует на Руси многие столетия), а потому и свят не только князь, но и весь княжеский род, который воспринимался как единое целое [10 с. 67].

Таким образом, уже с момента правления Олега власть очень наглядно демонстрирует позицию самодержавия. А все последующие исторические, культурные и социальные преобразования на Руси и в России лишь все более явно увеличивали пропасть между двумя государствообразующими кластерами: «элита» (правлящая и приближённая к правящей) и «народ».

Литература:

1. Полякова Т.А. Менталитет личности как социально-культурологический феномен: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01.- Теория и история культуры, Тамбов, 2005.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 томах. Т.1. Гл.10 [Электронный ресурс]. URL:<http://www.bibliotekar.ru/karamzin/10.htm> (дата входа 10.09.2012).
3. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.
4. Бердяев Н. Судьба России. М.: АСТ, 2005.
5. Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России: (Теория наблюдения, биограф. интервью. Советы студентам) / Российская академия наук, Ин-т социологии, Гос. акад. ун-т гуманитар. наук, Науч.-образоват. центр по специальности «Социология»; под ред. В. А. Ядова. – М.: ТАУС, 2009.- 352 с.
6. Новиков А.В. О богатстве и бедности в российской традиции // Социальные проблемы – 2008 – №2.
7. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Социальные представления о бедном и богатом сказочных персонажах // Вестник практической психологии образования №3(20) июль – сентябрь 2009.

8. Тимошенко Е.И. Бедность не порок. Бедность не порок (характер оценки в русских и белорусских пословицах о богатстве/ бедности). [Электронный ресурс] URL:<http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/24855/1>(дата входа: 12.01. 2014)
9. Плотникова О.А. Становление института княжеской власти в древней Руси. [Электронный ресурс] URL: <http://2008.isras.ru/files/File/Vlast/2008/04/Stanovlenie%20instituta.pdf> (дата обращения 16.01 2014)
10. Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.- 987с.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: КОНЦЕПЦИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация: Концепция мультикультурализма появилась в 70-х годах XX столетия, когда развитые страны Западной Европы столкнулись с проблемой совместного проживания в одной стране людей различных культур, языков, религий. Призыв к толерантности в рамках концепции на время отложил необходимость решения проблемы, которая вновь встала перед современными развитыми обществами.

Ключевые слова: мультикультурализм / multiculturalism, культура / culture, общество / society, трудовая эмиграция / labor emigration, конфликты / conflicts, государство / government

Социальные концепции как умозрительные представления о действительности возникают по-разному. Однако на деле все возможные варианты сводятся к двум: либо концепция предшествует действительности, либо действительность предшествует концепции, в которой она получает дальнейшее осмысление. То есть либо сначала появляется концепция, которая затем усилием различных людей и политических сил воплощается в социальную действительность, либо осмысления или обоснования в теоретической концепции. В случае с концепцией мультикультурализма мы имеем дело со вторым вариантом, когда реальные события в ряде стран Западной Европы потребовали их даже не столько обоснования и осмысления, сколько поддержки действенной концепцией, которой и стала концепция мультикультурализма. Но обратимся к этим событиям.

Когда в Западную Европу хлынула волна трудовых мигрантов сначала в основном из стран, бывших ранее колониями, а затем и просто из стран с менее высоким экономическим уровнем жизни, то с целью примирения местного населения с приезжающими, которые по большому счету не собирались возвращаться к себе домой и намеревались обосноваться на новом месте, практически, навсегда, была создана, а точнее разработана, концепция мультикультурализма. Она возникла в 70-х годах XX столетия и суть ее состояла в том, утверждалась «правомерность и ценность культурного плюрализма, уместность и значимость многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических и расовых). В контексте мультикультурализма непохожесть и отличительность» переставали «рассматриваться как чуждое, становясь просто другим» [2]. Не сразу, но достаточно быстро эта концепция получила всеобщее признание на Западе и превратилась в принцип, которым стали руководствоваться политики в государстве, защищая его не только ставшим тогда модным понятием «толерантность», но и правовыми актами. В результате появились такие восторженные определения мультикультурализма, как следующее: «**Мультикультурализм (multiculturalism)** – признание культурного плюрализма и содействие ему. В противовес тенденции в современных обществах к культурному объединению

и универсализации, мультикультурализм прославляет, а также стремится защищать культурное разнообразие (например, языки меньшинств), одновременно сосредотачиваясь на часто неравных отношениях меньшинства к главенствующим культурам. После десятилетий преследования аспекты местных или иммигрантских культур теперь получают некоторую поддержку со стороны мирового общественного мнения и международного сообщества (например, Организации Объединенных Наций)» [1].

Почему возникла концепция мультикультурализма, которая до недавнего времени была очень популярна в западных странах и которая практически привела западные государства к проявлениям бытового и политического экстремизма, волны которого то затихают, то захлестывают эти государства? Поскольку наше государство, а именно Россия, повторяет ошибки Запада, считаю необходимым остановиться на этом вопросе.

Первая волна трудовой эмиграции в страны Западной Европы закончилась к концу 70-х – началу 80-х годов XX столетия. Она в основном состояла из выходцев из бывших колоний европейских метрополий, а потому мигранты так или иначе владели языком той страны, в которую они переселялись, и имели некоторое представление о существовавших в ней порядках. Благодаря этому они имели возможность легко адаптироваться на новом месте, где им удавалось устроиться на малоквалифицированную работу в основном в сфере промышленного производства. Однако при желании мигранты могли повысить свое знание языка принимающей их страны, получить образование и занять более престижное место в социальной структуре в государстве. Поэтому мигранты первой волны стремились максимально интегрироваться в культуру и социальную жизнь и структуру их новой Родины. Это, а также сравнительно малая численность мигрантов практически сводили на «нет» возможность конфликтов месту местным населением и «приезжими». А потому вопрос о мультикультурализме как таковом пока еще не вставал вообще. Но к концу 70-х годов XX столетия ситуация резко изменилась.

Рубеж 70-х – 80-х годов принес Западной Европе, а я веду речь именно о ней, поскольку такую развитую страну как США эти процессы не коснулись вообще, так как там собственно коренного населения практически уже давно не было (не зря его остатки – индейцев – держали в резервациях, чтобы сохранить, как явления, которое, фактически, ни на что не влияет), вторую волну эмиграции, которая принципиально отличалась от первой. Дело в том, что к тому времени, то есть к началу второй волны эмиграции, в силу многих причин, в числе которых были и модернизация и автоматизация производства, и периодические кризисные явления в экономике, положение низших слоев населения во многих развитых странах Европы ухудшилось, из-за чего эти страны ввели серьезные ограничения на въезд в них низкоквалифицированной рабочей силы, считая, что подобные рабочие места будут востребованы гражданами этих стран из низших слоев общества. Однако эти ограничения не остановили желавших приехать на заработки и в результате возникла нелегальная эмиграция, которая дополнялась также временной эмиграцией, нацеленной лишь на то, чтобы быстро заработать определенную сумму денег и вернуться к себе домой. К ним прибавились еще и беженцы, которые и не думали интегрироваться в чуждые им общества с иными языками и культурами и, воспринимая свое положение как временное, лишь ждали того момента, когда они смогут возвратиться в свою страну (когда там

закончится переворот, война и т.п.). Однако и нелегальные эмигранты в отличие от легальных первой волны вовсе не были нацелены на вращение в новую для них социальную среду той страны, куда они прибыли. И в числе причин этого было то, что, если эмигранты первой волны работали на промышленных предприятиях в больших коллективах и обладали, хоть и низким, но все же социальным статусом, то нелегальные эмигранты оказались востребованными лишь в низкоквалифицированном или вообще неквалифицированном плохо оплачиваемом сегменте сферы услуг, где они работали либо по одиночке, либо в маленьких коллективах, в силу чего их социальный статус оказывался практически нулевым: для той работы, которую они выполняли, от них практически ничего не требовалось, кроме работы: не требовалось даже знания языка принимающей их страны. А потому они и не стремились интегрироваться в принимающее их общество и в его культуру.

Проблема с нелегальной эмиграцией усугублялась еще и потому, что, с одной стороны, у местного населения, особенно у его низших слоев, возникало ощущение, что мигранты отнимают у них рабочие места, что неизбежно вело к конфликтам между ними и приезжими; а, с другой стороны, отсутствие требований к квалификации и знанию языка принимающей страны стало притягивать всех нуждающихся в какой-либо работе, и в развитые страны потянулись люди, далекие в культурном и социальном отношении к этим странам, не способные объясняться на языке этих стран. В результате возникла благодатная почва для конфликтов между населением принимавших стран и трудовыми эмигрантами. А если учесть, что в количественном отношении эмиграция второй волны во много превосходила эмиграцию первой волны, то столкновения между местным и пришлым населением оказались практически неизбежными.

Более того, возникла ситуация, когда местное население не хотело принимать в свои ряды приехавших к ним людей иных культур, а последние и не стремились к тому, чтобы вливаться в их ряды. Они объединялись со «своими» по принципу землячества, в силу чего стали возникать сначала кварталы, а потом и районы, в которых жители исповедовали «свою» религиозную веру, говорил на «своем» языке, соблюдали традиции «своей» культуры, приобщали своих детей «к культуре своих предков» и т.д.

Если до 70-х годов XX столетия в Западных странах предполагали, что трудовые эмигранты в их странах рано или поздно (возможно, если не в первом, то хотя бы во втором или в третьем поколении) ассимилируются в их культуры, то к рубежу 70-х – 80-х годов стало ясно, что этого не произойдет. И тогда и возникла концепция так называемого мультикультурного общества, которая просуществовала до 10-х годов XX столетия. А в 2010 году политики развитых государств Европы один за другим стали признавать ее поражение. Сначала не выдержала Ангела Меркель, произнеся: «Этот мультикультуралистский подход, согласно которому мы просто живем бок о бок, и все довольны, полностью провалился» [3].

Ее позицию разделил премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, сделавший заявление, что британские власти меняют свое отношение к политике мультикультурности, поскольку их общество нуждается в более крепкой национальной самоидентификации для того, чтобы предотвратить обращение людей к экстремизму: «Говоря честно, нам меньше нужна пассивная толерантность последних лет

и много больше – мускулистый либерализм. ... Создание более сильного чувства принадлежности к нации или месту, где живёшь, является ключом для достижения настоящей сплочённости, позволяющей людям сказать: "Я мусульманин, я индус, я христианин, но я лондонец тоже". Нам не удалось дать им видение общества, к которому они бы почувствовали желание принадлежать. Мы даже толерантно относимся к этим сегрегированным сообществам, чей образ жизни противоречит нашим ценностям» [4].

Не отстал от лидеров Германии и Великобритании и бывший тогда президентом Франции Николя Саркози, который также сделал заявление о том, что политика мультикультурализма в его стране потерпела крах: «Да, это провал. Дело в том, что во всех демократических сообществах уделяли слишком много внимания идентичности тех, кто приезжает в страну, и слишком мало внимания идентичности тех, кто их принимает. Общество, в котором общины сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным. Если кто-то с этим не согласен, пусть не приезжает во Францию. Национальное французское общество не хочет менять образ жизни. Оно не намерено отказываться от принципа равенства между мужчинами и женщинами, от права девочек ходить в школу» [5].

Однако фактически отказ от концепции и политики мультикультурализма по сути мало что изменил в общественных системах Западной Европы, поскольку уже приехавшие туда ранее трудовые эмигранты осели в различных странах, пустили корни и часто стали диктовать свои условия совместного проживания принимавшим их странам. Здесь достаточно вспомнить хотя бы многочисленные конфликты на религиозной почве между мусульманами и христианами и во Франции, и в Германии, и в Великобритании, и в других странах Европы. Концепция мультикультурализма, с помощью которой была предпринята попытка примирить людей различных культур и обеспечить им мирное сосуществование, по сути завуалировала проблему, решение которой стали откладывать на «потом». В результате вовремя не решенная проблема превратилась в гниющий нарыв, который рано или поздно прорвется. И чем дольше проблема не решается, тем сильнее будут социальные потрясения, вызванные либо попыткой разрешить проблему сверху, либо естественным вызреванием проблемы и решением ее снизу.

Современные общественные системы развиваются по схожей схеме, хотя и имеют определенные особенности. Россия никогда не была метрополией и у нее никогда не было колоний. Однако в СССР были более и менее развитые республики, различия между которыми более или менее сглаживались действиями центра. Когда же СССР развалился и все республики бывшей страны стали независимыми, а, следовательно, должны были сами заниматься собственным развитием и, конечно, экономикой, то различия между ними стали с очевидностью нарастать. А поскольку границы между бывшими советскими республиками открыты и по сей день, то, естественно, что поток мигрантов двинулся из менее экономически состоятельных в более экономически состоятельные места. В итоге мы практически получили аналог первых европейских двух волн трудовой эмиграции: миграция населения в советский период сопровождалась страстным желанием приезжавших в Россию жителей союзных республик максимально интегрироваться в русскую культуру, в совершен-

стве овладеть русским языком и получить высокую профессиональную квалификацию, дабы занимать достойное место в структуре общества. Миграция же населения из бывших союзных республик в постсоветский период сопровождается низкой квалификацией или полным ее отсутствием у приезжающих, незнанием русского языка и их нежеланием овладевать ни тем, ни другим. В результате в современной России возникла ситуация аналогичная европейскому мультикультурализму. Но к чему этот мультикультурализм может привести, мы уже видели на примере Европы, которая в политическом плане отказалась от него. Процессы же столкновений, не говоря уже о конфликтах, в современной России между местным населением и трудовыми мигрантами, идут полным ходом, что говорит о том, что государству следует не призывать к толерантности, а выработать адекватную не национальную, а миграционную политику, закрепленную в его правовых документах, чтобы предотвратить экстремистские действия как своего, так и приезжего населения.

Концепция мультикультурализма, как отмечалось в начале статьи, появилась вслед за изменениями в общественных системах. Она сыграла свою роль, обосновав существовавшую трудовую миграцию и призвав местное население принимавших трудовых мигрантов стран к толерантности. Однако одними призывами к толерантности возникшие вследствие трудовой миграции проблемы решить невозможно. А потому необходима выработка четкой политики в отношении трудовой миграции в различных обществах в силу того, что общества проходят аналогичные этапы развития и сталкиваются с аналогичными проблемами.

Литература:

1. Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ. – М., 2001 // <http://voluntary.ru/dictionary/567/word/multikulturalizm>
2. Зиновьева Т.В. Основные социологические термины. Учебное пособие. – Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2006. С. 66.
3. <http://www.russian.kiev.ua/print.php?id=11605114>
4. <http://www.inomnenie.ru/debate/4499/>
5. youtube.com/watch?v=whG1eAAfrdA

Муляр В. І.

доктор філософських наук, професор,
завідувач кафедри гуманітарних і соціальних наук
Житомирського державного технологічного університету

СВЯТИЙ ТОМА: ТИТАН СЕРЕДНЬОВІЧНОЇ ПОЛІТИЧНОЇ ФІЛОСОФІЇ

На завершенні попереднього мого матеріалу (Святий Аврелій Августин: титан середньовічної політичної філософії // Zbior raportow naukowych. "Naukowe prace, praktyka, opracowania, innowacje 2013 roku" – Zakopane, 2013) було зазначено, що цілісні філософсько-світоглядні, теологічні та соціально-політичні погляди святого Аврелія Августина домінували у західноєвропейському світі вісім століть, до тих пір, поки не з'явилась об'єктивно необхідна їх модернізація у відповідності до вимог часу, а в рядах Отців Церкви новий її титан – святий Тома.

Святого Тому (Фому Аквінського, 1225-1274 рр.) справедливо вважають одним з найвидатніших інтелектуалів західноєвропейського середньовіччя.

Він народився у невеличкому містечку Аквіно поблизу Неаполя на півдні Італії в родині впливових аристократів. Всупереч волі батьків Тома вступив до новоствореного Домініканського ордену, став ченцем. Навчався в Парижі у Альберта Великого, а коли той перебрався до Кьольна, поїхав услід за ним. Потім повернувся до Парижа, працював у папському суді в Римі, беручи найактивнішу участь в тогочасних філософських і теологічних дискусіях. Завдяки одержаній блискучій на той час освіті, а також гострому і аналітичному розуму Тома дуже швидко став одним із найбільших авторитетів того часу в царині християнської філософії та теології.

Поява у християнському світі Західної Європи постаті Томи Аквінського співпала з процесами, коли до християнської Європи через єврейські і арабські джерела вперше почали потрапляти аристотелівські праці. Звісно, вони несли на собі тавро невідповідності церковним постулатам. Першою реакцією церкви була заборона цих праць, однак це не було ефективним засобом – аристотелізм поступово поширював свій вплив на середньовічне громадянство, викликаючи найрізноманітніші думки. Одним з наслідків цього процесу стали середньовічні ересі, з якими католицька церква боролася надзвичайно жорстоко. Разом з тим, розуміючи, що заборонаю своєї мети не досягнути цілковито, церква спробувала використати вчення Арістотеля з користю. Поряд з тим, що вона чинила опір поширенню поглядів великого грека, церква покладалася і на перегляд його творів. З часом вчення Арістотеля не тільки сприйняли, але й зробили наріжним каменем римсько – католицької філософії. Менше ніж за століття те, чого боялися як джерела антихристиянської новації, обернулося на нову і на багато століть незмінну систему християнізованої філософії. І тут значна роль Альберта Великого. Але ще величніша роль припала його учневі Томі Аквінському.

Очевидно вся світоглядна і, зокрема, соціально-політична доктрина Томи Аквінського ґрунтувалася на його розумінні світу як системи, де все перебуває в гармонії та відповідності. А джерелом останніх є Бог – найдосконаліша і найгармонічніша сутність. Як творець Господь покладає свою гармонійність на

світ, який він створив. Звідси ідея про те, що людське усвідомлення Бога і світу має бути також системою, чимось цілісним. А надто це стосується наук – вони повинні перебувати в чіткій ієрархії, де кожна з них має своє місце і відіграє свою роль так само, як і частини світу, які вивчаються цими науками. Над усіма науками стоїть філософія – раціональна дисципліна, яка прагне сформулювати та обґрунтувати універсальні засади усіх наук. Найвище ж місце займає християнська теологія. Вона спирається на божественне одкровення, і так само як Бог є вершиною світу, теологія завершує все знання науки про світ та Бога.

Важливим висновком теоцентричної картини світу Фоми Аквінського є той, що теологія як божественне одкровення зовсім не протистоїть філософії як найвищому раціональному рівню людського осягнення Бога і природи. Більше того, віра (теологія) і розум (філософія) доповнюють одне одного. Віра – це вдовolenня розуму. Разом вони утворюють храм знання так само, як весь світ являє собою храм Божий – від самого Господа до найнижчого його творіння. Кожен елемент цього світу має своє місце, виконує свою роль, прагнучи добра і досконалості. Не є винятком і соціально-політичне життя. Суспільство, на думку Томи, – це система цілей та намірів, в якій нижче служить вищому, вище керує нижчим і вже веде його. Успадковуючи Арістотеля, Тома стверджує, що суспільство є взаємним обміном послуг заради життя. І в цьому процесі кожен має свою роль і реалізує свою природу. Оскільки ж людське життя може бути тільки спільним за своєю природою, то спільне добро вимагає, щоб система мала керівну частину. Святий Тома пояснює заснування й правління держави провидінням, за допомогою якого Бог творить світ і править ним.

Тома Аквінський відомий, насамперед, як автор найвидатнішого твору середньовічної схоластики – праці “Суми теології” (1268-1273 рр.) В ній християнський мислитель здійснив синтез католицької філософії та теології, намагаючись узгодити раціональні погляди класичного давньогрецького світогляду з нововідкритими християнськими істинами. Він зробив успішну спробу створити цілісну систему католицької віри, моралі, засадних принципів та практики суспільного життя. Аквінський по-новому обґрунтував концепцію історії і політики, подану Августином. Він дійшов висновку про те, що держава несе в собі і поза собою позитивні цінності не тільки як охоронець миру, але і як прояв Божого провидіння та волі людства. За його думкою справжнє суспільство має бути пронизане ідеалами християнства, тому що держава швидше за все є не наслідком гріха Адама, а виступає як природне утворення. Тому в такій державі людина може реалізувати свою добру волю двома шляхами: як добрий громадянин та як християнин, який прагне спасіння.

Політика Т. Аквінському уявлялася такою сферою суспільного життя, де обов’язково має бути моральна відповідальність, виважене керівництво розуму людини її прагненнями у будь-якій сфері суспільної діяльності. Це означає, що діяльність у політиці має ґрунтуватися на такому виборі засобів, щоб досягати моральної мети, яка повинна співпадати з добробутом суспільства і держави. Адже за природою люди наділені здатністю вирізняти добро, творити його, хоча і не застраховані від помилок. Саме цим повинна характеризуватися політика, яка і спрямована на досягнення добра. У цьому контексті Тома Аквінський і говорить про державця-людину, яка покликана Богом служити всьому суспільству і відповідати

перед ним. Усі вчинки правителя виправдовує лише те, що він сприяє загальному добру. Його влада, оскільки вона дана йому Богом для справедливого влаштування людського життя, – це функції або служба, підпорядковані суспільству, на чолі якого він стоїть. Правитель не має права здійснювати владу більше, ніж потрібно, бо моральна мета його правління є головною. Іншими словами, обов'язок державця полягає в тому, щоб спрямовувати життя та дії людей таким чином, щоб вони жили щасливо і добродібно. А таке життя – справжня мета людини в суспільстві. І в цьому людське життя співпадає з Божим провидінням.

Як бачимо з вищесказаного, Тома Аквінський чи не вперше в умовах християнського середньовіччя ставить питання про моральні засади політики в цілому, діяльності правителя держави, зокрема. Його функція – закладати підвалини людського щастя шляхом підтримання миру і злагоди, оберігати його, стежити за тим, аби здійснювались усі доконечні служби державного управління, судочинства та оборони й поліпшувати його, виправляючи зловживання, якщо вони трапляються. За думкою Томи владу слід обмежувати, а для цього її необхідно здійснювати згідно з законом. Якщо ж державець не дотримується цієї умови і цим погіршує життя громадян – має бути вчинений опір його правлінню як такому, що не досягає головної мети і не відповідає задуму Божому. Виправданий опір – це громадянська дія всього народу, і право на нього гарантоване тією моральною обставиною, що ті, хто вчинив опір, відповідальні за те, щоб їхні дії були менш шкідливими, ніж зловживання, що їх вони можуть усунути. Підбурювання до бунту й непокори він вважав смертельним гріхом, але стверджував, що виправданий опір тиранії – це не бунт.

Особливого значення Тома Аквінський надавав закону. Його ставлення до закону було настільки шанобливим, що він твердив, начебто влада закону притаманна людській природі, а не залежна від неї. Разом з тим, сам закон “отець” церкви розумів двояко: широко і вузько. В широкому розумінні закон, за думкою Томи, є невід'ємною частиною Божого врядування, за допомогою якого скеровується все як на землі, так і на небі. Таку систему він розглядає як органічний прояв Божого розуму, що регулює взаємини між усіма створіннями, живими і неживими, тваринами і людьми. Закон у вужчому, людському розумінні був дуже важливим, але все ж аспектом космічного факту. За задумом Божим обидва закони мають функціонувати у цілковитій гармонії.

Класифікація Фомаю Аквінським закону включає чотири частини. Це він виклав у трактаті про закони, що входив до праці “Суми теології”. Вчений виділяє вічний закон, божественний закон, природний закон, людське позитивне право. Перший, вічний закон майже тотожний розуму Бога. Це вічний план божественної мудрості, за допомогою якого здійснюється все творіння. Тому вічний закон є зразком для всіх інших законів, які закорінені в ньому. Другий, божественний закон можна характеризувати як віддзеркалення божественного розуму у споріднених речах. Він виявляється, насамперед, у одкровенні Божому. Це зведення законів або специфічні правила християнської моралі чи законодавства, дані через Святе Письмо і даровані Богом іудеям як обраному народу. Божественний закон – це дарунок Божої милості, а не відкриття природного розуму. Третю частину закону складає природний закон. Він полягає у тому, що люди інстинктивно прагнуть до самозбереження. Як і тварини, вони мають специфічні схильності, наприклад статевий потяг, інстинкт піклування

про дітей тощо. Та все ж серцевину природного закону складають, з одного боку, природна схильність людей до пізнання світу і насамперед Бога, а з іншого боку – здатність і прагнення до спільного життя. Людина за природою своєю, на думку Томи Аквінського, є несамодостатньою, а тому прагне цілісності. Цієї цілісності вона досягає у пізнанні. Однак в пізнанні окремих явищ світу людина користується конкретними науками. А в пізнанні Бога вона виходить на найвищий рівень наук – теологію, і саме тут людина може досягати цілісності. Разом з тим, люди – це соціальні колективні істоти. Їхня колективність виступає способом досягнення цілісності, гармонії. І тут політика, державницьке життя відіграє свою позитивну роль.

Нарешті, четверту частину закону становить позитивне право людей. Воно полягає в тому, що люди за божественним задумом здатні відрізнити добро, його творити власною діяльністю і постійно прагнути до нього. Позитивне право виступає своєрідним виховним засобом, який заважає людям коїти зло заради того, щоб забезпечити можливість мирного співжиття громади. Людське позитивне право набуває якості закону тоді, коли воно відповідає здоровому глузду. Останній виступає основою життя людей – як звичайних, так і державців. Державець – така сама людина з доброю волею, розумом і природним правом, як і будь-хто інший. Тому, якщо впроваджуване ним позитивне право не збігається з природним законом і здоровим глуздом, то воно є не законом, а його перекрученням.

Політична філософія Томи Аквінського отримала найширше поширення у Західній Європі. Вона була стверджена як офіційна світоглядна позиція католицької церкви ще в XIII столітті, фактично у своїй основі такою залишається і до сьогодні.

Література:

1. Аквінський Тома. Коментарі до Аристотелівської „Політики” / Пер. з латини О. Кислюка; Передм. В. Котусенка. – К.: Основи, 2000. – 794 с.
2. Себайн Джордж Г., Торсон Томас Л. Історія політичної думки / Пер. з англ. – К.: Основи, 1997. – 838 с.